

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 9/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); MARTINES PERES X. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 9/2021 (Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

РОССИЯ — ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

- 6** Н.М.Боголюбова, Ю.В.Николаева. **Россия и Бразилия. Диалог в образах и ритмах искусства балета в начале XXI века**
- 25** Е.К.Березина. **Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

- 42** А.В.Будаев. **Восточная Республика Уругвай: большая «мягкая сила» маленькой страны**
- 59** А.С.Андреев. **Австралия — Латинская Америка: возможности и вызовы сотрудничества в XXI в.**
- 72** **Л.С.Хейфецу — 75 лет**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 73** А.Л.Чернышев. **Боливийская головоломка. Почему MAS снова победила на выборах через год после свержения?**

КУЛЬТУРА

- 83** Я.Г.Шемякин. **«Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 97** Б.Ф.Мартынов. **Бразильская историография об участии Советского Союза во Второй мировой войне**

SUMARIO

RUSIA — AMERICA LATINA

- 6 Natalia Bogoliubova, Yulia Nikoláeva. **Rusia y Brasil. El diálogo en imágenes y ritmos del arte del ballet a principios del siglo XXI**
- 25 Elizaveta Berezina. **La diplomacia pública de Rusia en América Latina: peculiaridades e instituciones**

VINCULOS INTERNACIONALES

- 42 Andrey Budáev. **La República Oriental del Uruguay: la gran “fuerza blanda” de un país pequeño**
- 59 Antón Andréev. **Australia — América Latina: oportunidades y desafíos de la cooperación en el siglo XXI**
- 72 **Lázar Jeifets cumple 75 años**

PUNTO DE VISTA

- 73 Alexey Chernyshev. **El rompecabezas boliviano. ¿Por qué el *MAS* ha ganado de nuevo las elecciones un año después del derrocamiento?**

CULTURA

- 83 Yákov Shemiakin. **“Lo fronterizo” como el medio de la conservación y afirmación de la identidad**

VIDA CIENTIFICA

- 97 Boris Martynov. **La historiografía brasileña sobre la participación de la URSS en la Segunda Guerra Mundial**

CONTENTS

RUSSIA — LATIN AMERICA

- 6 Natalia Bogoliubova, Yulia Nikolaeva. **Russia and Brazil. Dialogue in the images and rhythms of ballet art at the beginning of the XXI century**
- 25 Elizaveta Berezina. **Russian public diplomacy in Latin America: specifics and institutions**

INTERNATIONAL TIES

- 42 Andrey Budaev. **The Oriental Republic of Uruguay: great “soft power” of a small country**
- 59 Anton Andreev. **Australia — Latin America: opportunities and challenges of cooperation in the 21st century**
- 72 **Lazar Kheifets is 75 years old**

POINT OF VIEW

- 73 Alexey Chernyshev. **The Bolivian puzzle. Why did MAS Win the elections again one year after the overthrow?**

CULTURE

- 83 Yakov Shemiakin. **“Borderland” as a way of pressing and asserting identity**

SCIENTIFIC LIFE

- 97 Boris Martynov. **Brazilian historiography on the participation of the USSR in the Second World War**

Н.М.Боголюбова, Ю.В.Николаева

Россия и Бразилия. Диалог в образах и ритмах искусства балета в начале XXI века

Современный культурный диалог России и Бразилии развивается весьма успешно и активно. Одно из оригинальных направлений сотрудничества — искусство балета. В данном исследовании на основе богатого и разнообразного материала авторы предприняли попытку показать роль хореографических связей в культурном взаимодействии России и Бразилии, рассмотреть балет как инструмент «мягкой силы» и эффективное имиджеформирующее средство. В статье показан двусторонний характер диалога обеих стран в начале XXI в., выявлены важные формы профессионального сотрудничества в сфере искусства балета, определяющие современный характер потенциальных контактов. Особое внимание уделено уникальной образовательной форме современных связей — балетной школе Большого театра в городе Жоинвиле, которая уже подготовила талантливых артистов, призеров международных конкурсов и лауреатов авторитетных хореографических премий. В статье представлен анализ форм хореографического сотрудничества и показана их роль в диалоге двух стран.

Методологические подходы сформулированы авторами, исходя из поставленной цели и с учетом междисциплинарного характера заявленной темы: рассмотреть связи России и Бразилии в сфере хореографического искусства как важного направления двусторонних контактов, внешней культурной политики обеих стран и инструмента «мягкой силы». В исследовании использован компаративный метод, позволяющий выявить общее и особенное в хореографических связях России и Бразилии на современном этапе, а также отметить их динамику. Дескриптивный подход дает возможность рассмотреть и описать события (конкурсы, гастроли, совместные проекты), которые объединили Россию и Бразилию в сфере хореографического искусства в начале XXI в. и являются оригинальной формой хореографического сотрудничества. Биографический подход позволил воссоздать биогра-

Наталья Михайловна Боголюбова — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ (<https://orcid.org/0000-0002-3647-748X>, bogoliubovanm@gmail.com); **Юлия Вадимовна Николаева** — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <https://orcid.org/0000-0003-2474-9019>, mollycat@mail.ru; j.nikolaeva@spbu.ru).

фию артистов балета — участников диалога. В работе применены такие общенаучные методы, как анализ и синтез.

Ключевые слова: танец, балет, Россия, Бразилия, международные отношения, российско-бразильские культурные связи, балетные школы.

DOI: 10.31857/S0044748X0016129-0

Статья поступила в редакцию 13.01.2021.

В культуре стран Латинской Америки танец всегда занимал особое место. Жители латиноамериканских стран воспринимают его как важнейшую часть своего нематериального культурного наследия. Зажигательные ритмы, яркие образы, эмоциональная насыщенность, экспрессивные движения — все эти черты органично передают национальный характер латиноамериканцев. Об этом пишут многие исследователи культуры этого региона [1]; [2]; [3].

Бразилия — страна с богатыми и самобытными танцевальными традициями. С ее национальными танцами знакомы во всем мире, а бразильский карнавал можно без преувеличения назвать брендом страны, важной частью событийных туристических маршрутов. Целый ряд танцевальных ритмов Бразилии стал достоянием мировой культуры. Самым ярким примером этого, безусловно, является самба, которая родилась в первой трети XIX в. в штате Баия, но вошла в обязательную программу международных конкурсов бальных танцев. Руководитель Центра культурологических исследований Института Латинской Америки Российской Академии наук (ИЛА РАН) Н.С.Константинова, отмечает, что феномен бразильской идентичности в настоящее время вызывает жаркие дискуссии среди специалистов [4, с. 132]. Однако с уверенностью можно сказать, что важнейшей частью национальной идентичности бразильцев является именно танец.

В русской культуре мы видим схожее отношение к танцу. Балет — национальное достояние России, визитная карточка русской культуры. Русский балет можно смело назвать уникальным культурным феноменом, поскольку он, как и бразильская самба, известен во всем мире. Русский, а потом и советский балет всегда играл важную роль в формировании позитивного имиджа государства за рубежом, был эффективным инструментом культурной дипломатии нашей страны в мире [5]; [6]; [7]; [8]; [9]. Современная Россия, продолжая лучшие традиции, заложенные еще в XX в., активно развивает международное сотрудничество в области балета, что способствует активизации ее международных связей и популяризации национальной культуры. Искусство балета в России — это уникальный сплав высокого мастерства и верности классическим традициям в сочетании с современными тенденциями; это — безукоризненный вкус и одна из лучших в мире систем обучения танцовщиков. Неоспоримым достижением русской культуры является система профессиональной подготовки в области хореографического искусства, выстроенная на основе многолетнего опыта и постоянного совершенствования методики преподавания и техники исполнения. Еще в 1738 г. выходец из Франции Жан-Батист Ланде (1697—1748 гг.) открыл в Петербурге школу танцев при Зимнем дворце, на базе которой впоследствии была создана известная далеко за пределами России Академия русского балета им. Агриппины Яковлевны Вагановой.

С искусством классического балета жители Бразилии смогли познакомиться немногим более одного столетия назад благодаря гастролям русских исполнителей и балетмейстеров [10, сс. 80-81]. Однако это знакомство оказалось исключительно важным, судьбоносным и заложило основы взаимодействия в сфере искусства классического балета на долгие годы. Его значение было велико как для культурной жизни Бразилии XX в., так и для наших современников. Диалог в XX — начале XXI вв. продолжился и принес исключительно положительные результаты. Сегодня связи в области балета получили высокую профессиональную оценку.

Контакты России и Бразилии в сфере хореографического искусства — это особая грань культурного взаимодействия. Они носят двусторонний характер, год от года становятся все более насыщенными, разнообразными, осуществляются на основе взаимного интереса. В диалог двух стран включены не только прославленные академические театры и коллективы, широко известные и в России, и за рубежом, но и различные региональные хореографические центры.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-БРАЗИЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ БАЛЕТА

В контексте российско-бразильских отношений культуру надо рассматривать как один из самых надежных факторов сближения двух стран, а культурную политику — как одно из направлений активного сотрудничества. Бразилия и Россия проявляют взаимный интерес к развитию связей в области культуры и искусства, в частности, искусства танца, поскольку обе страны обладают уникальными танцевальными традициями. Основой для подобных контактов служат общие эстетические принципы и безграничная любовь к танцу. О том, что «в Бразилии есть огромный интерес к российской культуре, истории, литературе, танцам, живописи, музыке, кино», говорил в 2004 г. в интервью РИА «Новости» тогдашний министр иностранных дел Бразилии Селсу Аморим [11].

В вопросах культуры Россию и Бразилию объединяет то, что их культурная политика направлена на расширение и упрочение культурных связей в международном масштабе. Обе страны стремятся к активизации культурного обмена и созданию условий для культурного взаимообогащения за счет творческого взаимодействия с партнерами. В многомерном культурном обмене России и Бразилии искусству танца отводится одно из центральных мест, о чем свидетельствуют соответствующие документы. В принятых в 2010 г. «Основных направлениях культурно-гуманитарного сотрудничества России с зарубежными странами» отмечено, что «основу связей в области культуры составляют артистические и художественные обмены в их традиционных формах гастрольно-концертной деятельности» [12]. В качестве важнейшего конкурентного преимущества российской культуры обозначены богатые исторические традиции, высокий авторитет и уникальность отечественной исполнительской школы, которые обеспечивают стабильный международный спрос на выступления российских мастеров в мире. Стремление «к максимально широкой представленности за рубежом лучших достижений российской культуры — музыкаль-

ного и театрального искусства всех видов и жанров, в том числе оперного, балетного и драматического театра...» — является одной из целей внешней культурной политики России (раздел II) [12]. В Стратегии государственной культурной политики РФ до 2030 г. в качестве одной из задач также обозначено «усиление и расширение влияния российской культуры в иностранных государствах» [13, с. 27]. Непосредственно в хореографической сфере важнейшей задачей России является разработка конкретных программ сотрудничества с профессиональными балетными театрами и учебными заведениями с целью пропаганды и внедрения наследия классического русского балета [14].

В Бразилии политика направлена на создание открытости бразильской культуры во имя сохранения культурного разнообразия и развития диалога. Одна из целей ее культурной политики — использование возможностей публичной дипломатии в области культуры для развития и успешного функционирования национальной системы культуры [15]. Самуэль Пинейро Гимарайш, посол, Генеральный секретарь внешних сношений Бразилии, экс-директор (1995—2001 гг.) научно-исследовательского Института международных отношений министерства иностранных дел Бразилии в своем интервью «За эффективную культурную политику» подчеркнул, что культура имеет ключевое значение в международной политике. Культурные мероприятия, книги, фильмы, новости, фотографии — все это, по мнению опытного дипломата, формирует образ страны. Поэтому Бразилия стремится более активно популяризировать национальную культуру, что позволит ей сформировать более благоприятное и объективное представление о стране, а также будет способствовать знакомству с богатством других культур в интересах развития своих граждан [16].

Вопросы сотрудничества в области балета довольно часто входят в официальную программу встреч лидеров и представителей двух стран. Например, во время визита руководителя Федерального агентства культуры и кинематографии РФ Михаила Швыдкого в Бразилию в июле 2007 г. обсуждались перспективы развития культурных контактов между странами, в том числе и в области танца. Когда в 2017 г. президент Бразилии Мишел Темер прибыл в Россию, в официальную программу его визита было включено посещение концерта лауреатов XIII Международного конкурса артистов балета и хореографов в Большом театре [17]. К слову, лауреатами и дипломантами того престижного конкурса стали многие бразильские артисты.

ШКОЛА БОЛЬШОГО ТЕАТРА В ЖОИНВИЛЕ

Большим событием в мире балета Бразилии, а также в современной истории российско-бразильских связей стало открытие в 2000 г. школы Государственного академического Большого театра в городе Жоинвиле, штат Санта-Катарина. Жоинвиль — индустриальный город, расположенный в одном из самых больших штатов Бразилии. Место для новой школы было выбрано неслучайно: с 1983 г. там проводится один из крупнейших в мире танцевальных фестивалей, участие в котором принимают артисты из разных стран мира. Поэтому хореографические традиции, как и особая лю-

бовь жителей этого города к искусству танца, очевидны. В программу фестиваля включены не только танцевальные номера, но и семинары, мастер-классы, дискуссионные площадки. Именно этот фестиваль и стал площадкой для создания будущей школы танца.

Впервые вопрос об открытии балетной школы обсуждался в 1996 г. во время гастролей Большого театра по городам Бразилии. Важную роль в создании школы сыграл мэр Луис Энрике да Силвейра. С российской стороны особый вклад в это внесли заведующий балетной труппой Большого театра Александр Богатырев и легендарный танцовщик Владимир Васильев, занимавший тогда должность директора Большого театра. Благодаря поддержке мэра Жоинвиле школа получила площадь в 6 тыс. м², на которой разместились 12 балетных классов, 10 фортепьянных студий, 2 лекционных зала, гимнастический зал, научная лаборатория и библиотека, центр здоровья, культурные и административные помещения. Школу построили практически за год, а ее торжественное открытие состоялось 15 сентября 2000 г., в котором принял участие и В.Васильев.

Центр балета Жоинвиле стал не только крупным международным, но и значимым социальным проектом. Обучение здесь бесплатное, финансируется из государственного бюджета, а также из средств спонсоров. Финансовую поддержку оказывают также министерство культуры Бразилии, Комитет по туризму, культуре и спорту штата Санта-Катарина, фонд *Amigos do Bolshoi* («Друзья Большого театра»). В школе созданы хорошие условия для жизни и обучения детей: им оплачивается питание, балетная форма, медицинское обслуживание, все школьные материалы. Несколько человек обычно находятся на полном обеспечении. Обучение организовано так, что в течение восьми лет дети изучают и искусство танца, и общеобразовательные предметы. Кроме поддержки учеников из малообеспеченных семей школа организует и другие социально значимые мероприятия, например, художественные презентации с танцами, театром, музыкой и лекциями. Каждую пятницу проходят бесплатные представления, которые могут посетить все желающие.

Конкурс в школу Большого театра в постоянно растет — сейчас это более 100 претендентов на одно место. В 2019 г. эта цифра составила 120 человек на место. В школу поступают дети из Бразилии и соседних Парагвая и Аргентины. На сегодняшний день здесь обучаются около 250 человек. За основу преподавания взяты традиции Московского хореографического училища, а также классическая традиция русского балета по системе А.Я.Вагановой. Однако обязательно учитывается особенность бразильского характера и темперамента. Сегодня в школе танцевальное мастерство преподают и русские, и бразильские танцовщики.

За 20 лет работы из стен балетной школы в Жоинвиле вышли 370 человек. Большая часть из них осталась в профессии, поступив в балетные труппы ведущих театров мира, где они подтверждают свой высокий профессионализм. Наиболее успешные выпускники остаются в «Молодом балете», который работает при школе и гастролирует по всей стране. Воспитанники этой школы есть и в России, например, в театрах Казани, Самары, Перми, Екатеринбурга, Владивостока и Москвы. Около 100 танцов, закончивших школу, выступают в зарубежных балетных труппах, например,

в Американском балетном театре, в «Балете Бежара Лозанна». Поскольку большинство учеников — выходцы из малообеспеченных семей, то обучение в школе для многих детей становится уникальной возможностью получить профессию и построить свою карьеру. Даже если выпускник и не свяжет свою дальнейшую жизнь с профессиональным балетом, в Бразилии ему будет легче найти хорошую работу, так как престиж образования, получаемого в школе, весьма высок.

В репертуаре балетной школы — такие современные и классические спектакли, как «Щелкунчик», «Жизель», «Дон Кихот», «Шопениана», «Раймонда». Ученики активно гастролируют и уже успели побывать в Уругвае, Парагвае, Швейцарии, Франции, Италии, Германии. В 2004 г. состоялись их выступления на сцене Большого театра в Москве [18]. Признанием высокого уровня подготовки учеников этой школы стало их участие в опере «Сон в летнюю ночь», которую представили артисты театра Ла Скала на сцене Муниципального театра в Рио-де-Жанейро в том же 2004 г. Одна из самых известных выпускниц школы — Аманда Гомес, с 2014 г. — солистка балета Театра оперы и балета в Казани, первая в истории казанского балета солистка из южноамериканской страны.

К своему десятилетнему юбилею в 2010 г. школа получила необыкновенный подарок — собственную сценическую площадку. Правительство штата Санта-Катарина приняло решение о строительстве театра для балетной школы. Другим подарком на следующий, пятнадцатилетний, юбилей в марте 2015 г. стал приезд молодых звезд русского балета Большого театра Натальи Осиповой и Ивана Васильева, которые выступили в торжественной программе, исполнив заглавные партии в балетах «Дон Кихот» и «Жизель».

Очень важно, что школа в Жоинвиле не только готовит будущих артистов балета, но и знакомит своих учеников с русской культурой. В школьной библиотеке можно найти произведения А.Чехова, Л.Толстого, Ф.Достоевского в переводах на португальский язык. По мнению руководителя школы Павла Казаряна, в этом она похожа на такие учреждения, как Британский совет, Французский альянс и Гете-институт [19].

Открытие школы Большого театра в Жоинвиле стало знаменательной вехой в истории культурных связей России и Бразилии. Как и в начале XX в., балет стал связующим звеном между обеими странами, давая возможность их представителям обмениваться опытом, вести межкультурный диалог, развивать дружественные отношения в целом. Сейчас школа в Жоинвиле является одним из главных центров подготовки артистов балета в стране. «Школа является самым лучшим проектом, который у нас есть в культурной сфере с Бразилией» [19], — отметил посол Российской Федерации в Бразилии Сергей Акопов во время празднования пятилетнего юбилея учебного заведения.

Школа уникальна и по своим масштабам, и по социальной значимости. В 2019 г. режиссер Екатерина Кожакина сняла документальный фильм «Большой балет Бразилии», в котором рассказана история трех детей из бедных бразильских семей. Герои фильма, юные танцоры Жулия, Лусио и Винисиус, благодаря своему трудолюбию, упорству и любви к балету смогли вырваться из фавел и изменить жизнь к лучшему.

Следует отметить, что школа в Жоинвиле играет роль катализатора для расширения культурных связей между Россией и Бразилией. К примеру, при поддержке Московской консерватории в городе Форталеза была открыта музыкальная школа им. П.И.Чайковского. В 2007 г. в нескольких бразильских городах в течение двух месяцев проходил Чеховский фестиваль русского театра, ставший важным культурным событием. В Москве ежегодно проводится фестиваль бразильского кино, в 2013 г. здесь открылся Бразильский культурный центр, где можно посетить лекции, концерты, семинары и др. 21 сентября 2017 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилии об учреждении и условиях деятельности культурных центров [20].

Благодаря профессионализму педагогов, а также международному бренду Большого театра, известному во всем мире, балетная школа в Жоинвиле является одним из важнейших центров подготовки артистов балета в Бразилии. При этом следует отметить и дипломатический эффект, связанный с ее открытием: школа является одним из главных источников «мягкой» силы России в Бразилии, а кроме того, это — первая балетная школа Большого театра за рубежом. Именно это учебное заведение выполняет важную роль в развитии многоплановых отношений между Бразилией и Россией.

«Русский след» в бразильском балете можно найти и в других танцевальных центрах страны. По-прежнему работает школа, основанная русской танцовщицей Марией Оленевой при Муниципальном театре в Рио в начале XX в. В 2020 г. эта школа отметила 100-летний юбилей. Как и прежде, центр готовит артистов балета по методике русской хореографической школы. В городе Куритибе, штат Парана, с 1969 г. существует Балет театра Гуаира. По инициативе руководства еще в 1980 г. был поставлен знаменитый спектакль «Щелкунчик» с артистами балета Большого театра Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым в главных партиях. Интерес к русским балетам у этой труппы огромен: и сегодня в их репертуар включены спектакли «Петрушка» и «Весна священная» И.Стравинского, «Раймонда» А.Глазунова. Другой пример — Балет Веры Бублич, созданный в 1964 г. в городе Круз-Алта, в самом южном штате Риу-Гранде-ду-Сул. С момента основания школа опирается на русскую педагогическую систему Вагановой. В наши дни Балет Веры Бублич активно сотрудничает с российскими артистами: в 2012 г., например, здесь преподавал балетмейстер-постановщик Нижегородского государственного академического театра оперы и балета им. Пушкина Леонид Сычев.

Школы русского балета — это уникальный пример взаимодействия двух стран. Создание школы в Жоинвиле позволяет надеяться, что двусторонние контакты в сфере хореографического искусства будут осуществляться на постоянной основе, что диалог приобретет всеобъемлющий характер и будет охватывать вопросы обучения, репертуара, возможно, гастрольной деятельности. Профессиональные школы, основанные российскими артистами и деятелями культуры, без сомнения, будут способствовать возникновению новых форм культурного сотрудничества, скажем, фестивалей, конкурсов и т.д.

БАЛЕТ В ПРОГРАММЕ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ДНЕЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И БРАЗИЛИИ

Современные российско-бразильские связи в области балетного искусства развиваются в различных формах и не ограничиваются лишь функционированием школы в Жоинвиле, хотя, безусловно, это — наиболее яркий пример сотрудничества. Другой интересной и эффективной формой межкультурного взаимодействия стали перекрестные сезоны культур, когда страны-партнеры договариваются об одновременном проведении различных мероприятий. Такие инициативы позволяют сформировать панорамное представление о своей культуре в стране-партнере, а также познакомить собственных граждан с ее культурой. Подобные фестивали могут проходить как в течение нескольких дней, так и целого года в самых разнообразных формах культурного обмена.

В истории культурных связей двух стран пока немного примеров описанных выше мероприятий, однако перспективы для развития этой интересной формы сотрудничества уже сложились. Россия и Бразилия договорились о проведении перекрестных дней культуры в октябре 2013 г., приурочив это событие к празднованию 185-летия с момента установления дипломатических отношений. Программа, кроме прочих событий, включала гала-концерт звезд российского балета на сцене Муниципального театра Рио-де-Жанейро. Выступление российских танцовщиков было высоко оценено и зрителями, и прессой.

Балет был включен и в программу дней российской культуры в Бразилии в конце 2017 г. В городах Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Бразилиа состоялись выступления ведущих артистов балета известных российских театров: Большого (Анна Тихомирова, Кристина Кретьева, Артем Овчаренко и др.), Мариинского (Игорь Колб, Данила Корсунцев, Денис Матвиенко и др.) и Михайловского (Ирина Перрен, Марат Шемиунов, Сабина Яппарова и др.).

ГАСТРОЛИ

Отдельной и весьма важной формой связей России и Бразилии в области балета являются гастроли. Организация выступлений российских артистов или целых трупп — задача сложная и ответственная, которую решают профильные министерства, театры, творческие коллективы. Гастроли — это самый оперативный, мобильный и традиционный подход к развитию контактов в сфере театрального искусства. Они позволяют зарубежному зрителю познакомиться с современным российским хореографическим искусством, открыть новые имена исполнителей и постановщиков. Гастроли — это живой творческий обмен, который, безусловно, может преумножить число поклонников современного российского балета. Гастроли, как мы полагаем, способствуют также развитию сотрудничества и становлению новых форм диалога.

Российские балетные коллективы неоднократно приезжали в Бразилию. Мариинский театр, начиная с 1996 г., пять раз гастролировал в Бразилии и каждый раз — с неизменным успехом. В 2011 г. триумфально прошли гастроли балетной труппы Мариинского театра на сцене Муниципального театра Рио-де-Жанейро, где зрителям показали два классических балета —

«Лебединое озеро» и «Шопениана» — в хореографии Михаила Фокина. В программу был включен и один современный балет — «Простые вещи» в постановке Эмиля Фаски на музыку эстонского композитора Арво Пярта. Для тех зрителей, кто не смог купить билеты на эти постановки, артисты дали еще один бесплатный концерт под открытым небом в районе Кинтаде-Боа-Виста. В программу этого концерта вошли номера из балетной классики. Подобная социальная акция была поддержана муниципалитетом города Рио-де-Жанейро. Следующие гастролы Мариинского театра прошли в 2014 г. в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. В программу тура были включены классические балеты — «Корсар» и два одноактных балета «Шопениана» и «Видение розы», — а также отдельные танцевальные номера: па-де-де из балетов «Дон Кихот» и «Эсмеральда» (Диана и Актеон), «Белое» адажио (2-я сцена из I-го акта) из балета «Лебединое озеро» и хореографическая миниатюра «Умиравший лебедь» в исполнении известной балерины Ульяны Лопаткиной [21]. Кроме классической программы артисты Мариинского театра показали бразильским зрителям и современный танец: хореографический номер «*Ballet 101*» Эрика Готье и миниатюру Юрия Смекалова *Parting* («Расставание») в исполнении автора. В турне приняли участие ведущие солисты театра Кимин Ким, Владимир Шкляров, Данила Корсунцев, Анастасия Колегова.

«Богатым» на гастрольные события стал 2015 г., когда сразу два балетных коллектива из России показали бразильцам свое искусство: театр «Русский балет» (Москва) и Большой театр. Выступления «Русского балета» состоялись в 26 городах и стало самым масштабным за последнее время. Зрители увидели балеты «Лебединое озеро», «Дон Кихот» и «Шахерезада». На одной из пресс-конференций руководитель театра «Русский балет» Вячеслав Гордеев заметил, что с его точки зрения длительность гастролей коллектива отражает прочность российско-бразильских отношений.

Большой театр начал гастрольный тур по городам Бразилии с балета «Спартак» в постановке выдающегося русского балетмейстера Юрия Григоровича. Бразильцы также увидели «Жизель», которую поставил прославленный танцовщик и хореограф Владимир Васильев. Выступления состоялись в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу и были включены в программу фестиваля «Сезон искусства танца». До этого балет Большого театра гастролировал в Бразилии в далеком 1999 г.

В 2017 г. в Рио-де-Жанейро, Салвадоре и еще 13-и бразильских городах прошли гастролы театра «Московский балет», который привез спектакль «Щелкунчик» и другие классические балеты, традиционно интересные местной публике. С огромным успехом в бразильских городах прошли выступления в 2019 г. Имперского русского балета под руководством Гедиминаса Таранды. На всех спектаклях был аншлаг. В программу были включены три великих балета на музыку П.И.Чайковского — «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик». Такой выбор не был случайным; по словам организаторов турне, бразильцы «соскучились по великому искусству балета и легендарной музыке» [22]. Это не первые гастролы Имперского русского балета в Бразилии: до этого коллектив побывал здесь в 2008 г. и также имел успех.

Гастроли российских балетных коллективов в Бразилии показали, что русский балет развивается, но бережно хранит классические традиции, что сегодня в нашей стране появляются и новые коллективы, и талантливые и яркие артисты, которые способны исполнять самые сложные партии. Нельзя не отметить, что гастроли — это важное имиджеформирующее средство, приносящее, кроме всего прочего, и материальный доход.

Налаживается сотрудничество и при участии российских регионов. В 2015 г., к примеру, в Бразилии открылся филиал Евразийского центра «Самрау» в рамках культурного обмена с Башкортостаном. Интересно, что инициатива его открытия принадлежала представителю Русского государственного балета в Бразилии Аугусто Стефановичу, который во время своего визита в Башкортостан в рамках подготовки к саммиту *BRICS* обсуждал эту идею с руководством республики. С бразильской стороны идею поддержали в министерстве культуры и министерстве иностранных дел. Обсуждалась также возможность пригласить в Башкортостан артистов балетной труппы «Амазония», широко известной в странах Латинской Америки.

Рассмотренные примеры взаимодействия показывают, насколько широко представлены в Бразилии традиции нашего отечественного балета. Однако надо отметить, что связи в этой области носят двусторонний характер, и существует немало примеров того, как бразильское балетное искусство (точнее, бразильские артисты балета) представлены в России.

БРАЗИЛЬСКИЕ АРТИСТЫ БАЛЕТА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНКУРСАХ И В РОССИЙСКИХ ТЕАТРАХ

В XX в. большую роль в творческой карьере артистов балета и балетмейстеров стали играть профессиональные конкурсы, проводимые со второй половины прошлого столетия во многих странах мира [23]. Одним из престижнейших международных конкурсов в мире является Московский конкурс артистов балета и балетмейстеров им П.И.Чайковского, который проводится с 1969 г. раз в четыре года. Лауреатами этого конкурса были такие ведущие артисты балета XX—XXI вв. из разных стран мира, как Михаил Барышников и Хулио Бокка, Людмила Семеняка и Андрис Лиєпа, Надежда Павлова и Николай Цискаридзе, Данило Радоевич и Аманда Маккероу. В состав жюри конкурса входили известные артисты, балетмейстеры, деятели искусства из многих стран мира. Председателем жюри первого конкурса была легендарная Галина Уланова, а с 1972 г. неизменным председателем жюри этого смотра является прославленный советский (российский) балетмейстер Юрий Григорович [23]. Принять участие в подобном мероприятии — большая удача и важный этап в творческой биографии каждого артиста балета и балетмейстера, факт признания таланта участников, поскольку среди номинантов проводится серьезный профессиональный отбор.

Артисты балета из Бразилии — частые участники конкурса с начала XXI в. В 2001 г. серебряную медаль в старшей группе участников этого состязания завоевал Маркет Барбоса Роберта. Это событие можно назвать значимым фактом международного признания бразильского балета в Рос-

сии и в мире. Затем, в 2013 г., бронзовую медаль в младшей группе исполнителей на конкурсе завоевала балерина Луана Батиста, подтвердив высокий статус хореографической школы своей страны и потенциал молодого искусства балета Бразилии. Наиболее успешным для бразильских артистов стал конкурс артистов балета и балетмейстеров им П.И.Чайковского в 2017 г., на котором сразу два исполнителя были удостоены высоких наград: в младшей группе бронзовую медаль завоевал Гонсалес Виктор, а серебряную медаль получила балерина Аманда Гомес.

Стоит отметить, что для А.Гомес московский конкурс — не единственный профессиональный смотр в ее творческой биографии как в России, так и за рубежом, на которых она была удостоена высоких наград. А.Гомес — лауреат II премии и приза Международного конкурса «Арабеск» (2014 г.), лауреат I премии международного конкурса балета в Стамбуле (2013 г.), лауреат I премии и обладательница Золотой медали на XVII Международном конкурсе в Варне, обладательница специальной премии Фонда поддержки развития культуры при Президенте Республики Татарстан (2018 г.) [24]. В 2018 г. Аманда была номинирована на международный балетный приз «Бенуа де ла Данс», известный в мире как «Балетный Оскар». Приз присуждается ежегодно за выдающиеся работы в области хореографии. К сожалению, в 2018 г. Аманде не удалось получить приз, но балерина только начинает профессиональную карьеру и, безусловно, сможет вновь претендовать на столь высокую награду.

А.Гомес получила образование в Бразилии и стала одной из первых выпускниц школы Большого театра в Жоинвиле. У нее была возможность принять участие в мастер-классах, которые организовали в балетной школе звезды мирового балета, и стажироваться у таких ведущих советских (российских) исполнителей и педагогов, артистов известных академических театров, как Владимир Васильев, Виктор Барыкин, Галина Кравченко и др. Очевидно, что столь уникальный опыт и профессиональные навыки помогут балерине в ее творческой деятельности.

Темперамент и безупречная академическая школа А.Гомес позволили ей успешно исполнять такие главные партии в балетах классического репертуара, как Жизель (А.Адан, «Жизель»), Одетта-Одиллия, Па-де-труа (П.Чайковский, «Лебединое озеро»), Китри (Л.Минкус, «Дон Кихот»), Гамзатти (Л.Минкус, «Баядерка»), Принцесса Аврора (П.Чайковский, «Спящая красавица»), Маша (П.Чайковский, «Щелкунчик»), Джульетта (С.Прокофьев, «Ромео и Джульетта»), Гюльнара (А.Адан, «Корсар»), Сванильда (Л.Делиб, «Коппелия»), Эсмеральда (Ц.Пуни, «Эсмеральда»). Бразильская балерина успешно гастролировала и выступала на сценах известных бразильских театров в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Паране, а также в других странах — Италии, Уругвае, Парагвае и Швейцарии. С 2014 г. она является солисткой Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля, где у нее уже масса поклонников [24].

Аманда — не единственная представительница бразильского балета в России. Сегодня в разных российских театрах работают многие молодые исполнители, полюбившиеся российской публике. Из жаркой Бразилии в сибирский город Пермь на известный международный конкурс артистов балета «Арабеск» традиционно приезжают молодые танцовщики. «Арабеск» — конкурс артистов

балета им. Екатерины Максимовой, открытый для иностранных участников и проводимый с 1990 г. в Пермском театре оперы и балета им. П.И.Чайковского. С 1994 г. конкурс проходит под патронатом ЮНЕСКО.

Для многих исполнителей конкурс «Арабеск» стал важным профессиональным этапом в жизни, своеобразным творческим трамплином. Наиболее многочисленная делегация из Бразилии прибыла в Пермь в 2018 г. Молодым артистам балета удалось расположить к себе и взыскательную публику, и профессиональное жюри, что подтверждают многочисленные награды. Первую премию конкурса «Арабеск» 2018 г. получил Яго Маркос. Дипломантами конкурса стали Луанна Гондим, Габриэль Лопес, Айрат Хакимов. Луанна Гондим и Яго Маркос завоевали также приз Пермского академического театра оперы и балета им. П.И.Чайковского «За лучшее исполнение номера на музыку Петра Чайковского», а также премию жюри прессы [25].

После конкурса «Арабеск» некоторые артисты получили приглашение для продолжения профессиональной деятельности в России. Одной из них стала Луанна Гондим — сегодня солистка Пермского театра. Луанна в России уже не первый год, и за время своей профессиональной деятельности искренне полюбила нашу страну и город Пермь за смену сезонов, старинные здания, за снег, который в Бразилии никто никогда не видел. Хотя ее, как и других бразильских артистов, немного удивляет суровый нрав и суровый облик русских, а также то, что улыбки на лицах людей — здесь большая редкость. В Пермском театре с успехом выступают и другие танцовщики из далекой жаркой Бразилии, и, несмотря на особенности климата и языковой барьер, в целом их жизнь и профессиональная карьера складываются здесь вполне успешно.

Конечно, вершиной творческой биографии артиста балета в России можно считать выступление на сцене главного академического театра страны — Большого театра в Москве. Стоит отметить, что в последнее время на прославленной сцене выступали многие зарубежные исполнители, звезды мирового балетного искусства. Подобной чести в новейшей истории театра удостоилась и бразильская балерина Мариана Гомес. В 2006 г. она была принята в труппу Большого театра после успешного окончания школы балета Большого театра в Бразилии, где она занималась с известными педагогами Галиной Кравченко и Ниной Сперанской. В России Мариана существенно расширила свой репертуар, заметно выросла в профессиональном плане, неоднократно участвовала в гастролях театра. Балерина с трудом привыкала к российскому климату и к закрытости русских. Однако в ее творческой работе в Москве есть и положительные моменты. Артистке очень нравится отношение русских к классическому балету, которым интересуются многие, в отличие от ее родной Бразилии, где интерес к балету — удел лишь богатых людей. Отметим, что в 2006 г. Мариана стала первой из бразильских артистов, которых приняли в труппу Большого театра, где она репетировала под руководством известного педагога Светланы Адырхаевой.

В прославленной труппе другого известного российского театра — Мариинского (Санкт-Петербург) — также есть танцовщик из Бразилии — Виктор Кайшета. Он родился в городе Уберландия, учился в государствен-

ной балетной школе Берлина и в 2017 г. стал стажером Мариинского театра. Несмотря на молодость, артист уже хорошо известен в России и в Европе, он принимал участие в различных профессиональных конкурсах, где и был удостоен престижных наград. Виктор Кайшета является лауреатом XIII Международного конкурса артистов балета и хореографов в Москве (III премия, 2017 г.), лауреатом Международного конкурса «Танцевальный Олимп» (Берлин, 2017, I премия в номинации «классический танец»), лауреатом I европейского конкурса *European Ballet Grand Prix* (Вена, 2017 г., I премия и приз жюри) и финалистом конкурса *Youth America Grand Prix* (Нью-Йорк, 2014, 2015 гг.). В репертуаре артиста — партии из классического и современного репертуара. В.Кайшета успешно работает с молодыми российскими хореографами, исполняет заглавные партии во многих классических балетах. Очевидно, что у артиста — большое будущее, а работа в России поможет ему значительно расширить свой репертуар и освоить творческие приемы легендарной школы прославленного и известного во всем мире Мариинского театра [26].

БРАЗИЛЬСКИЙ БАЛЕТМЕЙСТЕР И РОССИЙСКИЕ АРТИСТЫ БАЛЕТА: НОВЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ

Действительно, балет в России — особое искусство, предмет нашей национальной гордости, наш национальный культурный бренд. Здесь можно найти его горячих поклонников и знатоков искусства хореографии, звезд первой величины, ярких педагогов и авторитетных исследователей. Россия на протяжении всего XX в. играла важную роль в развитии искусства балета, в обогащении его стилистики, развитии исполнительской школы. Свои позиции в искусстве хореографии Россия сохраняет и сегодня. Очевиден вклад российского балета и в сохранение русского и мирового классического наследия, балетов, которые сегодня являются основой репертуара многих академических театров мира. Видимо, именно поэтому в Россию сегодня приезжают артисты и балетмейстеры из разных стран для участия в концертной деятельности, мастер-классах, современных совместных проектах.

Традиционными зарубежными коллегами и партнерами российских артистов балета всегда были представители европейских школ, известных театров, творческих коллективов. В последнее время география хореографических связей РФ неуклонно растет. Бразилия становится сегодня нашим партнером, причем не только в сфере академического хореографического искусства. Российский балет открыт для экспериментов и разнообразных новаций, а классическая подготовка наших артистов позволяет им исполнять самые сложные и авангардные номера. Потенциал нынешних артистов раскрывается в различных популярных проектах, среди которых — оригинальный телевизионный проект «Большой балет», проводимый на канале «Россия-Культура» с 2012 г. [27].

«Большой балет» — это уникальный конкурс, которому нет аналогов ни в России, ни за рубежом. В проекте объединяются профессионализм и красочное шоу. Цель конкурса состоит в открытии новых имен талантливых артистов. Исполнители соревнуются в различных номинациях, одна из

которых — современный танец в постановке зарубежного хореографа. Для своего обязательного номера конкурсанты Харука Ямада и Эрдэм Сандаков, пара из Бурятского театра оперы и балета, пригласили известного бразильского балетмейстера Касси Абраншес. Послужной список этого хореографа более чем внушительный, ее имя известно во многих странах мира. Касси — бывшая танцовщица, начала карьеру балетмейстера в 2009 г. Она создавала танцевальные шоу для крупнейших мега-событий: открытие Мирового экономического Форума в Швейцарии, церемония открытия Паралимпийских игр в Швейцарии. В 2019 г. К.Абраншес представила спектакль *Agora*, который принес ей мировое признание и престижную латиноамериканскую премию *APCA Award* 2019 г. в номинации «За лучшую хореографию». После выступления на знаменитом фестивале *Movimento* в Вольфсбурге К.Абраншес успешно гастролировала по всей Западной Европе и Великобритании.

С артистами из Бурятии К.Абраншес познакомилась только в 2019 г. в период изоляции, вызванной пандемией *COVID-19*. Поэтому репетиции проходили в дистанционном формате, а общение шло только через переводчика. Для исполнителей был выбран танцевальный номер «Рио, я люблю тебя» о жизни крупнейшего бразильского города. Репетиционный процесс захватил всех участников, и у балетмейстера, и у молодой пары возникло желание продолжить творческое общение и после завершения телевизионного проекта.

Х.Ямада и Э.Сандаков отмечали оригинальную и свободную манеру бразильского балетмейстера, которая с большим интересом наблюдала за импровизацией молодых исполнителей и всячески поощряла свободу их творчества. По ее мнению, именно так номер получает новую жизнь. К.Абраншес была очень довольна совместной работой и с радостью ответила на приглашение директора театра в Улан-Уде. «Я с огромным удовольствием приеду к вам в Улан-Удэ. Надеюсь, все сложится, и мы реализуем в театре совместные проекты. Если же не сложится, то, возможно, «украду» у вас своих новых друзей в Бразилию. С возвратом, конечно. Пока эта ужасная пандемия нарушила все связи, но я верю, что работа для «Большого балета» станет началом больших творческих отношений» [28].

Совместный проект, реализованный в очень сложных условиях, доказал, что искусство — самый успешный и действенный инструмент диалога. Танец способен сделать нас единомышленниками, вывести диалог на новый уровень, так как фактором сближения становится одна из самых мощных сил в мире — сила искусства. Следует подчеркнуть, что география связей России и Бразилии в сфере хореографического искусства сегодня весьма широка, контакты становятся все более насыщенными и многообразными и реализуются в традиционных и новых, оригинальных формах.

ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ РИТМЫ БРАЗИЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Стоит отметить, что в России культурный образ Бразилии связан прежде всего с ярким и красочным бразильским карнавалом. Танцы на карнавале, конечно, далеки от академических. Однако, возможно, темперамент карнавального шествия, эмоциональность танцевальных номеров и при-

родная выразительность влияют и на манеру исполнителей бразильского классического танца, обогащают его новыми эмоциональными и пластическими приемами.

В России интерес к бразильскому карнавалу весьма значителен. Несмотря на то, что это явление исключительно национальное, карнавал известен и популярен в России и воспринимается как важный элемент культурного образа страны. Бразильская самба включена в официальную латиноамериканскую программу спортивных танцев, а российские спортсмены-танцоры неоднократно получали призы и высокие международные награды как исполнители самбы и других ярких и зажигательных танцев латиноамериканской программы.

Бразильский карнавал стал оригинальным сюрпризом, который подготовили российские болельщики во время проведения Чемпионата мира по футболу в России в 2018 г. 30 июня и 1 июля в Самаре прошли танцевальные парады в честь матча 1/8 финала ЧМ-2018 между сборными Бразилии и Мексики. Яркое шествие повторяло традиции бразильского карнавала: в нем участвовали танцоры, девушки с перьями на нарядных головных уборах, акробаты, барабанщики и оркестр. К сожалению, парад не помог бразильским футболистам, но стал заметным, знаковым событием в истории мирового первенства по футболу.

Музыкальная, культурная программа футбольного чемпионата мира доказала, что спортивные состязания — это еще и важные культурные события, позволяющие всем участникам эмоционально, красочно и выразительно рассказать о своей культуре, своих традициях, которые, возможно, не так широко известны за рубежом.

ДИСКУССИИ

Феномен искусства русского балета, как и международного сотрудничества в данной сфере, вызывает неизменный интерес широкого круга исследователей. Зарубежные авторы, например, Виктория Филлипс Гедульд [5] или Стефани Гонсалвес [7], традиционно рассматривают выступления русских артистов за рубежом прежде всего как инструмент пропаганды и политического влияния. Действительно, искусство русского балета является важной частью советской, а теперь и российской культурной дипломатии. Выступления русских артистов балета способны расположить публику, в широком смысле сформировать позитивный образ русской культуры. Однако хореографические связи имеют важное значение не только и не столько в качестве инструмента пропаганды. Рассматривать их лишь в контексте дипломатии влияния неверно, так как они выполняют более широкую культурно-гуманитарную и эстетическую миссию. Балет — это искусство, которое не нуждается в переводе, и в этом состоят его особые возможности и уникальные преимущества в рамках межкультурного диалога.

Итак, основными формами сотрудничества России и Бразилии в области балета являются организация гастролей, совместные проекты с участием российских и бразильских артистов (например, в формате сезона культур), участие в международных конкурсах, открытие филиалов учебных заведе-

ний, работа бразильских танцовщиков в балетных труппах российских театров и русских постановщиков — в бразильских.

Приведенные примеры хореографических связей двух стран доказывают, что сегодня они развиваются весьма активно и многообразно, носят двусторонний характер и постоянно расширяются, эволюционируют, что свидетельствует о значительном потенциале контактов России и Бразилии на данном направлении культурного взаимодействия. Подобный характер и динамизм диалога во многом основан на исторических традициях контактов, зародившихся более 100 лет назад. Значительную роль играет и уникальный образовательный центр, открытый специалистами Большого театра России в бразильском Жоинвиле, который стал знаковой профессиональной площадкой для подготовки звезд искусства балета.

Сегодня мы можем со всей ответственностью заявить, что язык хореографического искусства оказался для России и Бразилии не только понятным, но и, безусловно, исключительно выразительным. С помощью этого языка можно не просто вести диалог, но и передавать сложные эмоции, настроения и чувства. Язык танца дает возможность обрести друзей, поклонников и единомышленников за океаном и по-новому взглянуть на наследие мирового классического балета. Российско-бразильские связи в области балетного искусства не только дополняют современный двусторонний диалог, но и выводят его на новый уровень.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Leslie Bethell (ed.). A cultural history of Latin America. Cambridge: University of Cambridge, 1998, 548 p.
2. Juan Kattan-Ibarra. Perspectivas Culturales de Hispanoamerica. National Textbook Company, 1989, 264 p.
3. Rachel A. Pedro, Kym Stevens and Stephanie J. Hanrahan, Building an authentic cultural curriculum through tertiary cultural dance. *Arts and Humanities in Higher Education*, 2019, 19(3), p. 264-284.
4. Константинова Н.С. Бразильская национальная идентичность: мнения и сомнения. *Латинская Америка*, М., 2019, № 7, с. 123-128. [Konstantinova N.S. Brazil'skaya nacional' naya identichnost': mneniya i somneniya [Brazilian national identity: opinions and doubts]. *Latinskaya Amerika*, 2019, N 7, p. 123-128]. (In Russ.).
5. Victoria Phillips Geduld. Dancing Diplomacy: Martha Graham and the Strange Commodity of Cold-War Cultural Exchange in Asia, 1955 and 1974. *Dance Chronicle*, 2010, Volume 33, n°1, p. 44-81.
6. Anthony Shay. Choreographing politics, State Folk Dance Companies, Representation and Power. Middletown, Wesleyan University Press, 2002, 217 p.
7. Stéphanie Gonçalves, Ballet, propaganda, and politics in the Cold War: the Bolshoi Ballet in London and the Sadler's Wells Ballet in Moscow, October–November 1956. *Cold War History*, London, 2019, Volume 19, Issue 2, p. 171-186.
8. Naima Prevots. Dance for export, Cultural Diplomacy and the Cold War. Middletown, Wesleyan University Press, 2012, 188 p.
9. Christina Ezrahi. Swans of the Kremlin, Ballet and Power in Soviet Russia. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2012, 322 p.
10. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В., Русский след в бразильском балете (к вопросу становления классического балета в Бразилии). *Латинская Америка*, 2021, № 2, с. 79-94 [Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V., Russkij sled v brazil'skom balete (k voprosu stanovleniya klassicheskogo baleta v Braziliyi)].

klassicheskogo baleta v Brazilii) [The Russian Trace in the Brazilian Ballet (on the Question of the Formation of classical ballet in Brazil)]. *Latinskaya Amerika*, 2021, N 2, p. 79-94]. (In Russ.).

11. Глава МИД Бразилии высказался за развитие культурных связей с Россией [Glava MID Brazilii vyskazalsya za razvitie kul'turnyh svyazey s Rossiej] [The Brazilian Foreign Minister spoke in favor of developing cultural ties with Russia]. Available at: https://www.msu.ru/press/smiaboutmsu_arch/glava_mid_brazilii_vyskazalsya_za_razvitie_kulturnykh_svyazey_s_rossiej.html brazilii (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

12. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утверждены 18.12.2010) [Osnovnye napravleniya politiki Rossijskoj Federacii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva (utverzhdeny 18.12.2010)]. [Main Directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation (approved on 18.12.2010)]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravleniya-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

13. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 (от 29.02.2016 № 326-п) [Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 (ot 29.02.2016 № 326-p)] [Strategy of the State Cultural Policy for the period up to 2030 (No. 326-r of 29.02.2016)]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

14. Концепция развития Академии русского балета имени А.Я. Вагановой до 2021 года [Konceptsiya razvitiya Akademii russkogo baleta imeni A.YA. Vaganovoj do 2021 goda] [The concept of the development of the Vaganova Academy of Russian Ballet until 2021]. Available at: <https://vaganovaacademy.ru/academy/strategy/conceptsiya.html> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

15. Portaria № 621, de 8 setembro de 2020. Estabelece o Acordo de Cooperação Federativa como instrumento de integração dos entes federados ao Sistema Nacional de Cultura – SNC /Ministério do Turismo. Available at: <https://www.in.gov.br/web/dou/-/portaria-n-621-de-8-de-setembro-de-2020-276379301> (accessed 01.02.2021).

16. Samuel Pinheiro Guimarães. Por uma política cultural eficaz. *Resistir.info*. Available at: https://resistir.info/brasil/politica_cultural.html (accessed 01.02.2021).

17. Медведев и Темер отметили перспективы развития торговых отношений между Россией и Бразилией, *Русский мир* [Medvedev i Temer otmetili perspektivy razvitiya torgovykh otnoshenij mezhdru Rossiej i Brazilej, *Russkij mir*] [Medvedev and Temer noted the prospects for the development of trade relations between Russia and Brazil, *the Russian World*]. Available at: https://russkiymir.ru/news/226321/?sphrase_id=1106412 (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

18. Escola do Teatro Bolshoi no Brasil (escolabolshoi.com.br). Available at: <https://www.escolabolshoi.com.br/institucional-ru> (accessed 01.02.2021).

19. Как живет школа Большого театра в Бразилии. 20 лет под аплодисменты [Kak zhivet shkola Bol'shogo teatra v Brazilii. 20 let pod aplodismenty] [How the Bolshoi Theater School lives in Brazil. 20 years to the applause]. Available at: <https://tass.ru/kultura/7986649/696007.html> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилии об учреждении и условиях деятельности культурных центров (от 21.09.2017) [Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Federativnoj Respubliki Brazilii ob uchrezhdenii i usloviyah deyatel'nosti kul'turnyh centrov (ot 21.09.2017)] [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Federal Republic of Brazil on the Establishment and Terms of Operation of Cultural Centers (dated 21.09.2017)]. Available at: 38a02286-98bf-4610-a6e0-15b9f8257a76 (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

21. Балетная труппа Мариинского театра отправилась на гастроли в Бразилию [Baletnaya truppa Mariinskogo teatra opravilas' na gastroli v Braziliyu] [The Mariinsky Ballet Company has gone on tour to Brazil]. Available at: <https://tass.ru/spb-news/1565038> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

22. Артисты Имперского русского балета собирают аншлаги в Бразилии. *Русский мир* [Artisty Imperskogo russkogo baleta sobirayut anshlagi v Brazilii. *Russkij mir* [Russian Russian Ballet artists gather full houses in Brazil, Russian World]. Available at: <https://russkiymir.ru/news/256813/> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).
23. Балет. Энциклопедия. Конкурсы балетные. Ред. Ю.Н. Григорович. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1981, 623 с. [Balet. Enciklopediya. Konkursy baletnye. Red. Yu. N. Grigorovich. Moskva Izd. «Sovetskaya enciklopediya», 623 с. [Ballet. Encyclopedia. Ballet competitions. Ed. Yu. N. Grigorovich]. Moscow, "Soviet Encyclopedia" 1981, 623 p.] (In Russ.).
24. Гомес Аманда, *Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля* [Gomes Amanda, *Tatarskij akademicheskij gosudarstvennyj teatr opery i baleta imeni Musy Dzhaliilya*] [Gomez Amanda, *Tatar Academic State Opera and Ballet Theater named after Musa Jali*]. Available at: <http://kazan-opera.ru/team/25/10454/> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).
25. Конкурс артистов балета им. Екатерины Максимовой «Арабеск» [Konkurs artistov baleta im. Ekateriny Maksimovoj "Arabesk"] [Competition of ballet dancers named after him. Ekaterina Maximova "Arabesque"]. Available at: <http://www.arabesque.permonline.ru/2018r.html> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).
26. Виктор Кайшета. Мариинский театр [Viktor Kajsheta. Mariinskij teatr] [Victor Caixeta. Mariinsky Theatre]. Available at: https://www.mariinsky.ru/company/ballet_mt_men/caixeta/ (accessed 01.02.2021) (In Russ.).
27. Большой балет на канале "Культура" – премьера нового сезона проекта "Большой балет" [Bol'shoj balet na kanale "Kul'tura" – prem'era novogo sezona proekta "Bol'shoj balet"] [Bolshoi Ballet on the channel "Culture" – the premiere of the new season of the project "Bolshoi Ballet"]. Available at: <https://www.vesti.ru/television/article/2480226>; <https://www.vesti.ru/television/article/2480226> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).
28. Как «Большой балет» объединил Бразилию и Бурятию [Как «Bol'shoj balet» ob"edinil Braziliyu i Buryatiy] [As the "Big ballet" was merged Brazil and Buryatia]. Available at: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/397907/> (accessed 01.02.2021) (In Russ.).

Natalia M. Bogoliubova (bogoliubovanm@gmail.com)

PhD of History, Ass. Professor of Saint-Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of International Humanitarian Relations

Yulia V. Nikolaeva (mollycat@mail.ru; j.nikolaeva@spbu.ru)

PhD of History, Ass. Professor of Saint-Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of International Humanitarian Relations

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Russia and Brazil. Dialogue in the images and rhythms of ballet art at the beginning of the XXI century

Abstract. The modern cultural dialogue between Russia and Brazil is being developed quite successfully and actively. One of the original areas of cooperation is the ties in the field of ballet art. In this study, based on the rich and varied material of sources and the latest publications on this topic, the authors attempted to show the role of choreographic ties in cultural cooperation between Russia and Brazil, to consider ballet as an instrument of "soft power" and an effective image-forming tool. The article shows the

bilateral nature of the dialogue between Russia and Brazil at the beginning of the 21st century, identifies those important forms of professional cooperation in the field of ballet art that determine the modern nature of the possibility of a dialogue. Independent attention in this study is paid to the unique educational form of modern ties – Bolshoi Theatre ballet school in Joinville, which has already trained talented artists, the winners of international competitions and the laureates of prestigious choreographic awards. The article presents a qualitative analysis of the forms of choreographic cooperation and shows their role in the dialogue between the two countries.

The methodological approaches were formulated by the authors based on the set goal, taking into account the interdisciplinary nature of the stated topic – to consider the ties between Russia and Brazil in the field of choreographic art, as an important area of bilateral contacts, foreign cultural policy of the two countries and an instrument of “soft power”. The research methodology includes a comparative method, which made it possible to identify the general and the specific in the choreographic ties between Russia and Brazil at the present stage of cooperation, to note the dynamics of these ties. The descriptive approach provided an opportunity to consider and to describe the events (competitions, tours, joint projects) that united Russia and Brazil in the field of choreographic art at the beginning of the 21st century, and which are an original form of choreographic collaboration. The biographical approach allowed recreating the biographies of ballet dancers – participants in the dialogue. We applied such general scientific methods as analysis and synthesis in our work.

Key words: dance, ballet, Russia, Brazil, international relations, Russian-Brazilian cultural relations, ballet schools.

DOI: 10.31857/S0044748X0016129-0

Received 13.01.2021.

Е.К.Березина

Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты

В статье рассмотрены концептуальные основания российской «мягкой силы» и особенности публичной дипломатии в контексте отношений со странами Латинской Америки. Проведен сравнительный анализ представленности официальных и неофициальных институтов на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях по продвижению российской публичной дипломатии в Латинской Америке. На примере Венесуэлы было выявлено, что Россия активно использует и развивает экономическое направление публичной дипломатии в контексте «мягкой силы». Автор приходит к выводу, что в целях повышения эффективности публичной дипломатии в Латинской Америке России необходимо более активно представлять неофициальные институты на информационных ресурсах и в социальных сетях. При этом автор утверждает, что в связи с пандемией *Covid-19* существует значительный потенциал по продвижению «дипломатии вакцины» и развитию научного направления публичной дипломатии России в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: *COVID-19*, многополярность, «мягкая сила», публичная дипломатия.

DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8

Статья поступила в редакцию 23.03.2021.

На сегодняшний день, несмотря на глобальные вызовы, связанные, в первую очередь, с пандемией *COVID-19*, нестабильностью международных процессов в силу неблагоприятной политической обстановки и информационного противостояния с западными странами, Россия продолжает поддерживать и развивать отношения с латиноамериканскими странами. В настоящее время Латинскую Америку можно рассматривать в качестве формирующегося полюса новой системы международных отношений. В этом контексте представляется верной позиция отечественных экспертов,

Елизавета Константиновна Березина — ведущий специалист Центра международной проектной деятельности Управления международного сотрудничества СЗИУ РАНХиГС; Северо-Западный институт управления (СЗИУ РАНХиГС) (РФ, Санкт-Петербург, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8361> berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta95@mail.ru).

полагающих, что регион переживает переходный период, во время которого «формирование собственных региональных интересов и региональной идентичности, обретение собственного латиноамериканского голоса в международных организациях и проектах межрегионального сотрудничества создают предпосылки для восприятия Латинской Америки в качестве актора нового мирового порядка и одного из центров многополярного мира» [1, с. 58]. В настоящее время Россия стремится выстраивать отношения с латиноамериканскими государствами в духе многополярности на основе реализации конкретных военно-политических и экономических интересов [1, с. 55]. Это взаимодействие включает в себе ряд моделей — от прагматичного сотрудничества до союза с антиамериканскими настроенными странами с целью конструирования многополярности [1, с. 56]. В целом российская внешняя политика в отношении Латинской Америки строится на принципе деидеологизированности, а именно, как отмечает российский дипломат Александр Валентинович Щетинин, — на прагматичных подходах, и не направлена против кого-то [2, с. 42].

В настоящее время латиноамериканский регион не занимают ведущего положения в системе региональных приоритетов внешней политики РФ. Тем не менее у сторон, во-первых, существуют точки соприкосновения касательно международных процессов и глобальных вопросов. Во-вторых, Россия и государства Латинской Америки разделяют принцип многополярности и признают центральную координирующую роль ООН в мировых делах. В-третьих, в латиноамериканских странах до сих пор существуют крупные русские диаспоры, к членам которых местные правительства относятся с уважением.

Продвигая концепцию многополярности, РФ во внешней политике стремится к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами в рамках международных и региональных форумов, к расширению сотрудничества с многосторонними объединениями и интеграционными структурами Латинской Америки [3]. Такая оценка позиции Москвы дается исследователями из Северо-Западного института управления РАНХиГС Елизаветой Березиной и Андреем Торопыгиным [4] и из СПбГУ Александрой Коваль [5]; развивается концепция трансрегионального взаимодействия между Россией и латиноамериканскими странами. Глобальный вызов пандемии сформировал новую международную реальность, отразилось на современной политической карте мира. Во многом речь идет об усилении информационно-коммуникационных средств взаимодействия государств на мировой арене, возможностей и механизмов цифровизации и гуманитарного сотрудничества. Латиноамериканские страны одними из первых выразили желание получить и производить российскую вакцину «Спутник V». В перспективе это можно рассматривать как усиление российской «мягкой силы» в области научно-исследовательского взаимодействия с государствами региона, а, следовательно, и развития нового направления публичной дипломатии [4, с. 55].

Следует отметить, что вопросы, касающиеся институтов российской публичной дипломатии в Латинской Америке, практически не изучены. Необходимо в целом выявить концептуальные основания российской публичной дипломатии и проанализировать ее эффективность в латиноамериканском направлении на основе сравнительного анализа официальных и

неофициальных институтов на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях. Данная статья состоит из двух разделов. Первый посвящен актуальному теоретическому раскрытию феномена российской публичной дипломатии через призму концепции «мягкой силы», второй — исследованию эффективности российских официальных и неофициальных институтов публичной дипломатии на латиноамериканском направлении.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Возникновение публичной дипломатии стало возможным благодаря процессу глобализации, ослаблению государственного контроля над СМИ, связанному с активным внедрением новых технологий, и возрастающей роли негосударственных акторов в международных отношениях [6, р. 291]. Понятие «публичная дипломатия» было сформулировано в 60-х годах XX в. Эдвардом Галлионом, деканом Школы права и дипломатии Флетчера Университета Тафтс и основателем Центра публичной дипломатии Эдварда Р.Мюрроу [7, с. 23]. Под классическим определением публичной дипломатии понимаются «средства, с помощью которых правительства, частные компании и отдельные личности влияют на отношение к ним и мнения других людей и правительств таким образом, чтобы повлиять на их внешнеполитические решения» [8, р. 65]. Однако в широкий оборот этот термин вошел в 90-х годах XX в. после того, как американский исследователь Джозеф Най сформировал свою концепцию «мягкой силы» [9, р. 539]. По мнению исследователя, публичная дипломатия является неким инструментом «мягкой силы», используемой правительствами в целях мобилизации своих ресурсов для коммуникации и привлечения общественности другой страны, а не только их правительств. Публичная дипломатия пытается привлечь внимание, обращаясь к этим потенциальным ресурсам через телевидение, субсидируя культурный экспорт, организуя обмены и т.д. Если содержание культуры, ценностей и политики страны не привлекательно, то публичная дипломатия, которая «транслирует» их, не может произвести «мягкую силу» [10, р. 95]. В этом контексте публичная дипломатия является коммуникационным инструментом «мягкой силы», обеспечивающим внешнеполитические интересы государства.

В российском контексте термин *public diplomacy* переводится как «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» [11, с. 5]. Однако, несмотря на близкое сходство, между этими понятиями существуют различия. Важным признаком публичной дипломатии является то, что она реализуется через официальные каналы и направлена на экспертную аудиторию, таким образом представляя собой второй уровень сотрудничества после классической, межправительственной дипломатии [12, с. 155].

Согласно подходу российского политолога Марины Лебедевой, выделяются два канала воздействия публичной дипломатии — официальный и неофициальный. Первый реализуется через выступления официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях и т.п. Второй — через неправительственные организации (НПО), фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т.д. [13, с. 9].

Исследователи Александр Сергунин и Леонид Карабешкин трактуют российскую интерпретацию «мягкой силы» как инструменталистскую и прагматичную [14]. Релевантным представляется подход данных авторов к изучению российской «мягкой силы» через призму различных концепций политической коммуникации, включая политический брендинг, и связи с общественностью [14, р. 348]. Таким образом, в основе изучения российской публичной дипломатии лежит междисциплинарный подход.

Российские политики трактуют «мягкую силу» как комплекс инструментов и методов, что соответствует определению публичной дипломатии, так как «мягкая сила» — это, прежде всего, концепция (политический курс, ценности и культура) [11, с. 7]. В целом в России сложилась своя специфика интерпретации «публичной дипломатии», которая имеет исторических корни со времен Советского Союза и связана, прежде всего, с общественной (народной) дипломатией.

При сравнении российской и американской публичной дипломатии в Латинской Америке необходимо отметить, что влияние американской модели публичной дипломатии утвердилось в этом регионе уже давно и связано как с историческими факторами, так и геополитическим значением. Российские международники Наталья Цветкова и Виктор Хейфец справедливо отмечают, что публичная дипломатия США в Латинской Америке утвердилась с момента появления Доктрины Монро (1823 г.), и проводят параллель с одобрением президентом США Дональдом Трампом военных операций в Венесуэле в поддержку самопровозглашенного президента Хуана Гуайдо. Соединенные Штаты часто использовали публичную дипломатию или «мягкую силу» не только для защиты своих экономических и политических интересов в Латинской Америке, но и для того, чтобы содействовать развитию региона в разные эпохи [15, р. 2]. Схожей позиции придерживается и Александр Щетинин, приводя пример реформативирования национальных элит как инструмента такой политики [2, с. 41].

Особенностью публичной дипломатии США в Латинской Америке стало активное применение цифрового инструментария, что обеспечило популярность североамериканских вещателей. Это позволило Соединенным Штатам распространить свою позицию через многочисленные информационные каналы, в частности, с активным применением «твитов» в период венесуэльского политического кризиса 2018—2019 гг. на фоне относительной слабости сообщений местных СМИ [15, р. 13]. Случай Венесуэлы демонстрирует эффективность американской модели публичной дипломатии на примере активного применения «твитдипломатии», которое может вызывать непредсказуемые последствия в политической жизни.

Кроме того, в отличие от российской системы публичной дипломатии, по мнению эксперта Российского совета по международным делам (РСМД) Натальи Бурлиновой, американская публичная дипломатия обладает системностью, которая включает внешнеполитические институты и механизмы, имеет четкие контуры в рамках Государственного департамента США, и эта структура тесно взаимодействует с частными фондами и аналитическими организациями [11, с. 8].

В настоящее время наибольшей популярностью среди российских исследователей пользуется модель, расширяющая спектр «мягкой силы» за счет таких

компонентов, как привлекательность национальной системы образования (в первую очередь высшего) для граждан других государств [16, с. 170]. Многие латиноамериканцы, получившие образование или долгое время работавшие в СССР и России, являются проводниками наших культурных и политических ценностей, рассказывают своим согражданам о российской культуре, способствуют повышению туристического интереса к нашей стране.

Однако в российском подходе на сегодняшний день не до конца понятно значение и назначение «мягкой силы». Следовательно — и роль ее как инструмента публичной дипломатии. С одной стороны, отечественные политики сосредотачивают свои усилия на продвижении русского языка и поддержки соотечественников за рубежом [17, с. 137]. С другой стороны, для российских теоретиков «мягкая сила» связана с невоенными атрибутами, такими, как жизнеспособная экономика, политическая сила, здоровое общество, устойчивая экология, привлекательная культура и эффективная публичная дипломатия [14, с. 353]. Таким образом, российская школа международных отношений предлагает иное, более широкое понимание концепции «мягкой силы», чем дает определение Дж.Най. Российские теоретики подчеркивают значение и экономических измерений «мягкой силы», хотя они могут также быть эффективны в качестве инструментов «жесткой силы» [14, с. 353]. Так, отечественный латиноамериканист Дмитрий Розенталь признает, что в условиях конфронтации с Западом правительство Николаса Мадуро является для Москвы важным союзником с точки зрения энергетических и экономических интересов, а также близости к границам США [18, с. 57]. Колумбийский ученый Владимир Рувинский придерживается схожей позиции о важной роли энергетического фактора во внешней политике России в Венесуэле (на примере деятельности «Роснефти»). Кроме того, тот факт, что РФ продолжает быть вовлеченной в венесуэльские дела, автор объясняет присутствием в Венесуэле российских компаний, работа которых не связана с энергетическим сектором, а также влиянием российских масс-медиа в этой стране [19, р. 4]. В.Рувинский приводит наглядную статистику усиления влияния российского присутствия: на Первом канале в период с января по октябрь 2019 г. было 256 новостных репортажей и телешоу, связанных с Венесуэлой. Для сравнения: в 2018 г. таких репортажей было всего 34 [19, р. 10]. Аргументы в пользу важности энергетического фактора в российско-венесуэльских отношениях приводят В.Л.Хейфец и Д.М.Розенталь, констатирующие, что для обеспечения интересов российских энергетических компаний в Венесуэле РФ поддерживает контакты и с политическими оппонентами боливарианцев. Впервые это упомянул министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров в сентябре 2017 г. на Генассамблее ООН. По мнению исследователей, публичное обозначение этой информации могло способствовать некоторому снижению напряженности между Кремлем и противниками режима Н.Мадуро [20, р. 67]. Обозреватель американского издания *The Hill* Стивен Бланк признает важную роль Венесуэлы в качестве стратегической платформы для удовлетворения интересов российских экономических и энергетических компаний в других странах Латинской Америки [21]. Таким образом, Россия активно использует инструменты публичной дипломатии в целях

обеспечения своих энергетических интересов и привлекательности внешней политики в Венесуэле.

На сегодняшний день, особенно, принимая во внимание продолжающуюся пандемию *COVID-19*, повышается и расширяются возможности цифрового инструментария, который охватывает все сферы деятельности публичной дипломатии. Проблематика цифровой публичной дипломатии затронута в работах таких авторов, как Наталья Цветкова, Никита Кузнецов [22], Ольга Красняк [23], Ольга Лебедева [24], Аркадий Рябиченко [25], Наталья Бурлинова [11].

Анализируя причины возникновения цифровой дипломатии, О.В.Лебедева приводит тезис о том, что в сложившихся условиях инструментальной концепции «мягкой силы» исчерпан, соответственно, необходимо искать новые средства выражения. Речь идет о применении цифровых подходов (дипломатическое взаимодействие через Глобальную сеть, социальные сети и пр. [24, с. 102]. По мнению исследователя, с помощью «мягкого» воздействия цифровой инструментальной внешнеполитической деятельности позволяет добиваться ненавязчивого распространения государственных интересов по всему миру [24, с. 104].

Большой вклад в методологию и развитие феномена цифровой публичной дипломатии внесла профессор Н.А.Цветкова. Автор рассматривает изучение цифровой дипломатии через призму парадигм международных отношений — реализма и конструктивизма. Реалистическая концепция позволяет понять цели национальной безопасности и внешней политики, которые отражаются на государственной цифровой дипломатии и специфике информационных кампаний [26, с. 44], в то время как конструктивизм — глубину цифровой дипломатии в конкретной стране: настроения пользователей, их реакции и комментарии создают основу для понимания идентичностей и ценностей целевой аудитории по определенным политическим вопросам [26, с. 45]. Кроме того, при анализе внешней политики государств Н.А.Цветкова применяет понятие «дипломатии больших данных». Главным инструментом изучения «дипломатии больших данных» является сбор данных социальных сетей [22, с. 32]. Активное применение инструмента цифровой дипломатии во время политических кампаний повлияло на общественное мнение в Венесуэле, Боливии и Бразилии (2018—2020 гг.) [22, с. 29].

На сегодняшний день фактор пандемии и практически полный переход всего и вся в онлайн-формат стали стимулом для усиления цифровой дипломатии. Активное использование в России *Zoom* и развитие информационных технологий позволяют подключать участников из различных стран мира, в том числе из Латинской Америки, к участию в образовательных и научно-исследовательских мероприятиях. Тем не менее в ходе применения цифровой публичной дипломатии возникают некоторые негативные моменты: во-первых, падает уровень восприятия информации, тогда как при личном контакте меньше отвлекающих моментов; во-вторых, психологически снижается уровень восприятия собеседника с точки зрения невербальных контактов; в-третьих, онлайн-средства позволяют собеседникам не видеть друг друга. Все эти факторы снижают эффективность цифровой дипломатии. Однако применение цифровой публичной дипломатии продиктовано как объективными реалиями, связанными с пандемией *Covid-19*,

так и глобальными трендами в области развития информационных и цифровых технологий во внешней политике государств.

В этом контексте необходимо проанализировать специфику российских официальных и неофициальных институтов по продвижению публичной дипломатии в Латинской Америке на основе сравнительного анализа представленности на сайтах и в социальных сетях.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Придерживаясь концептуальной позиции М.М.Лебедевой [13] и Н.В.Бурлиновой [11], отметим, что в настоящее время Россия осуществляет взаимодействие с латиноамериканскими странами в области публичной дипломатии через официальные ведомства; некоммерческие/неправительственные организации, образовательные учреждения и научно-исследовательские центры.

Структура официальных ведомств публичной дипломатии такова:

— МИД РФ, включая Департамент по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями, в рамках которого существует отдел по взаимодействию с неправительственными организациями (информационно-аналитическая и сводная работа по линии российских НКО-международников); Департамент информации и печати (информационно-разъяснительная работа по линии публичной дипломатии); Департамент международных организаций (работа с международными организациями и НПО); Департамент по работе с соотечественниками за рубежом [11, с. 12], а также Латиноамериканский департамент. У этих подразделений нет отдельных аккаунтов в социальных сетях, они входят в общую систему информационной представленности и аккаунтов социальных сетей МИД;

— Парламент РФ (парламентское измерение публичной дипломатии) в лице Комитета Совета Федерации по международным делам и Комитета Государственной Думы по международным делам [11, с. 12]. Деятельность Комитета Совета Федерации направлена на продвижение и расширение парламентской дипломатии со странами *BRICS*, партнерами в Азии, Латинской Америке и Африке. Кроме того, особое внимание уделяется поддержке и защите прав российских граждан, проживающих за рубежом. Одним из направлений работы Комитета Государственной Думы является развитие межпарламентских связей со странами Южной и Центральной Америки и участие в деятельности Парламентского форума *BRICS*. В отличие от Комитета Государственной Думы, деятельность Комитета Совета Федерации не представлена на отдельном сайте и аккаунтами в социальных сетях. Работа последнего входит в общую информационную представленность и аккаунты социальных сетей Совета Федерации;

— Министерство науки и высшего образования РФ (в части содействия обучению иностранных студентов в России) [11, с. 13]. В рамках министерства действует Департамент международного сотрудничества, одним из направлений деятельности которого является координация взаимодей-

ствия с *BRICS* в области образования и поддержания устойчивого развития. У Департамента нет собственного сайта и аккаунта в социальных сетях; его работа отражена в общей системе информационной представленности и аккаунтов социальных сетей Минобрнауки.

Значимую роль по продвижению российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки играет деятельность Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества), созданного в соответствии с Указом президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315. На сегодняшний день можно выделить основные направления работы Россотрудничества по продвижению публичной дипломатии в латиноамериканских странах. В области международного содействия в условиях пандемии *COVID-19* получателями помощи из России стали Бразилия и Венесуэла, Гватемала, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама и Сальвадор. Однако при доставке гуманитарной помощи в латиноамериканские страны РФ столкнулась с проблемой информирования касательно качества публикуемых госорганами сообщений о предоставлении гуманитарной помощи, а именно таких моментов как неполнота и неточность сведений о помощи. Так, например, проблема информирования касалась оказания Россией гуманитарной помощи Перу на предмет поставки тест-систем, о которой сообщал в интервью российский посол в этой стране [27, с. 14].

По мнению американского исследователя Эвана Эллиса, *COVID-19* выявил проблемы в системах государственного здравоохранения, усугубляемые социально-экономическими факторами, и слабую политическую реакцию на опасность пандемии в некоторых странах Латинской Америки. Э.Эллис прогнозирует негативный сценарий развития латиноамериканских государств, связанный с обострением многочисленных взаимозависимых проблем, приводящих к финансовым трудностям, росту количества бедных, активизации социальных волнений и левых популистских правительств, а также расширением присутствия КНР [28].

Несмотря на фактор Китая в регионе, латиноамериканские страны заинтересованы в поставках и производстве российской вакцины «Спутник V». На сегодняшний день «Спутник V» одобрена в более чем 65 государствах мира, среди которых Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Парагвай, Мексика, Никарагуа, Гватемала, Гондурас [29]. Так, например, Аргентина уже наладила производство «Спутник V» с перспективой экспорта в другие страны региона [30]. Таким образом, можно говорить о развитии российской «дипломатии вакцины» латиноамериканских государствах.

Одним из ключевых направлений деятельности Россотрудничества является популяризация и изучение русского языка и культуры в странах Латинской Америки. В настоящее время в данном регионе по-русски говорят всего 0,2 млн человек [31], однако работа в этом направлении ведется. Так, на сегодняшний день представительства Россотрудничества действуют в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, на Кубе, в Мексике, Никарагуа, Перу и Чили. В основном эти представительства являются Российскими центрами культуры и науки, при которых работают курсы русского языка. При этом у каждого представительства Россотрудничества в Латинской Америке

есть отдельный сайт и аккаунты в социальных сетях. Кроме того, ежегодно на площадках российских центров науки и культуры в латиноамериканских странах проводятся различные мероприятия, среди которых можно отметить показы фильмов, выставки и фотовыставки, праздничные концерты и т.д. Однако все эти мероприятия, как правило, носят разовый характер и не имеют долгосрочного эффекта по продвижению российской дипломатии в странах региона.

В области образования Россотрудничество ежегодно реализует проекты и программы, направленные на экспорт российского образования, содействие развитию международного научного сотрудничества, привлечение иностранных граждан на обучение в РФ, а также взаимодействие с выпускниками российских (советских) вузов. За период 2019—2020 гг. при поддержке Россотрудничества были проведены две образовательные выставки российских вузов в Мексике и одна в Перу [32]. Согласно статистическим данным ведомства, количество заявлений на обучение в РФ в 2020/2021 учебном году, поданных молодыми людьми, проживающими в латиноамериканских странах, составляет 4%. Это — немного по сравнению, например, с заявлениями, поданными гражданами, живущими в Африке к югу от Сахары — 16%, и в странах Ближнего Востока и Северной Африки — 19% [33].

Кроме того, к информационному направлению публичной дипломатии относятся Международное информационное агентство «Россия сегодня», в которое, в том числе, входят *Sputnik* (международное новостное агентство) и система информационных каналов на иностранных языках *Russia Today* (RT) [11, с. 13]. Согласно сравнительному анализу сотрудника Лидсского университета (Великобритания) Пабло Себастьяна Моралеса, Россия демонстрирует успехи в области публичной дипломатии на примере международных вещательных СМИ. По мнению П.С.Моралеса, российский канал RT более привлекателен и культурно близок латиноамериканцам, в частности, жителям Аргентина и Мексики, чем иранский *HispanTV* или китайский *CCTV* [34, р. 111].

Официальные институты российской публичной дипломатии (включая представительства Россотрудничества в странах Латинской) активно используют свои сайты и аккаунты в социальных сетях, в частности, *Facebook*, *Instagram* и *YouTube*. В отличие от американской системы публичной дипломатии российская публичная дипломатия мало использует *Twitter*.

Продвижение российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах осуществляют также и неправительственные организации. В вопросах продвижения российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки Россотрудничество взаимодействует со старейшей общественной организацией «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС), членами которой являются Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Российское общество дружбы с Кубой, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна [35]. Вышеперечисленные организации не представлены в социальных сетях, за исключением РАМС.

График 1*

* Примечание. Министерство иностранных дел РФ, Совет Федерации РФ, Комитет по международным делам Государственной Думы РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Русский Дом в Буэнос-Айресе, Представитель (в составе Посольства) в Бразилии, Российский центр науки и культуры в Каракасе, Представитель (в составе Посольства) в Гаване, Представитель (в составе Посольства) в Мексике, Представитель (в составе Посольства) в Манагуа, Российский центр науки и культуры в Лиме, Российский центр науки и культуры в Сантьяго.

Источник: составлено автором.

Одной из ключевых организаций по продвижению публичной дипломатии России в странах Латинской Америки в сфере культуры является Фонд «Русский мир». Фонд был основан во исполнение указа президента РФ от 21 июня 2007 г. Цели фонда заключаются в популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержке программ его изучения. Фонд взаимодействует с общественными и некоммерческими организациями, профессиональными объединениями, научными и образовательными учреждениями, Русской православной церковью и другими конфессиями [36].

На сегодняшний день в рамках фонда «Русский мир» действует 50 русских центров по всему миру, 5 из которых находятся в Латинской Америке (Аргентина, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Эквадор) [37]. У русских центров фонда почти нет своих сайтов и аккаунтов в социальных сетях. Помимо центров действует целевая программа фонда «Кабинеты Русского мира», направленная на поддержание деятельности некоммерческих организаций по продвижению русского языка и популяризации русской литературы и культуры. Кабинеты Русского мира работают в Аргентине, Бразилии, Колумбии, на Кубе, в Перу и Чили [38]. Фонд активно занимается публицистической деятельностью. Кроме того, в его рамках действуют собственная телерадиокомпания и Интернет-радиоканал о России, Русском мире, русском языке и культуре.

В 2010 г. в России появилось два ключевых института публичной дипломатии: Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова и Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам». Первый из них был создан во исполнение распоряжения президента России от 2 февраля 2010 г. № 60-рп «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова» и в соответствии с приказом Министерства иностранных дел Российской Федерации от 31 мая 2010 г. № 7946. Деятельность фонда направлена поддержку публичной дипломатии, содействие участию российских НПО в международном сотрудничестве, активное вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс. Одной из стратегических целей является то, что фонд формирует финансовые и иные средства и направляет их на реализацию проектов международного сотрудничества НПО как в рамках своей деятельности, так и во взаимодействии с другими общественными и государственными институтами [39]. Таким образом, фонд предоставляет гранты в целях продвижения публичной дипломатии для НПО. В рамках поддержки публичной дипломатии и улучшения внешнеполитического имиджа России за рубежом фонд проводит конференции, лекции и встречи по внешнеполитической проблематике, в которых принимают участие авторитетные отечественные и зарубежные эксперты в области международных отношений [40, с. 133]. У фонда есть официальный сайт и аккаунт в социальных сетях. Кроме того, фонд участвует в различных общественных и научных мероприятиях по латиноамериканскому направлению с учетом современных тенденций. В этой связи, например, член фонда Александр Коньков, выступая с докладом на IV международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», проходившем в Санкт-Петербурге с 1 по 3 октября 2019 г., отметил, что в области продвижения российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах необходимо в первую очередь задействовать «возможности цифровой дипломатии, для которой географические препятствия весьма условны» [41]. На сегодняшний день Иberoамериканский форум можно рассматривать в качестве ключевой дискуссионной площадки, где собираются представители дипломатического корпуса, академического сообщества, НПО и независимые эксперты.

В настоящее время одним из важнейших российских научно-экспертных центров по продвижению российской публичной дипломатии является Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (РСМД), созданное в соответствии с распоряжением президента РФ от 2 февраля 2010 г. № 59-рп. Работа этой организации нацелена на содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами и призвана служить предотвращению международных конфликтов и кризисному регулированию [42]. Международная деятельность РСМД направлена на создание благоприятных условий вовлечения России в глобальный мир через реализацию многосторонних сетевых проектов и инициатив [40, с. 133]. Одним из направлений деятельности РСМД является исследование процессов и прогнозирование ситуации в Латинской Америке. По этому направлению издаются аналитические статьи, доклады, новости, комментарии и пр. В отличие от фонда «Русский мир» и Фонда А.М.Горчакова, РСМД достаточно широко представлен в социальных сетях.

График 2*

* Примечание. Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Российское общество дружбы с Кубой, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна, Русский центр университета Буэнос-Айреса (Аргентина), Русский центр палаты по туризму и торговле Коста-Рика-Россия, Русский центр Национальной библиотеки им. Хосе Марти (Куба), Русский центр университета Гуаякиля (Эквадор), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, Российский совет по международным делам (РСМД).

Источник: составлено автором.

В отличие от официальных институтов российской публичной дипломатии неофициальные институты, особенно общественные организации латиноамериканской направленности, слабо представлены в социальных сетях, у них обычно нет своих сайтов (например, Общество дружбы, культурного и делового сотрудничества с Бразилией, Ассоциация друзей Латинской Америки и Карибского бассейна вообще не имеют собственного сайта и аккаунтов в социальных сетях).

В целом сравнительный анализ графиков 1 и 2 показывает, что в деятельности официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии из социальных сетей больше всего используется *Facebook*.

Помимо общественных некоммерческих организаций большой вклад в продвижение научного направления публичной дипломатии в странах Латинской Америки вносят такие российские академические институты и аналитические центры, как Российский институт стратегических исследований (РИСИ) [11, с. 13], Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО МИД РФ), Институт Латинской Америки (ИЛА) РАН, Центр ибероамериканских исследований СПбГУ и др.

Латинская Америка рассматривается сегодня в качестве одного из формирующихся центров многополярного мира, с которым Россия готова вести прагматичный диалог как в двустороннем, так и многостороннем (на примере ЕАЭС) формате. Исследование российской публичной дипломатии в Латинской Америке строится на междисциплинарном подходе. По мнению ряда зарубежных и отечественных авторов, российская публичная дипломатия, на примере российско-венесуэльских отношений, демонстрирует отстаивание интересов российских энергетических и экономических компаний во внешней политике и, таким образом, речь идет о повышении привлекательности экономической дипломатии. В статье была выявлена конкурентоспособность российских международных вещательных СМИ в области обеспечения внешнеполитических интересов России в Латинской Америке.

В условиях пандемии *COVID-19* повышается фактор информационно-коммуникационных средств и цифровизации. Сравнительный анализ официальных и неофициальных российских институтов публичной дипломатии на наличие информационных ресурсов и аккаунтов в социальных сетях показывает, что официальное направление российской публичной дипломатии в латиноамериканских странах представлено шире, в большинстве случаев включено в общую систему международных связей и, как правило, не представлено отдельными страницами или аккаунтами в социальных сетях. При этом наибольшей популярностью среди официальных и неофициальных институтов российской публичной дипломатии пользуется социальная сеть *Facebook*. Деятельность по продвижению российского гуманитарного сотрудничества с латиноамериканскими странами в основном возложена на Россотрудничество, которое взаимодействует с неофициальными институтами. В целом латиноамериканскому направлению российской публичной дипломатии не хватает системности и представленности неофициальных институтов на информационном пространстве и в социаль-

ных сетях. Существенным недостатком деятельности российской публичной дипломатии является то, что проводимые мероприятия не оказывают долгосрочного эффекта на латиноамериканскую общественность.

Однако на сегодняшний день в условиях ковидной реальности Россия демонстрирует успех от экспорта и производства «Спутник V» в латиноамериканских странах в контексте гуманитарного сотрудничества и «дипломатии вакцины». Кроме того, существует потенциал для продвижения российской публичной дипломатии в странах Латинской Америки через научно-экспертные учреждения и вузы.

На сегодняшний день ключевой задачей России является выстраивание комплексной или плюралистической системы публичной дипломатии с усилением цифровых инструментов в целях повышения эффективности работы за рубежом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых. *Латинская Америка*. М., 2021, № 5, сс. 50-68 [Jeifets V.L. Mesto Latinskoj Ameriki v mnogopolyarnom mire: vzglyady i podhody rossijskih uchenyh [The place of Latin America in a multipolar views and approaches of Russian researches]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 5, pp.50–68 (In Russ.).]
2. Щетинин А.В. Латинская Америка – неизменно важное направление внешней политики России, *Латинская Америка*, М., 2019, № 7, сс.40-47 [A.V. Shechetinin. Latinskaya Amerika – neizmenno vazhnoe napravlenie vneshnej politiki Rossii [Latin America: constant focus of the Russian foreign policy]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2019, N 7, pp.49–47 (In Russ.).]
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (accessed 07.07.2021).
4. Березина Е.К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка. *Управленческое консультирование*, СПб., 2021, № 3, сс.43-57 [Berezina E.K., Toropygin A.V. EAEU rasshiryayet mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: napravlenie — Latinskaya Amerika [EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, Saint Petersburg, 2021, N 3, pp.43–57 (In Russ.).]
5. Коваль А.Г. Перспективы торговли России со странами Тихоокеанского альянса, *Международная экономика*, М., 2018, № 15, сс.46-56. [Koval A. Perspektivy trgovli Rossi so stranami Tihookenskogo al'yansa [Prospects for the Russia's trade with Pacific alliance countries]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, Moscow, 2018, N 15, pp.46–56 (In Russ.).]
6. Осипка В. Public diplomacy as political communication: Lessons from case studies. *European Journal of Communication*, 2018, Vol. 33, N 3, pp. 290–303.
7. Бережная М.И., Щегорцов В.А. Публичная дипломатия как тренд мирового глобального развития. *Экономика и политика*. Магнитогорск, 2014, № 1(2), сс. 22–30 [Berezhnaya M.I., Schegortsov V.A. Publichnaya diplomatiya kak trend mirovogo global'nogo razvitiya [Public diplomacy as a trend of the world global development]. *Ekonomika i politika*. Magnitogorsk, 2014, N 1(2), pp. 22–30 (In Russ.).]
8. Kadir Jun Ayhan. The Boundaries of Public Diplomacy and Nonstate Actors: A Taxonomy of Perspectives. *International Studies Perspectives*, 2019, Vol. 20, N 1, pp. 63–83.
9. Kadir Jun A. Connecting Public Diplomacy and Foreign Policy. *International Studies Review*, 2018. Vol. 20, N 3, pp. 539–540.
10. Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, Vol. 616, Issue 1, pp. 94–109.
11. Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018-2019 гг. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России: доклад 52/2020. Н.Бурлинова, П.Василенко, В.Иванченко, О.Шакиров. Российский совет по международным делам (РСМД), М, НП РСМД, 2020, 58 с. [Burlinova N, Vasilenko P., Ivanchenko V., Shakirov O. Ekspertnyj obzor rossijskoj publichnoj diplomatii v 2018-2019 gg. 10 shagov na puti k effektivnoj

publichnoy diplomatii Rossii: doklad 52/2020 [Expert review of Russian public diplomacy in 2018-2019. 10 Steps towards effective public diplomacy in Russia: Report 52/2020]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moscow, NP RSMD, 2020, 58 p. (In Russ.).

12. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога. *Международная жизнь*. М., 2016, № 2, сс. 154–164. [Velikaya A. Publichnaya diplomatiya kak instrument mezhdunarodnogo dialoga [Public Diplomacy as an Instrument of International Dialogue]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2016. N 2, pp. 154–164 (In Russ.).

13. Публичная дипломатия: Теория и практика. Под ред. М.М.Лебедевой. Москва, Аспект Пресс, 2017, 272 с. [Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika [Public diplomacy: theory and practice]. Ed. M.M.Lebedeva. Moscow, Aspect Press, 2017, 272 p.

14. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy, *Politics*, 2015, Vol.35, Issue 3-4, pp. 347–363.

15. Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. public diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, democratization, and the digitalization of politics. *Cogent Social Sciences*, 2019, Vol.5, No 1, pp. 1–15.

16. Белов С.И. Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы». *Вестник Московского государственного университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. М., 2018, т.10, №1, сс.165–184. [Belov S.I. Problemy i perspektivy izmereniya «myagkoj sily» [Methods of measuring 'soft power']. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Moscow, 2018, Vol.10, N 1, pp. 165–184 (In Russ.).

17. Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. *Проблемы постсоветского пространства*. М., 2020, т.7, № 2, сс. 130–141. Borisov A.V. «Myagkaya sila»: specifika otechestvennogo ponimaniya [“Soft Power”: Specificities of domestic understanding]. *Problemy postsovetского prostranstva*. Moscow, 2020, Vol.7, N 2, pp. 130–141 (In Russ.).

18. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы. *Латинская Америка*. М., 2018, № 10, сс. 49–60. [Rozenal D.M. Venesuel'skij uzel v latinoamerikanskoj politike Moskvy [The Venezuelan Node in the Latin American Policy of Moscow]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2018, N 10, pp. 49–60 (In Russ.).

19. Rouvinski V. Russia's Continuing Engagement with Venezuela in 2019 and Beyond - An Update. Woodrow Wilson International Center Latin American Program, Kennan Institute, 2020, 16 p.

20. Rozenal D.M., Jeifets V.L. Venezuela's Foreign Policy in the Situation of Instability, *Iberoamérica*, 2018, N 4, pp. 53–76.

21. Blank S.J. Russia is meddling in Latin America, too. *The Hill*, 20.11.2017. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/361148-russias-is-meddling-in-latin-america-too> (accessed 08.07.2021).

22. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. М., 2020, № 4, сс. 27–44. [Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Fenomen diplomatii bol'shikh dannyh v mirovoj politike [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. Moscow, *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*, 2020, N 4, pp. 27–44 (In Russ.).

23. Krasnyak O. Foreign Ministry's Spokesperson in Public Diplomacy: A Case of Russia, *Russian Journal of Communication*, 2020, N 12(2), pp. 155–170.

24. Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент. *Международная жизнь*, М., 2019, № 5, сс.102–111 [Lebedeva O.V. Sovremennye instrumenty «cifrovoj diplomatii» kak vazhnejshij element [Modern tools of «digital diplomacy» as an important element]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2019, N 5, pp.102–111 (In Russ.).

25. Рябиченко А. Цифровая дипломатия вчера и сегодня. *Российский совет по международным делам (РМСД)* [Ryabichenko A. Cifrovaya diplomatiya vchera i segodnya [Digital diplomacy yesterday and today *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RMSD)*, 16.11.2018. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (accessed 08.07.2021).

26. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. М., 2020, № 2, сс. 37–47 [Tsvetkova N.A. Fenomen cifrovoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. Moscow, *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»*, 2020, N 2, pp. 37–47 (In Russ.).

27. Шакиров О.И., Петросян М. К., Соловьев Д.Б. Гуманитарная помощь против коронавируса. Кому и как помогала Россия во время пандемии COVID-19? М., ЦПУР, 2020, 17 с. [Shakirov O.I., Petrosyan M.K., Solov'ev D.B. Gumanitarnaya pomoshh' protiv koronavirusa. Komu i kak pomagala Rossiya vo vremya pandemii [Humanitarian aid against coronavirus. Whom and how did Russia help during the COVID-19 pandemic?] Moscow, CzPUR, 17 p. (In Russ.).
28. Ellis E. The challenges facing Latin America after COVID. *Foreign Policy Research Institute. Part 1*, 05.02.2021. Available at: <https://www.fpri.org/article/2021/02/the-challenges-facing-latin-america-after-covid-part-1/> (accessed 06.07.2021).
29. Российский фонд прямых инвестиций. [Rossijskij fond prjamyh investicij [Russian Direct Investment Fund]. (In Russ.). Available at: <https://rdif.ru/COVID-19/> (accessed 02.07.2021).
30. В Аргентине началось производство вакцины "Спутник V". ТАСС, 20.04.2021. [V Argentine nachalos' proizvodstvo vakciny "Sputnik V" [Production of the Sputnik V vaccine has begun in Argentina]. TASS, 20.04.2021. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/ekonomika/11199383> (accessed 13.07.2021).
31. Укрепление позиций русского языка. Россотрудничество. [Ukreplenie pozicij russkogo jazyka [Strengthening the position of the Russian language]. Rossotrudnichestvo (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/9> (accessed 09.07.2021).
32. Календарь образовательных выставок 2019-2020. Россотрудничество. [Kalendar' obrazovatel'nyh vystavok 2019-2020 [Calendar of educational exhibitions 2019-2020]. Rossotrudnichestvo. (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/10/projects/2274> (accessed 09.07.2021).
33. Инфографика: Экспорт российского образования. Россотрудничество. [Infografika: Jeksport rossijskogo obrazovanija [Infographics: Export of Russian education]. Rossotrudnichestvo. (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/ru/activities/10/projects/2999> (accessed 09.07.2021).
34. Morales P.S. International broadcasters and country image management: Comparing audience perceptions of China, Russia and Iran in Latin America, *Global Media and China*, 2021, N 6 (1), pp. 100–115.
35. Члены Российской ассоциации международного сотрудничества. РАМС. [Chleny Rossijskoj associacii mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Members of the Russian Association for International Cooperation]. RAMS. (In Russ.). Available at: <http://rams-international.ru/members/> (accessed 09.07.2021).
36. Устав Фонда «Русский мир» от 28 марта 2019 года. Русский мир. [Ustav Fonda «Russkij mir» ot 28 marta 2019 goda. [The Charter of the Russian World Foundation dated March 28, 2019]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/ustav.pdf> (accessed 09.07.2021).
37. Каталог Русских центров. Русский мир. [Katalog Russkih centrov [Catalog of Russian centers]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (accessed 09.07.2021).
38. Кабинеты Русского мира. Русский мир. [Kabinety Russkogo mira [Offices of the Russian world]. Russkij mir. (In Russ.). Available at: <https://russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (accessed 09.07.2021).
39. Устав Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова от 5 февраля 2013 года. Фонд Горчакова. [Ustav Fonda podderzhki publichnoj diplomatii imeni A.M.Gorchakova ot 5 fevral'ja 2013 goda [The Charter of the A. M. Gorchakov Public Diplomacy Support Fund dated February 5, 2013]. Fond Gorchakova. (In Russ.). Available at: <https://gorchakovfund.ru/upload/files/69c95363c73daf2ea08a230313f75559.pdf> (accessed 09.07.2021).
40. Лебедева О.В. История возникновения института публичной дипломатии в России. *Международная жизнь*. М., 2016, № 2, сс. 125–135. [Lebedeva O.V. Istoriya vznikeniya instituta publichnoj diplomatii v Rossii [The history of the emergence of the institution of public diplomacy in Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2016, N 2, pp. 125–135 (In Russ.).
41. Член Клуба Горчакова выступил на международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире». Фонд Горчакова. [Chlen Kluba Gorchakova vystupil na mezhdunarodnom forumе «Rossija i Iberoamerika v globalizirujushemsja mire» [A member of the Gorchakov Club spoke at the international forum "Russia and Iberoamerica in a Globalizing World"]. 02.10.2019. Fond Gorchakova. (In Russ.). Available at: <https://gorchakov->

fund.ru/news/view/chlen-kluba-gorchakova-vystupil-na-mezhdunarodnom-forume-rossiya-i-ibero-amerika-v-globaliziruyushche/ (accessed 09.07.2021).

42. Устав Российского совета по международным делам. РСМД. [Ustav Rossijskogo so- veta po mezhdunarodnym delam [Charter of the Russian International Affairs Council]. RSMD. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/about/regulations/> (accessed 09.07.2021).

Elizaveta K. Berezina (berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta95@mail.ru)

Senior specialist of the Center for international project activities under the Depart- ment of International Cooperation of NWIM RANEPa, North-West Institute of Man- agement (NWIM RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation

Russian public diplomacy in Latin America: specifics and institutions

Abstract. The article examines the conceptual foundations of Russian "soft power" and the specifics of public diplomacy in the context of relations with the countries of Latin America. The study provides a comparative analysis of the representation of offi- cial and unofficial institutions for the availability of information resources and social networks to promote Russian public diplomacy in Latin America. On the example of Venezuela, it was revealed that Russia actively uses and develops the economic direction of public diplomacy in the context of "soft power". The author has concluded that in order to increase the effectiveness of public diplomacy in Latin America, Russia needs to develop more the representation of unofficial institutions on information resources and social networks. At the same time, the author argues that in connection with the Covid- 19 pandemic that began in 2020, there is a significant potential to promote vaccine di- plomacy and the development of the expert direction of Russian public diplomacy in Latin America.

Key words: *COVID-19* pandemic, multipolarity, soft power, digital public diplomacy.

DOI: 10.31857/S0044748X0015181-8

Received 23.03.2021.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

А.В.Будаев

Восточная Республика Уругвай: большая «мягкая сила» маленькой страны

В статье рассматриваются источники происхождения, характерные черты и основные проявления уругвайской «мягкой силы», тяготеющей к ее традиционалистской, классической модели в латиноамериканском регионе. Притягательные константы этой южноамериканской страны в виде удачного географического положения, благоприятного климата, народных традиций и фольклора гармонично дополняются активной и сбалансированной внешней политикой, общепризнанными достижениями в области демократического развития и гражданских свобод, экономики и социального мира, а также успехами в сфере культуры, образования и спорта. Автор приходит к выводу о том, что «мягкая сила» Уругвая находится на этапе становления и осмысления местными элитами, которые пытаются придать ей национальную самобытность, несколько отличающуюся от западных концептов и их «прогрессивных аналогов», имеющих в ряде развивающихся стран, приумножая возможности и потенциал традиционной дипломатии и современных информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: Уругвай, привлекательность, преимущества, дипломатия, миграция, терпимость, туризм, культура.

DOI: 10.31857/S0044748X0016130-2

Статья поступила в редакцию 17.05.2021.

В современных международных отношениях политика «мягкой силы» все более зримо утверждается в качестве важного фактора реализации внешних интересов государств, гармонично дополняя инструментарий традиционной дипломатии.

Сформулированная в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия известным американским политологом и неолибералом Джозефом Наем концепция «мягкой силы» определяется как «способность добиваться

Андрей Владимирович Будаев — кандидат политических наук, Посол России в Уругвае, наблюдатель при Комитете представителей Латиноамериканской ассоциации интеграции по совместительству (<https://orcid.org/0000-0002-8130-6866>, emburuguay@mid.ru).

желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [1]. Введение Дж.Наем и его последователями в научный лексикон термина «мягкая сила» не означает, что у этого явления исключительно американское происхождение. Отдельные элементы «мягкой», а точнее сказать «культурной или просвещенной» силы, проявлялись в прошлые века в политике целого ряда государств.

В Концепции внешней политики Российской Федерации «мягкая сила» характеризуется как «комплексный инструментальный набор решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [2]. В более широком контексте «мягкая сила» представляет собой сложное, многокомпонентное явление, включающее в себя целый ряд факторов, в том числе привлекательность внутренней и внешней политики, значимые достижения в разных сферах жизнедеятельности, благоприятные природные и климатические условия и др.

«Мягкая» дипломатия применяется на практике не только ведущими акторами мировой политики, государствами-лидерами, обладающими мощным военно-политическим и экономическим потенциалом, но и средними и небольшими странами, которые с помощью яркой самобытной идентичности, собственных успехов в области политики, строительства демократии и гражданского общества, различных национальных брендов (благодаря их высокой проникающей способности и сильному воздействию на общественное сознание), добиваются обеспечения национальных приоритетов при относительно невысоких материальных затратах. При этом технологии «мягкой силы» могут играть для «второстепенных игроков» мировой арены роль асимметричного ответа на проводимую в отношении них политику давления, экспансии и вмешательства во внутренние дела со стороны великих держав.

При подготовке статьи автор изучил и использовал довольно широкую базу источников и материалов российских и зарубежных исследователей, посвященных внешней политике современного Уругвая и политическим процессам в латиноамериканском регионе. Среди них следует особо отметить работы Виктора Хейфеца и Лазаря Хейфеца [3; 4], Владимира Сударева [5], Эмиля Дабагыана [6], Антона Андреева [7; 8], Диего Эрнандеса Нильсона и Камило Лопеса Буриана [9], а также положения Конституции [10] и программные документы Уругвая, касающиеся внешнеполитической стратегии страны [11]. Однако исследования, посвященные непосредственно «мягкой силе» Уругвая, в отечественной и иностранной историографии и политологии практически отсутствуют. Попытка приблизиться к изучению этого уругвайского феномена была предпринята в статье Игоря Боккова [12]. С учетом серии публикаций автора по «мягкой силе» ряда государств Латинской Америки, включая Бразилию, Венесуэлу, Никарагуа и страны Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), а также по ее двум базовым моделям в регионе — традиционалистской (бразильской) и боливарианской (венесуэльской) [13], — в данном материале будет продолжен анализ заявленной темы. В качестве методологической основы исследова-

ния были использованы методы наблюдения, научного моделирования, структурного анализа, систематизирования и прогнозирования.

«Мягкая сила» не является неизменной величиной и в некоторой степени зависит от деятельности того или иного правительства, находящегося у власти в конкретный исторический период времени. Представители правящих элит способны вносить определенные акценты в проявление тех или иных ее составляющих. В то же время «мягкая сила» любого государства обладает некими фундаментальными особенностями, своего рода несущими конструкциями, на которых крепятся все остальные ее элементы. В Уругвае константы «мягкой силы» связаны с удачным географическим положением (благодаря которому страну справедливо называют «воротами» Южноамериканского общего рынка (*Mercado Común del Sur, Mercosur*), мягким климатом, интересом со стороны туристов, особенностями национального характера, яркими музыкальными и спортивными традициями. К этому же ряду можно отнести здешние ремесленные промыслы, такие всемирно известные маркетинговые бренды, как качественная уругвайская говядина, марочное красное вино. Обретение уругвайской «мягкой силой» дополнительной ценности и притягательности началось после периода военной диктатуры (1973—1985 гг.), перехода к гражданской форме правления и проведения в стране демократических преобразований.

Пока процесс формирования уругвайской «мягкой силы» далек от завершения, здешний политистеблишмент находится в поиске собственного институционального дизайна «мягкой» дипломатии, который займет еще определенный период времени. Вместе с тем некоторые особенности и примечательные черты «мягкой силы» Уругвая вполне осязаемо проявляются уже сегодня, несколько отличаясь от западных схем и шаблонов и их «прогрессивных аналогов». Поэтому вполне закономерно, что в официальных уругвайских документах термин «мягкая сила» не используется, при том, что отдельные ее элементы применяются на практике, по сути являясь составной частью фундамента здешних доктринальных установок во внешней политике.

Примечательно, что в Конституции Уругвая подчеркивается, что страна «является и всегда будет свободной и независимой от иностранного влияния» [10]. Официальный Монтевидео в последние годы твердо следует концепции «срединности и равноудаленности», что, с одной стороны, позволяет ему сохранять относительную самостоятельность в международной политике, а с другой — помогло снискать определенный авторитет и уважение среди мировых и региональных партнеров. Причем данной стратегии придерживались не только левоориентированные правительства Широкого Фронта (*Frente Amplio*), находившиеся у власти 15 лет (2005—2020 гг.), но и нынешняя правоцентристская администрация президента Луиса Лакалье Поу (2020 — н/в), декларирующая свою приверженность этим подходам. Во многих внешнеполитических документах Уругвая зафиксировано строгое уважение международного права и Устава ООН, демократических начал и принципов мультилатерализма (многосторонности). Не стал исключением и Стратегический план внешней политики страны на 2020—2025 гг., в первом пункте которого закреплено обязательство действовать «на основе норм международного права, мирного реше-

ния споров, защиты и продвижения прав человека, уважения правового государства, поддержания международного мира и безопасности, охраны окружающей среды, защиты и развития мультилатерализма» [11].

Очевидно, что с помощью «мягкой силы» местные правящие элиты стремятся улучшить международный имидж страны, повысить ее вес и авторитет в мировых и региональных делах, а также закрепить за ней репутацию «успешного медиатора» в разрешении различных конфликтов и спорных ситуаций. Очередной пример — посреднические усилия Уругвая в рамках Международной контактной группы и «Механизма Монтевидео» по урегулированию ситуации в Венесуэле. Все это позволяет Уругваю в итоге сохранять определенную самостоятельность во внешней политике, вести на равных диалог с зарубежными партнерами, создавать благоприятные условия для внутреннего развития страны и ее торгово-экономических связей с окружающим миром. В этом же контексте заслуживает внимания активность нынешнего правительства в процессах интеграционного строительства в регионе, в первую очередь в рамках *Mercosur*. Показательны усилия Монтевидео по приданию большей «гибкости и эластичности» деятельности данного объединения через снижение общего внешнего тарифа и наделение стран-участниц правом самостоятельно вести переговоры и заключать торговые соглашения с внеблоковыми партнерами (правда, такие попытки уругвайцев при «молчаливом согласии» Бразилии наталкиваются на неприятие со стороны Аргентины и Парагвая).

Уругвай с его относительно небольшой территорией (176 тыс. км²) и населением около 3,5 млн человек, находясь в окружении латиноамериканских «грандов» — Бразилии и Аргентины, — располагая ограниченным финансовым и промышленно-экономическим потенциалом, проводит довольно активную внешнюю политику, заметно присутствует на различных международных и региональных площадках, участвует в операциях ООН по поддержанию мира (ОПМ). Несмотря на немногочисленный состав вооруженных сил (32 тыс. человек), Уругвай, по состоянию на 31 января 2021 г., находится в первой двадцатке государств, активно участвующих в ОПМ, и занимает по этому показателю первое место среди латиноамериканских стран. Уругвайские военнослужащие входили и продолжают входить в состав «голубых касок» в миссиях в ДР Конго, Гаити, Колумбии, ЦАР, Ливане, Сирии и ряде других «горячих точек». В настоящее время миротворческий контингент Уругвая насчитывает 1149 человек [14]. Иначе говоря, руководство страны стремится — и небезуспешно — добиваться неплохих результатов во внешних делах в соответствии с национальными приоритетами при опоре на весьма скромную ресурсную базу.

Важной опорой «мягкой силы» Уругвая является и то, что на фоне политической турбулентности во многих государствах мира и Латинской Америки (испытывающих в том числе такую острую проблему, как сменяемость власти) эта страна в последние годы характеризуется стабильностью, предсказуемостью, высоким уровнем развития демократических ценностей, отсутствием социальных потрясений, является своего рода «оазисом спокойствия» в регионе. В данном контексте следует отметить передовые позиции Уругвая в целом ряде международных рейтингов. Так, индекс человеческого развития в стране в 2020 г. составил 0,817, что соответ-

ствует 55-му месту среди 189 государств [15]. По данным рейтинга *Mercer*, уругвайская столица Монтевидео предлагает лучшее качество жизни в Латинской Америке за последние несколько лет [16]. Средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни здесь составляет 68,8 лет (36-е место в мире) [17]. Согласно индексу восприятия коррупции в 2020 г., Уругвай занимает самую лучшую позицию среди латиноамериканских стран и 21-ю — в мире [18].

Прочным фундаментом уругвайской «мягкой привлекательности» являются существующие здесь традиции демократии, соблюдения прав и свобод человека: страна находится на 6-м месте в мире по состоянию политических и гражданских свобод [19]. По данным британского исследовательского центра *Economist Intelligence Unit*, Уругвай занимает 15-ю позицию по показателю уровня развития демократии, опережая такие государства, как Великобритания, Франция, США и пр. [20]. Согласно индексу *Human Freedom Index 2020*, Уругваю присвоено второе место (после Чили) среди стран Латинской Америки и 38-е в мире по уровню свободы человека [21]. В рейтинге государств по состоянию свободы прессы Уругвай расположился на 18-й строчке среди 180 стран [22].

Еще одной сильной стороной здешнего «мягкого измерения» является высокий уровень общественной безопасности. Проблема криминогенной угрозы здесь ощущается не столь остро, как в некоторых соседних государствах. Так, согласно «Глобальному индексу миролюбия 2020» (*Global Peace Index 2020*), позволяющему определить наиболее безопасные для жизни страны, Уругвай занимает первое место в Южной Америке и 35-е — в мире [23].

Одной из главных несущих конструкций уругвайской «мягкой силы» бесспорно является уровень экономического развития и благополучие значительной части населения страны. Уругвай — одна из наиболее экономически развитых стран региона. По данным Всемирного банка (ВБ), ВВП на душу населения в Уругвае за 2019 г. составил 16,2 тыс. долл. По этому показателю, согласно глобальному рейтингу экономик *Gross National Income per Capita 2020*, Уругвай занимает первое место среди стран Южной Америки и 51-е в мире [24]. Минимальный размер оплаты труда здесь также считается одним из самых высоких в регионе: по состоянию на 1 января 2021 г. он составляет 423 долл., что является третьим (после Чили и Коста-Рики) результатом в Латинской Америке. [25]. Благодаря политической и финансовой стабильности, а также созданным благоприятным условиям для ведения бизнеса и прозрачному законодательству в этой сфере Уругвай стал для иностранных инвесторов привлекательным местом вложения капиталов. В рейтинге стран мира по уровню ПИИ (*The World Bank Group: Foreign Direct Investment 2019*) Уругвай находится 6-м месте среди государств Южной Америки (согласно данным ВБ, размер ПИИ в уругвайскую экономику за 2018 г. составил 2,7 млрд долл.) [26]. В рейтинге по индексу экономической свободы (*Index of Economic Freedom 2021*), выпускаемом американским исследовательским центром *The Heritage Foundation*, это государство занимает 2-е место в Латинской Америке (после Чили) и 44-е в мире [27].

Несмотря на имеющиеся на нынешнем этапе сложности (в результате негативных последствий коронавирусной пандемии) экономический спад в

2020 г. составил 5,9% [28]), международные финансово-консалтинговые структуры продолжают оценивать «запас прочности» уругвайской экономики в показателях выше среднего по региону. Факторами устойчивости считаются сохраняющаяся стабильность и относительная независимость банковской системы, диверсифицированность рынков сбыта национальной продукции, вовлеченность в международные производственные цепочки, последовательность макроэкономической политики. Согласно прогнозам авторитетных финансовых организаций, в 2021 и 2022 гг. рост ВВП Уругвая составит соответственно 3% и 3,1% [29].

В октябре 2020 г. рейтинговое агентство *Fitch* присвоило Уругваю кредитный рейтинг *BBB*, что отражает достаточную кредитоспособность, низкие ожидания по кредитным рискам и возможность своевременно погашать финансовые обязательства [30]. В апреле 2021 г. международная компания *Standard&Poors* подтвердила кредитный рейтинг Уругвая на инвестиционном уровне *BBB* (со стабильным прогнозом), что также свидетельствует о достаточной способности своевременно и полностью выполнять свои долговые обязательства [31].

Уругвай имеет превосходную портовую инфраструктуру, а также самую разветвленную сеть шоссе на континенте с отличными логистическими связями с соседними странами. Современный международный аэропорт Монтевидео (Карраско) считается одним из лучших в регионе. Согласно рейтингу *The Guide to Sleeping in Airports*, он признан самым комфортным в Южной Америке [32]. Уругвайские морские и воздушные порты работают по схеме «бесплатный порт/свободный аэропорт», благодаря которой логистические операции, даже в рамках процессов добавления стоимости и реэкспорта, могут выполняться без уплаты налогов. Это создает уникальные логистические возможности для экспортно-импортной деятельности на территории страны. Еще одним свидетельством привлекательности Уругвая является расположение здесь головных офисов и штаб-квартир ряда международных и региональных организаций: Латиноамериканской ассоциации интеграции (*Asociación Latinoamericana de Integración, ALADI*), Межамериканского института детства (*Instituto Interamericano del Niño, la Niña y Adolescentes, INN*), *Mercosur* и парламента данного объединения (*Parlamento del Mercosur, Parlasur*).

Отдельно следует отметить хороший уровень развития в стране информационно-коммуникационных технологий. В этой сфере Уругвай, согласно данным Международного союза электросвязи (*International Telecommunication Union, ITU*) [33], считается одной из самых передовых стран Латинской Америки. Это подтверждается степенью распространения на национальной территории Интернета (более 83% уругвайских граждан являются активными пользователями социальных сетей [34]), количеством абонентов сотовой связи (на каждого жителя здесь в среднем приходится по 1,64 телефонных сим-карт [35]), а также значимыми достижениями в области применения технологий электронного правительства: по этому показателю в рейтинге ООН *E-Government Development Index 2020* Уругвай занимает 26-е место в мире [36].

Примечательно, что нередко Уругвай называют «латиноамериканской Швейцарией» благодаря совокупности отмеченных выше факторов, а также хорошо развитому банковскому сектору. Разумеется, это — вовсе не

случайность: Восточная Республика Уругвай исторически сформировалась, как многонациональное государство, которое представляет собой весьма гармоничный сплав различных (преимущественно европейских) национальностей и этнокультурных традиций. Население страны в основном составляют выходцы из Европы — итальянцы, испанцы (много басков, галисийцев и каталонцев), а также французы, немцы, ирландцы, шотландцы, поляки, хорваты, украинцы, армяне, евреи. Индейского компонента здесь практически нет: местное племя чарруа (семья гуарани, находилось в эпоху освоения этой территории европейцами на одной из последних фаз каменного века) было полностью истреблено, поскольку оказало колонистам самое ожесточенное сопротивление. Имеется небольшой процент лиц африканского происхождения — потомков беглых невольников, которых в прошлые века доставляли через порт Монтевидео в южные районы Бразилии. В стране есть и российская диаспора (от 7 до 10 тыс. человек), из которых около 1,5 тыс. компактно проживают в г. Сан-Хавьер (департамент Рио-Негро), основанном в 1913 г. выходцами из Воронежской губернии. В Уругвае не существует проявлений неприязни, тем более каких-либо притеснений на религиозной или национальной почве, что также обеспечивает ему внешнюю притягательность. Важной экзистенциальной основой «мягкой силы» страны является уругвайская нация, характерными чертами которой считаются упорство, хваткость, цепкость, а также гостеприимство, дружелюбие, доброжелательность и терпимость. Вместе с тем к особенностям национального характера уругвайцев некоторые наблюдатели относят индивидуализм, преувеличенное самомнение, заносчивость, склонность (особенно на этапе знакомства) к церемониям.

В качестве еще одного востребованного инструмента «мягкой силы» Уругвая и канала его влияния на внешнее пространство можно рассматривать туризм, являющийся одной из важных отраслей экономики страны, известной своими пляжными курортами, такими, как Сьюдад-де-ла-Коста и Коста-де-Оро. В «предпандемийный» 2019 г. Уругвай посетили 3,2 млн визитеров, наибольшее число которых прибывало из соседних Аргентины и Бразилии, а также из США и европейских стран. Валютные поступления от иностранного туризма в 2019 г. составили 1,7 млрд долл. [37]. Уругвайцы нередко сетуют на небольшие географические размеры своего государства: дескать, «маленькая страна», что справедливо в сравнении с его соседями — Аргентиной и Бразилией — и в целом для масштабов Западного полушария. При этом они не упускают случая гордо заявить: *¡Como Uruguay no hay!* («Уругвай неповторим!»), с чем, по мнению многих, сложно не согласиться. Самым престижным и раскрученным международным курортом страны является Пунта-дель-Эсте. Для любителей активного отдыха интерес представляют курортные города Мерседес и Кармело, где наиболее развиты такие морские виды спорта, как джет-скай серфинг, яхтенный спорт и океанская рыбалка, в то время как г. Термас Арапэй славится своими термальными источниками, а Колония-дель-Сакраменто — настоящая находка для ценителей старинной архитектуры. Но все же «главным въездом» в страну и основным направлением международного турпотока в Уругвай является столица Монтевидео, в которой переплелись архитектурные стили нескольких веков: от первых построек испанских ко-

лонистов до современных зданий из стекла и бетона. Особый шарм городу придают многочисленные площади и парки, которые дают ощущение простора, нетипичное для других латиноамериканских столиц. Современный Монтевидео старается не утратить былую славу культурной столицы Латинской Америки, на равных соперничая с Буэнос-Айресом. В городе имеется 32 театра, 45 музеев, в экспозициях которых, помимо зарубежной живописи, широко представлены произведения уругвайских художников. Здесь с успехом функционируют десятки школ танго, танго-баров (тангерии), где местные знатоки аргументированно докажут любому новичку, что родиной этого популярного во всем мире танца является именно Уругвай.

Животворным источником «мягкой силы» Уругвая является вклад его представителей в латиноамериканские и мировые достижения в области культуры, литературы, искусства и спорта. При этом уругвайская «мягкая магия» обладает ярким фольклорным колоритом, способным не только притягивать людей (через уникальную природу, живописные архитектурные произведения), но и вызывать у них бурю эмоций и страстей (футбол, танго). Мировая просвещенная публика в общих чертах осведомлена о творчестве наиболее известных уругвайских авторов — Марио Бенедетти* (журналиста, поэта, писателя и драматурга, лауреата множества литературных премий), Хуана Карлоса Онетти (романиста и автора рассказов), Орасио Кироги (мастера короткого рассказа), Эдуардо Галеано (журналиста и писателя), а также поэтессы Хуаны де Ибарбуру (известной как Хуана де Америка и четырежды номинировавшейся на Нобелевскую премию по литературе). В этом же ряду — талантливые скульпторы Хосе Беллони (ученик Огюста Родена) и Хосе Соррилья де Сан-Мартин (его работы выполнены в стиле эстетического барокко, соединенного с современной скульптурой), живописец Педро Фигари (постимпрессионист итальянской школы).

«Пиком» воздействия уругвайцев на массовую культуру XX в. считается их деятельное участие в развитии зародившегося в Буэнос-Айресе песенного и танцевального жанра танго. Автором одной из двух наиболее популярных в мире мелодий этого направления — «Кумпарситы» — стал в 1917 г. уругваец Херардо Матос Родригес. Кроме того, Уругвай «на полном серьезе» оспаривает у аргентинцев, а заодно и у марсельцев, честь считаться родиной самого известного исполнителя и популяризатора танго — Карлоса Гарделя. Желая дать чему-либо высочайшую оценку, уругвайцы (как они делают это, слушая граммофонные записи Гарделя 20—30-х годов) обычно говорят: *¡Cada día canta mejor!* («С каждым днем поет все лучше!»). Характерными для региона Ла-Платы являются культивируемые здесь песенные конкурсы — пайады (разновидность «состязания-пререкания» двух гитаристов, исполняющих создаваемые «на ходу» частушки), а чисто уругвайским музыкальным ритмом — кандомбе (вариант бразиль-

* М.Бенедетти начал рано писать, еще мальчиком сочинил приключенческую повесть. Широкую известность ему принес роман «Передышка», напечатанный в 1960 г. Большую популярность имели его романы «Спасибо за огонек» и «Весна с отколотым углом», переведенные более чем на 20 языков, в том числе на русский, и не раз издававшиеся в нашей стране.

ской самбы с более настойчивым, чем в оригинале, участием разнокалиберных барабанов).

Отдельного внимания заслуживает международное измерение спортивной, а точнее футбольной составляющей «мягкой силы» Уругвая. Футбол является общенациональным достоянием, признанным культом и философией среди местных жителей. Показательно, что в уругвайских семьях на первый год рождения мальчику обязательно дарят футбольный мяч. Национальная сборная достигла впечатляющих успехов на мировой арене, вполне сопоставимых с достижениями более мощных в демографическом и экономическом плане латиноамериканских «грандов» — Аргентины и Бразилии. Уругвай дважды завоевывал титул чемпиона мира по футболу — в 1930 и 1950 гг. Учитывая, что до 1930 г. мировые чемпионаты не проводились, а футбольный турнир проходил в рамках олимпийских игр, уругвайцы считают, что они вправе называть себя четырехкратными чемпионами, так как получали золотые медали по футболу на олимпиадах в 1924 и 1928 гг. В 2011 г. сборная Уругвая стала рекордсменом Кубка Америки* по числу завоеванных титулов — 15 (у Аргентины — 14, у Бразилии — 9). Самыми авторитетными и результативными являются столичные *Club Nacional de Football* и *Club Atlético Peñarol*, завоевывавшие титул национального чемпиона страны соответственно 47 и 45 раз. В последние годы происходит отток уругвайских футбольных кадров: наиболее талантливые спортсмены становятся легионерами ведущих западноевропейских команд. Самым известным футболистом Уругвая всех времен считается нападающий, крайний полузащитник Хуан Альберто Скьяффино [39], выступавший за уругвайский *Peñarol* (1943—1954 гг.), а также за итальянские *Associazione Calcio Milan* (1954—1960 гг.) и *Associazione Sportiva Roma* (1960—1962 гг.). Х.А.Скьяффино был обладателем титулов чемпиона мира (1950 г.), полуфиналиста чемпионата мира (1954 г.), шестикратного чемпиона Уругвая и трехкратного чемпиона Италии. В настоящее время в число сильнейших нападающих мира входит уругваец Луис Суарес, выступающий за испанский *Club Atlético de Madrid* и являющийся лучшим бомбардиром в истории сборной Уругвая. Больших достижений на мировой футбольной арене добился и другой уругвайский нападающий Эдинсон Кавани, представляющий английский *Manchester United Football Club*.

Еще одной составляющей «мягкой силы» Уругвая вполне можно считать вклад ее жителей в мировые гастрономические достижения. В первую очередь речь идет о высококачественной уругвайской говядине, по экспорту которой страна занимает одно из первых мест в мире. Так, в «коронавирусный» 2020 г. Уругвай поставил этой продукции за рубеж почти на 1,6 млрд долл. (что на 11 % меньше, чем в «допандемийном» году) [40]. При этом страна в расчете на одного жителя занимает первое место в мире по экспорту говядины и второе (после Новой Зеландии) — по поставкам

* Кубок Америки (*Copa América*) — футбольный турнир, проводимый под эгидой Южноамериканской конфедерации футбола среди национальных сборных американских стран. Первый признанный розыгрыш чемпионата прошел в 1916 г., что делает его старейшим из существующих международных континентальных футбольных турниров.

всех видов мяса за рубеж [41]. Однако главной особенностью уругвайской говядины являются не столько объемы производства, сколько ее качество, благодаря которому она становится все более узнаваемым транснациональным брендом. Примечательно, что с 1962 г. в Уругвае запрещено применение гормонов, а животные белки в кормах запретили в 1996 г. В 2003 г. был принят закон, согласно которому введена единая и обязательная для всех участников рынка электронная система сбора данных, позволяющая бесперебойно отслеживать происхождение уругвайской говядины от конкретного бычка до стейка. Несмотря на действующую многоступенчатую систему контроля за соблюдением строгих запретов на применение антибиотиков и стимуляторов роста, уже сами условия содержания животных (травяной откорм, свободный выпас и отсутствие комбикормов в рационе) в значительной мере способствуют выполнению этих требований [42].

Уругвай славится своими сухими винами, стремительно набирающими популярность в мире среди ценителей этого напитка. Согласно статистическим данным, на сегодняшний день страна занимает почетное четвертое место по поставкам вина среди латиноамериканских государств [43]. Особой популярностью пользуется получаемое из уникальных сортов винограда красное вино *Tannat*, которое производится только в двух местах на планете — в Уругвае и во Франции (при этом именно уругвайский «подвид» демонстрирует лучшие качества). Высоко ценятся среди знатоков белые сорта уругвайского вина. О винах из Уругвая эксперты говорят как о продуктах с ярко выраженным национальным характером, благодаря чему подобные «произведения» пользуются популярностью у поклонников особенного, неординарного алкоголя. При этом считается, что у уругвайских вин оптимальное соотношение цены и качества.

Широко распространенный в Уругвае обычай повсеместно употреблять тонизирующий напиток матэ (на базе листа кустарника так называемого парагвайского чая) оказывает влияние не только на зарубежных гостей, но и получает распространение в других странах. На полках магазинов стран Европы нередко можно увидеть упаковки чая матэ. Практика употребления матэ широко распространена также в Аргентине и сельскохозяйственном штате Бразилии — Риу-Гранди-ду-Сул, но только уругвайцы довели эту привычку до преувеличенных форм: здесь матэ пьют большими порциями, весьма часто и нередко даже вне дома, передвигаясь по улицам с сосудом для матэ и термосом с кипятком. Вообще термин *matear* («употреблять матэ») является синонимом понятия запросто обсудить тот или иной вопрос, а отказ от приглашения отведать этот напиток из посуды знакомого (через трубочку) равносителен проявлению неуважения или пренебрежения к партнеру. Это увлечение издавна перенято у индейцев наиболее экзотическими персонажами уругвайской провинции — пастухами гаучо, ставшими символом здешних, а также аргентинских и бразильских (гаушу) степных скотоводческих районов. Вера в легендарное благородство, порядочность и отвагу гаучо — еще одна местная традиция, так что выражение *¡Hácelme una gauchada!* («Сделай одолжение, окажи услугу») и принятое среди них обращение *che* («эй») прочно вошли в бытовой словарь уругвайцев.

Устойчивость страны к внешним вызовам, способность преодолевать неблагоприятное воздействие извне укрепляют совокупный потенциал ее

«мягкой силы». В данном контексте показательно то, что Уругвай в целом довольно успешно справляется с кризисной ситуацией, вызванной пандемией *COVID-19*. Благодаря выверенным и взвешенным ограничительным мерам, принятым правительством, положение дел в этой сфере не выходило из-под контроля; удалось не допустить введения локдауна, национальная система здравоохранения справилась с «коронавирусной нагрузкой», а количество летальных исходов оказалось меньше, чем в соседних странах. Оперативная закупка администрацией Луиса Альберто Лакалье Поу за рубежом антиковидных препаратов позволила в марте 2021 г. приступить к массовой иммунизации населения*. К середине июня 2021 г. было привито 60% жителей страны, из них обеими дозами вакцины — больше половины, а к концу текущего года планируется достичь популяционного иммунитета.

Отличительной особенностью «мягкой силы» Уругвая также является проводимая местными властями политика по продвижению прав и социальной интеграции представителей ЛГБТ-сообщества. В стране действует законодательство, защищающее интересы сексуальных меньшинств. Так, однополые отношения здесь были декриминализованы в 1934 г., соответствующие антидискриминационные законы действуют с 2004 г., а гражданские союзы для однополых пар были разрешены в 2008 г. В 2013 г. Уругвай легализовал однополые браки, став двенадцатой страной в мире и второй (после Аргентины) в Латинской Америке, предоставившей однополым супругам все права, имеющиеся у разнополых пар [44]. Кроме того, с 2009 г. однополым супружеским парам разрешено совместно усыновлять детей, а геи, лесбиянки и бисексуалы могут открыто служить в армии. В 2016 г. в Уругвае прошла первая международная конференция по правам ЛГБТ в регионе [45]. В 2019 г. немецкое издание *Der Spiegel* назвало Уругвай самой дружественной к ЛГБТ-туристам страной в Латинской Америке [44]. С другой стороны, подобная лояльность может не восприниматься и не поддерживаться в странах с преобладающей ориентацией на традиционные семейные и морально-нравственные ценности, что придает этой составляющей уругвайской «мягкой силы» неоднозначный характер.

В целом, несмотря на всю привлекательность «мягкой силы» Уругвая, она имеет некоторые «ограничители» и уязвимые стороны, которые связаны с рядом объективных и субъективных факторов. К негативным проявлениям уругвайской «мягкой силы» можно отнести либеральную наркополитику местных властей. Уругвай стал первой страной в мире, полностью легализовавшей марихуану. С 2013 г., после одобрения Генеральной Ассамблеей, действует закон, согласно которому уругвайские граждане старше 18 лет могут приобретать каннабис в аптеках (до 40 г в месяц) и выращивать его для собственного употребления (до шести кустов в год). Допускается также создание специальных клубов, членам которых разрешено заниматься культивированием марихуаны для рекреативных целей (до 99 кустов в год). Согласно статистическим данным, за последний год в стране

* Правительство Уругвая заключило контракты на поставку вакцин от коронавируса с американо-германским консорциумом *Pfizer/BioNTech* (3 млн доз), китайской компанией *Sinovac* (3,3 млн доз) и англо-шведской *AztraZeneca* (200 тыс. доз). Ведутся переговоры с другими производителями о закупке дополнительных партий антиковидных препаратов.

на 14% (с 53,4 тыс. до 60,8 тыс.) увеличилось количество лиц, данные которых включены в специальный госреестр «легальных потребителей» этого продукта. Власти рассматривают возможность разрешить иностранцам использовать каннабис через сеть легальных специализированных аптек. За поддержку и введение в действие этого закона президент Уругвая Хосе Мухика (2010—2015 гг.) был номинирован на Нобелевскую премию мира. По его словам, данная инициатива была направлена на лишение наркоторговцев доходов и сокращение потребления «тяжелых» наркотиков. В декабре 2013 г. журнал *The Economist* назвал Уругвай страной года. В качестве одного из аргументов в пользу такого решения журналисты приводят, в частности, закон о легализации марихуаны [46]. С другой стороны, такая нарколиберальная политика идет вразрез с общепринятыми международными нормами в этой сфере, противоречит многосторонним антинаркотическим конвенциям. За это официальный Монтевидео неоднократно подвергался критике на различных международных «площадках», прежде всего в ООН.

В этом же спорном ключе следует рассматривать весьма трепетные, а порой гипертрофированные проявления «мягкой силы» Уругвая в правозащитной сфере. В данном контексте уместно привести выдержку из Концепции внешней политики Российской Федерации: «...усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [47]. В качестве негативных для российских интересов примеров можно привести голосование уругвайских представителей в поддержку антибелорусских резолюций ЕС в СПЧ ООН, грузинских инициатив по беженцам и перемещенным лицам в Абхазии и Южной Осетии, западных резолюций по правам человека в Сирии.

Сужают поле уругвайского «мягкого воздействия» и чрезмерный прагматизм и рационализм во внешней политике. Заявленная нынешней правозащитной администрацией активизация «экономической дипломатии» приводит к некоторой «коммерциализации» внешних связей в целях получения от них ощутимой практической отдачи. В рамках этой линии официальный Монтевидео в 2020—2021 гг. принял решение о закрытии в ряде стран «нерентабельных» посольств (Никарагуа, Ангола, Польша) и генеральных консульств (несколько городов Бразилии и США). Формальным предлогом для этого шага послужили низкие показатели торговли и документооборота (в том числе консульских действий) с этими странами [48]. Примечательно и то, что перед отъездом вновь назначаемых послов Уругвая к месту работы с ними проводит «коммерческий инструктаж», кроме главы МИД, руководитель министерства сельского хозяйства и животноводства в целях продвижения на зарубежные рынки национального экспорта, в первую очередь продукции агроиндустрии.

К уязвимым сторонам «мягкой силы» Уругвая можно отнести наблюдающееся в последнее время некоторое отставание в плане обеспечения

гендерного равенства и прав женщин. Согласно исследованию Всемирного экономического форума (*World Economic Forum*), в 2021 г. Уругвай опустился в рейтинге стран по равноправию полов с 37-го на 85-е место. В отличие от прежнего левоцентристского правительства *Frente Amplio* при нынешней администрации Л.Лакалье Поу значительно сократилось число женщин во властных структурах. Так, в 2019 г. (при правлении *Frente Amplio*) 42,9% министерских постов занимали представительницы «слабого пола», а в 2020 г. этот показатель составил лишь 14,3% [49].

Неблагоприятное воздействие на «мягкую» уругвайскую привлекательность оказывает высокая стоимость жизни в стране. В этом «антирейтинге» Уругвай занимает одну из лидирующих позиций среди государств Латинской Америки. Согласно исследованию *Mercer*, Монтевидео располагается на четвертом месте среди наиболее дорогих городов региона [50].

Еще одной неоднозначной особенностью Уругвая, проецирующейся на его «мягкую силу», является светский характер государства. В отличие от большинства других латиноамериканских стран, где роль католицизма в общественной жизни весьма велика, здесь влияние церкви на внутреннюю и, тем более, на внешнюю политику, минимально. Важным фактором, определяющим деятельность конфессий в Уругвае, является исторически присущий ему радикальный секуляризм. В этой стране, основанной масонами, религия вытеснена из общественной сферы в область личной жизни граждан. Показательно, в частности, что общепринятые церковные праздники в Уругвае не имеют религиозного оттенка и, по сути, трансформировались в своего рода «светские каникулы» (например, католическую пасхальную неделю здесь называют «туристической»). Любое личностно окрашенное упоминание религиозных мотивов в повседневной жизни, даже выражение типа «Слава Богу», здесь не принято, а для публичного политика или государственного деятеля сказать такое считается абсолютно недопустимым.

В Латинской Америке формируются две базисные модели «мягкой силы», к которым можно отнести, пусть и с некоторыми оговорками, большинство государств региона. Первая из них — «бразильская» (прагматическая, «традиционалистская») модель. К ней тяготеют Уругвай и другие страны Южной (Чили, Аргентина, Колумбия, Перу) и Центральной (Мексика, Панама, Коста-Рика, Гватемала, Гондурас) Америки. Вторая — боливарианская (левоориентированная, «революционная») модель «мягкой силы» во главе с Венесуэлой и Кубой, вокруг которых группируются страны — участницы *ALBA*. При всей условности подобного деления можно выявить некоторые общие признаки, инструменты и формы проявления «мягкой» дипломатии в каждой из этих двух групп государств. Главными отличиями между ними являются утилитарность, экономическая ориентированность, отсутствие идеологической базы и какого-либо, даже формального, объединения среди приверженцев первого варианта «мягкой силы» на фоне политизированности, антиимпериалистических и антиглобалистских подходов боливарианцев, объединенных в интеграционную группировку и нацеленных на строительство «социализма XXI века» [13].

Между тем можно говорить о постепенном формировании в Уругвае собственных самобытных форм и проявлений «мягкой» составляющей политики этой страны, которые заметно отличаются не только от западных

концептов «мягкой силы», но и от их латиноамериканских аналогов. Местные политические элиты еще не в полной мере осознали национальный «мягкий» потенциал и действуют, скорее, в импровизационном, спонтанном режиме. Данная дефиниция пока не имеет четко сформулированной здешней интерпретации, хотя отдельные инструменты «мягкой» дипломатии все активнее используются (зачастую спорадически, интуитивно) руководством страны при ее внешнем позиционировании.

Как бы там ни было, «мягкая сила» Уругвая постепенно пробивает себе дорогу, становится существенным фактором обеспечения интересов и позиций страны в латиноамериканском регионе и мире, и ее роль во внешней политике Монтевидео будет неуклонно возрастать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, PublicAffairs, 2004, 208 p.
2. МИД России. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2016 г. [MID Rossii. Kontsepsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Concept of Foreign Policy of Russian Federation]. Russian Foreign Ministry. 2016]. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (accessed 07.06.2020) (In Russ.).
3. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. – *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. М., 2020, т.11. № 5(91), [Jeifets V.L., Jeifets L.S. «Pravyy povorot» v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremenost'] "Right turn" in Latin America: History and Contemporaneity]. *Electronic Scientific and Educational Journal "Istoriya"*, Moscow, 2020, Vol. 11. N 5(91). Available at: <http://arxiv.gau.ru> (accessed 07.01.2021). (In Russ.). (DOI 10.18254/S207987840010177-3).
4. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый шторм для «левого поворота». *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. М., т.15, № 4, 2015, сс.45-55. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Pravyi shtorm dlya «levogo povorota» [The Right-Wing storm for the "Left turn"]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*. Moscow, t.15, N 4, 2015, pp.45-55 (In Russ.).
5. Сударев В.П. Вашингтон в поиске новых подходов к Латинской Америке. *Международная жизнь*. М., № 3, 2016, сс.47-56 [Sudarev V.P. Vashington v poiske novykh podkhodov k Latinskoi Amerike] Washington is searching new approaches to Latin America]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, Moscow, N 3, 2016, pp. 47-56 (In Russ.).
6. Дабагян Э.С. Уругвай: реализуя левоцентристский проект. *Свободная мысль*, М., 2010, № 9, сс.103-118 [Dabagian E.S. Urugvaj: realizuja levocentristskij proekt [Uruguay: realizing left-movement project]. *Svobodnaja mysl'*, Moscow, 2010, N 9, pp.103–118 (In Russ.).
7. Андреев А.С. Уругвай в современных международных отношениях. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. М., т.15, № 4, 2015, сс.85-91 [Andreev A.S. Urugvai v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Uruguay in contemporary international relationship]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*, Moscow, t.15, N 4, 2015, pp. 85-91 (In Russ.).
8. Андреев А.С. Уругвай в межамериканских и региональных отношениях в контексте многополярного мира. *Латинская Америка*. М., 2016, № 12, сс.64-74 [Andreev A.S. Urugvai v mezhamerikanskikh i regional'nykh otnosheniyakh v kontekste mnogopolyarnogo mira [Uruguay in inter-American and regional relations in the context of a multipolar world]. *Latinskaja Amerika*, Moscow, 2016, N 12, pp.64-74 (In Russ.).
9. Hernández Nilson D., Burian C.L. Uruguay in the Pandemic amid the Return of the Right: Becoming an Enclave. Available at: <https://onlinelibrary.wi-ley.com/doi/10.1111/lamp.12197> (accessed 12.01.2021).

10. La Dirección Nacional de Impresiones y Publicaciones Oficiales. Constitución de la Republica Oriental del Uruguay, Capítulo I, Artículo II. Available at: [https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967_\(accessed 02.02.2021\)](https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967_(accessed 02.02.2021)).
11. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Oriental del Uruguay. Plan Estratégico. Bases para la política exterior 2020-2025. Available at: [https://www.gub.uy/ministerio-relaciones-exteriores/institucional/plan-estrategico/bases-para-politica-exterior-republica-oriental-del-uruguay_\(accessed 02.02.2021\)](https://www.gub.uy/ministerio-relaciones-exteriores/institucional/plan-estrategico/bases-para-politica-exterior-republica-oriental-del-uruguay_(accessed 02.02.2021)).
12. Боков И.А. Мягкая сила Уругвая. *Дискурс-Пи*. т.13, №2, 2016, сс.70-76 [Bokov I.S. Myagkaya sila Urugvaia [Soft power of Uruguay]. *Diskurs-Pi*, t.13, N 2, 2016, pp. 70-76.
13. Будаев А.В. Базовые модели «мягкой силы» в Латинской Америке. *Латинская Америка*. М., 2018, № 4, сс. 5-12. [Budaev A.V. Bazovye modeli «myagkoi sily» v Latinskoj Amerike] [Andrey Budaev. Basic Models of «Soft Power» in Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 4, pp. 5-12 (In Russ).
14. UN Peacekeeping. Troop and police contributions. Available at: [https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors \(accessed 02.04.2021\)](https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors (accessed 02.04.2021)).
15. United Nations Development Programme. Human Development Report 2020. Available at: [http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian.pdf\(accessed 02.04.2021\)](http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian.pdf(accessed 02.04.2021)).
16. Mercer. Quality of living city ranking 2019. Available at: [https://mobilityexchange.mercer.com/Insights/quality-of-living-rankings#fulltable \(accessed 02.04.2021\)](https://mobilityexchange.mercer.com/Insights/quality-of-living-rankings#fulltable (accessed 02.04.2021)).
17. World Health Organization (WHO). Healthy Life Expectancy Index. Available at: [https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index \(accessed 02.04.2021\)](https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index (accessed 02.04.2021)).
18. Transparency International. Corruption Receptions Index. Available at: [https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl \(accessed 06.04.2021\)](https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl (accessed 06.04.2021)).
19. Freedom House. Freedom in the World 2020. Available at: [https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy \(accessed 04.05.2021\)](https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy (accessed 04.05.2021)).
20. Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2020. Available at: [https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/\(accessed 06.03.2021\)](https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/(accessed 06.03.2021)).
21. Cato Institute. Human Freedom Index 2020. Available at: [https://gtmarket.ru/ratings/human-freedom-index \(accessed 06.06.2021\)](https://gtmarket.ru/ratings/human-freedom-index (accessed 06.06.2021)).
22. Reporters Without Borders. World Press Freedom Index 2021. Available at: [https://rsf.org/en/ranking \(accessed 06.04.2021\)](https://rsf.org/en/ranking (accessed 06.04.2021)).
23. The Institute for Economics & Peace (IEP). Global Peace Index 2020. Available at: [https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf \(accessed 06.03.2021\)](https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf (accessed 06.03.2021)).
24. The World Bank Group. Gross National Income per Capita 2020. Available at: [https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking \(accessed 06.02.2021\)](https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking (accessed 06.02.2021)).
25. Wikipedia. Уругвай. [Urugvai [Uruguay]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Уругвай \(accessed 02.02.2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Уругвай (accessed 02.02.2021)).
26. The World Bank Group. Foreign Direct Investment 2019. Available at: [https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index \(accessed 06.03.2021\)](https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index (accessed 06.03.2021)).
27. The Heritage Foundation. Index of Economic Freedom 2021. Available at: [https://www.heritage.org/index/ranking \(accessed 05.05.2021\)](https://www.heritage.org/index/ranking (accessed 05.05.2021)).
28. Montevideo Portal. Economía uruguaya cayó 5,9% en 2020; hubo señales de reactivación en el último trimestre. Available at: [https://www.montevideo.com.uy/Noticias/Economia-uruguaya-cayo-5-9-en-2020-hubo-senales-de-reactivacion-en-el-ultimo-trimestre-uc781675#:~:text=El%20Banco%20Central%20del%20Uruguay,9%25%20durante%20el%20año%202020.&text=Se%20trata%20de%20la%20primer,se%20contrajo%207%2C7%25 \(accessed 07.04.2021\)](https://www.montevideo.com.uy/Noticias/Economia-uruguaya-cayo-5-9-en-2020-hubo-senales-de-reactivacion-en-el-ultimo-trimestre-uc781675#:~:text=El%20Banco%20Central%20del%20Uruguay,9%25%20durante%20el%20año%202020.&text=Se%20trata%20de%20la%20primer,se%20contrajo%207%2C7%25 (accessed 07.04.2021)).
29. El País. El FMI elevó su proyección de crecimiento para la economía mundial, ¿qué prevé para Uruguay? Available at: [https://negocios.elpais.com.uy/noticias/fmi-elevo-proyeccion-crecimiento-economia-mundial-preve-uruguay.html \(accessed 04.05.2021\)](https://negocios.elpais.com.uy/noticias/fmi-elevo-proyeccion-crecimiento-economia-mundial-preve-uruguay.html (accessed 04.05.2021)).

30. El Observador. Uruguay mantuvo el grado inversor con calificadora que lo tiene en escalón mínimo. Available at: <https://www.elobservador.com.uy/nota/uruguay-mantuvo-el-grado-inversor-con-calificadora-que-lo-tiene-en-escalon-minimo-2020108183848> (accessed 06.03.2021).
31. Subrayado. Standard & Poor's mantiene grado inversor de Uruguay con nota BBB. Available at: <https://www.subrayado.com.uy/standard-poors-mantiene-grado-inversor-uruguay-nota-bbb-n741464> (accessed 06.04.2021).
32. El País. Aeropuerto de Carrasco es el mejor de Sudamérica según viajeros. Available at: <https://negocios.elpais.com.uy/empresas/aeropuerto-carrasco-mejor-sudamerica-viajeros.html> (accessed 02.04.2021).
33. International Telecommunication Union. Development Index 2017. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index> (accessed 07.04.2021).
34. Statista. Tasa de penetración de redes sociales en América Latina y Caribe por país en enero de 2021. Available at: <https://es.statista.com/estadisticas/1073796/alcance-redes-sociales-america-latina/> (accessed 06.03.2021).
35. Telesemana.com. Uruguay: penetración de telefonía móvil. Available at: <https://www.telesemana.com/panorama-de-mercado/uruguay/> (accessed 10.04.2021).
36. The United Nations. E-Government Development Index 2020. Available at: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed 06.02.2021).
37. Ministerio de Turismo. En 2019 ingresaron a Uruguay 3.220.602 turistas y más de U\$S 1.753 millones en divisas. Available at: <https://www.gub.uy/ministerio-turismo/comunicacion/noticias/2019-ingresaron-uruguay-3220602-turistas-us-1753-millones-divisas> (accessed 06.01.2021).
38. Wikipedia. Juan Alberto Schiaffino. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Juan_Alberto_Schiaffino (accessed 06.02.2021).
39. La “esperable” caída de las exportaciones en 2020: ¿qué esperan los analistas para este año? *El País*. 05.01.21. Available at: https://negocios.elpais.com.uy/noticias/esperable-caida-exportaciones-esperan-analistasano.html?_cf_chljschl_tk__=pmd_c19b46e8773d457d6aa24447fab3166caf889632-1626953600-0-gqNtZGzNAmKjcnBszQii (accessed 03.03.2021).
40. Uruguay el mejor del mundo, gracias a la carne. *El Observador*. 01.12.20. Available at: <https://www.elobservador.com.uy/nota/uruguay-el-mejor-del-mundo-gracias-a-la-carne-2020121101318> (accessed 03.03.2021).
41. Байер Е. Уругвай – страна стейков. *Аграрное обозрение*. 2014, №2. [E.Baier. Urugvai – strana steikov [Uruguay is a land of steaks]. *Agrarnoe obozrenie*. 2014, № 2. Available at: [http://agroobzor.ru/zar/a-153.html#:~:text=Уругвай%20-%20страна%20стейков.%20Трудно,и%20Аргентина%20\(164%20 тыс.%20тонн\)](http://agroobzor.ru/zar/a-153.html#:~:text=Уругвай%20-%20страна%20стейков.%20Трудно,и%20Аргентина%20(164%20 тыс.%20тонн)) (accessed 03.03.2021).
42. Уругвайское вино. [Urugvaiskoe vino [Uruguayan wine]. Available at: <https://www.alcoplaza.ru/Uruguayan-wine> (accessed 06.03.2021).
43. Matrimonio igualitario: las parejas homosexuales podrán casarse a partir del 5 de agosto. *El Diario*. 29.07.13. Available at: <http://eldiario.com.uy/2013/07/29/las-parejas-homosexuales-podran-casarse-a-partir-del-5-de-agosto/> (accessed 06.03.2021).
44. Wikipedia. LGBT rights in Uruguay. Available at: https://ru.qaz.wiki/wiki/LGBT_rights_in_Uruguay (accessed 06.04.2021).
45. Cámara de Comercio y Negocios LGBT de Uruguay. Ranking de países aptos para el turismo LGBT en el mundo. Available at: <http://www.camargbturuguay.com> (accessed 02.04.2021).
46. Президент Уругвая подписал закон о легализации марихуаны. *Lenta.ru*. 25.12.13. [Prezident Urugvaja podpisal zakon o legalizacii marihuany [Uruguayan President Signs Marijuana Legalization Law]. *Lenta.ru*. 25.12.13. Available at: <https://lenta.ru/news/2013/12/25/uruguai/> (accessed 07.03.2021). (In Russ.).
47. МИД России. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013 г. [MID Rossii. Kontseptsiya vnesheinei politiki Rossiiskoi Federatsii [Concept of Foreign Policy of Russian Federation].

Андрей Будаев

Russian Foreign Ministry. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 (accessed 07.03.2021). (In Russ.).

48. Uruguay reestructura su servicio exterior mientras espera un “tsunami económico mundial”. *La Mañana*. 19.02.21. Available at: <https://www.xn--lamaana-7za.uy/politica/uruguay-reestructura-su-servicio-exterior-mientras-espera-un-tsunami-economico-mundial/> (accessed 05.04.21).

49. ¿Por qué Uruguay fue el país del mundo que más cayó en un índice de brecha de género? *El País*. 28.04.21. Available at: <https://negocios.elpais.com.uy/noticias/uruguay-pais-mundo-cayo-indice-brecha-genero.html> (accessed 07.05.2021).

50. Cost of Living Ranking 2020. *Mercer*. Available at: <https://www.mercer.com/content/dam/mercer/assets/content-images/global/gl-2020-col-infographic--top5-by-region-map-300dpi-mercer.jpg> (accessed 07.06.2021).

Andrey V.Budaev (emburuguay@mid.ru)

Candidate of political sciences, Russian Ambassador to Uruguay, Observer to the Committee of Representatives of the Latin American Integration Association

The Oriental Republic of Uruguay: great “soft power” of a small country

Abstract. The article addresses the origins, characteristics and main manifestations of the Uruguayan “soft power” that tends to be tilted towards its traditionalist, classical model in the Latin American region. The appealing inherent features of this South American country, such as favorable geography and climate, national traditions and folklore, are harmoniously complemented by active and balanced foreign policy, universally recognized progress in the development of democracy and civil freedoms, economy, social peace, as well as achievements in culture, education and sports. The author concludes that the “soft power” of Uruguay is at the stage of its formation and reflection by local elites attempting to give it a touch of national identity – somewhat different from western concepts and their “advanced alternatives” in some developing countries – which increases capabilities and capacities of traditional diplomacy coupled with modern information and communication technologies.

Key words: Uruguay, appeal, advantages, diplomacy, migration, tolerance, tourism, culture.

DOI: 10.31857/S0044748X0016130-2

Received 17.05.2021.

А.С.Андреев

Австралия — Латинская Америка: возможности и вызовы сотрудничества в XXI в.

В первой четверти XXI в. произошло изменение системы международных отношений. На смену биполярной и однополярной системам пришла многополярность — сосуществование различных центров силы, обретение развивающимися странами и регионами своего места в мире. В этих условиях особое значение стали приобретать межрегиональные связи. Австралия и Латинская Америка находятся в поиске новых политических партнеров и рынков. В данной статье показана эволюция отношений между регионами за два последних десятилетия. На основе анализа документов органов государственной власти, статистики, документов некоммерческих организаций, экспертных оценок рассматриваются новые механизмы сотрудничества и выявляются основные проблемы и вызовы взаимодействия двух регионов.

Ключевые слова: многополярный мир, внешняя политика, Австралия, Латинская Америка, Тихоокеанский альянс.

DOI: 10.31857/S0044748X0014776-2

Статья поступила в редакцию 25.02.2021.

Сложившаяся в последние годы система международных отношений по-разному оценивается экспертами. Как отмечает канадский политолог Пол Робинсон, несмотря на некоторые негативные тренды, в целом она сохраняет свою стабильность, а новые страны, стремящиеся заявить о себе на международной арене, не имеют серьезных проектов альтернативного порядка [1]. Это утверждение пока верно и для стран Латинской Америки, которые еще только обретают свою субъектность в глобальных процессах в рамках существующих институтов, механизмов и иерархии. С другой стороны, латиноамериканский регион стремится предложить собственные взгляды и подходы к решению мировых проблем и активно участвовать в

Антон Сергеевич Андреев — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <https://orcid.org/0000-0002-6635-4077>, anton.andreev89@gmail.com).

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы» (№19-014-00042).

выработке стратегических решений международными организациями [2]. Отметим также, что в последние годы — ввиду смены парадигмы внутриполитического развития и серьезного экономического кризиса — некоторые страны региона несколько утратили интерес к проведению независимой внешней политики и отчасти вернулись в орбиту влияния США.

Неизменным остается стремление государств Латинской Америки к развитию политического и экономического сотрудничества с новыми регионами, в том числе с Евразией, Африкой, Юго-Восточной Азией [3]. Особую роль во внешнеполитической стратегии латиноамериканских государств начинает играть тихоокеанский регион, на который постепенно переориентируются многие интеграционные объединения [4]. Интерес к Тихому океану как пространству диалога характерен и для Австралии, которая видит себя в качестве связующего звена между странами Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, взаимодействие которых в рамках существующих механизмов на сегодняшний день не имеет должного эффекта.

В российских публикациях, посвященных месту Латинской Америки в глобальных трендах [5], не уделяется должного внимания сотрудничеству с Австралией, несмотря на то, что объем товарооборота между регионами увеличивается каждый год [6], а бизнес-сообщества обоих континентов создают все новые механизмы взаимодействия [7]. Экономические связи латиноамериканских государств с Австралией нашли отражение на страницах отечественных научных журналов [8], однако неизученным остается вопрос эволюции форм и механизмов взаимодействия и развитие политического диалога.

Среди зарубежных исследований необходимо отметить изданную в 2014 г. коллективную работу австралийских авторов, посвященную всему спектру австралийско-латиноамериканских отношений [9]. Однако за прошедшие шесть лет политическая и социально-экономическая обстановка в Латинской Америке значительно изменилась: во многих странах региона к власти пришли правые силы, которые предложили свой взгляд на развитие отношений с Австралией, что также пока не нашло должного отражения в научных трудах.

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

История отношений стран Латинской Америки и Австралии в XX в. делится на несколько этапов [10]. Послевоенные темпы торгово-экономических отношений, достигшие пика в 1960-е годы, резко сократились с началом на латиноамериканском континенте эпохи военных диктатур и переворотов. В публикациях тех лет подчеркивалось сходство структуры национальной экономики Австралии и государств Латинской Америки, отмечались возможности как для наращивания австралийских инвестиций в латиноамериканском регионе, так и для увеличения латиноамериканского экспорта [11].

Среди латиноамериканских государств основными партнерами Австралии прежде всего были страны тихоокеанского региона: в 1960-е годы увеличивался товарооборот с Чили, Мексикой, Колумбией и Перу. В то же время одним из главных контрагентов Австралии в Латинской Америке стала Аргентина. Оба государства имели идентичные экономические показате-

ли, обладали схожим объемом ресурсов и, соответственно, равным набором возможностей для расширения двустороннего сотрудничества [12].

С 1973 г. резко сократился объем товарооборота Австралии с Чили (прежде всего из-за сентябрьского переворота в этой стране) и Уругваем, оставались напряженными отношения с Парагваем и Бразилией, где также установились военно-диктаторские режимы. Латиноамериканский регион оказался практически закрыт для австралийских капиталов и импорта, существовавшие связи были заморожены. Эксперты называют этот период «доброжелательным безразличием» [13], поскольку двусторонние контакты между регионами сводились лишь к проведению дипломатических миссиями официальных мероприятий, обмену нотами и письмами. По оценкам исследователей экономические последствия этой политики не преодолены до сих пор.

1980-е годы стали новым вызовом для латиноамериканских экономик. Долговой кризис, охвативший многие страны региона, сказался на отношениях с внерегиональными партнерами, в том числе и с Австралией. Термин «потерянное десятилетие», применяемый исследователями для описания экономического развития Латинской Америки в этот период, применим и для межрегиональных связей. В условиях кризиса были заморожены не только совместные проекты с традиционными партнерами (например, с США), но и с потенциальными так называемыми внеполушарными инвесторами и экспортерами [14].

С возвращением латиноамериканских стран к гражданским конституционным режимам в конце 1980-х годов отношения между регионом и Австралией обрели новое содержание. В 1986 г. по инициативе последней была создана Кернская группа (*Cairns Group*) — объединение стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции, в которую, в частности, вошли Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия и Уругвай. Работа в рамках группы позволила наладить международные контакты между аграриями, что создало возможности для расширения сотрудничества и позволило членам группы предлагать собственную позицию по нормативному регулированию мировой торговли сельхозпродукцией в переговорах с США и странами Европы [15].

В 1989 г. был создан Австралийско-латиноамериканский бизнес-совет (*Australia — Latin America Business Council, ALABC*). Инициаторами его формирования стали ведущие компании Австралии, заинтересованные в установлении прямых контактов с центральными банками и предприятиями латиноамериканских стран, лоббировании своих интересов в правительственных структурах, расширении торговых миссий и обмене бизнес-информацией с партнерами в Западном полушарии. Тем не менее 1990-е годы не стали временем прорыва в отношениях Австралии и отдельных стран Латинской Америки. Существенной особенностью оказалось то, что многосторонние контакты регионов были намного эффективнее и динамичнее, чем двусторонние связи Австралии с отдельными латиноамериканскими государствами. В докладе Комитета по внешним связям Сената Австралии 1996 г. о состоянии отношений с Латинской Америкой [16] отмечалось, что Канберра тесно сотрудничает с латиноамериканскими странами в рамках ООН и ее подразделений, Кернской группы, системы Договора об Антарктике, международных комиссий по контролю за вооружениями, ядерной энергетикой, но при этом имеет лишь пять действующих

посольств на территории латиноамериканского континента. В докладе делался вывод о том, что 1990-е годы были временем открытия латиноамериканский рынков, а значит, цель Австралии — выйти на них раньше, чем это сделают иные внерегиональные игроки.

В целом в 1960—1990 гг. отношения Австралии с Латинской Америкой развивались крайне неравномерно. С одной стороны, к концу XX в. регионы выработали механизмы и формы взаимодействия, подтвердили взаимный торгово-экономический интерес. С другой — кризисные явления в странах Латинской Америки, нестабильность ее рынков и валют, политические потрясения оставались негативным фактором развития сотрудничества, непреодолимым вызовом на пути развития двусторонних связей, требующим выработки новых подходов и решений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В XXI ВЕКЕ

В 2001 г. правительство Австралии создало Совет по австралийско-латиноамериканским отношениям (*Council on Australia Latin America Relations, COALAR*). В отличие от *ALABC* новая организация создавалась для развития всего спектра межрегионального сотрудничества, охватывая не только бизнес-партнерство, но также вопросы туризма, образования, культуры, устойчивого развития. С момента своего создания *COALAR* разрабатывает трехлетний перспективный план расширения взаимодействия, в подготовке которого участвуют как государственные структуры (министерство иностранных дел и торговли, парламентские комитеты и комиссии), но и некоммерческие организации, формирующие открытые грантовые программы. Существенными достижениями деятельности совета являются риск-менеджмент, полноценный анализ вызовов и возможностей, выработка единой программы действий, включающей в себя государственные и частные интересы.

Создание *COALAR* стало следствием изменения восприятия Латинской Америки со стороны Канберры. Австралийские эксперты подчеркивают, что в последнее десятилетие латиноамериканский регион приобрел политическую и экономическую стабильность, значительно повысил инвестиционную привлекательность и увеличил темпы экономического роста. По данным *ALABC* не менее 140 австралийских организаций и примерно 800 частных предпринимателей имеют коммерческие интересы в Латинской Америке.

В 2000-е годы правительство Австралии начало работу по заключению договоров о зонах свободной торговли с латиноамериканскими государствами и региональными структурами. Первым шагом стало подписание в 2008 г. соглашения с Чили [17], что позволило расширить торгово-экономические связи и привлечь дополнительные инвестиции. Но заключение соглашения не смогло изменить оценку торгового баланса: он по-прежнему остался отрицательным для Австралии. При этом объем австралийского экспорта увеличился в полтора раза со 172 млн долл. в 2009 г. до 242 млн долл. в 2018 г.*. В то же время были начаты двусторонние переговоры с Мексикой и Перу.

* Здесь и далее данные о товарообороте даны по статистике *Comtrade United Nations* на апрель 2021 г. Данные за 2020 г. в базе не представлены. Available at: un.comtrade.org (accessed 10.04.2021).

Очередным шагом на пути развития экономического партнерства регионов стало создание в 2011 г. Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*), объединившего динамичные экономики стран Латинской Америки. Подписав в 2013–2015 гг. соглашения о зонах свободной торговли с крупнейшими государствами Юго-Восточной Азии, с 2015 г. Австралия начала переговоры о заключении аналогичного соглашения с AP, которое бы открыло латиноамериканские рынки для австралийских производителей, а также позволило преодолеть ограничения для австралийских поставщиков услуг (квоты на иностранных работников, уровень иностранных инвестиций и т.п.) и снизить таможенные тарифы [18]. Целью переговоров является преодоление обязательств, связанных с участием стран Латинской Америки в иных экономических блоках и союзах. В частности, вступление в силу соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) в 1994 г. резко изменило структуру экономических связей Австралии с Мексикой. С той же целью — сохранения своей доли на южноамериканских рынках — Австралия и Новая Зеландия инициировали переговоры с Общим рынком Южного конуса (*Mercado Común del Cono Sur, Mercosur*), что нашло поддержку в государствах субрегиона.

Создание Транстихоокеанского партнерства (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) в 2016 г. не стало решением проблем развития отношений Австралии с Латинской Америкой. На 2020 г. членами партнерства являются лишь три страны региона — Чили, Перу и Мексика, с которыми у Австралии давно выстроено эффективное двустороннее сотрудничество. Формат *TPP* не принес дополнительных дивидендов Канберре, вынуждая австралийскую сторону возобновлять существующие договоренности и проекты.

Необходимо отметить, что страны Латинской Америки также выражают заинтересованность в развитии экономических связей с Австралией. В случае Чили особое внимание следует уделить двусторонним экономическим форумам, в которых принимают участие как ведущие бизнесмены, так и лидеры государства. В ходе I форума (декабрь 2014 г.) президент Чили Мишель Бачелет (2006—2010; 2014—2018 гг.) подчеркнула важность Австралии для чилийской экономики, особо отметив растущий объем товарооборота и необходимость реформирования нормативной и институциональной базы для увеличения инвестиционной привлекательности страны для австралийских предпринимателей [19]. Схожие оценки перспектив двусторонних отношений были даны во время визита губернатора Австралии Питера Косгроува в Сантьяго-де-Чили в августе 2016 г. [20].

Важность всестороннего сотрудничества с Австралией неоднократно подчеркивал президент Перу Педро Пабло Кучински (2016—2018 гг.). В ходе его переговоров с премьер-министром Австралии Малкольмом Тернбуллом в 2016 г. обсуждались опыт австралийского правительства по решению проблемы питьевой пресной воды, механизмы преодоления влияния США на становление политических и экономических отношений в тихоокеанском регионе и стратегия развития двусторонних торговых отношений в случае стагнации проекта *TPP* [21]. Значение экономических связей с Канберрой для Перу отмечал и действующий президент страны Мартин Вискаarra (2018 — н/в), полагающий, что основами сотрудничества должны стать развитие механизмов *AP* и большая интеграция Австралии и

Новой Зеландии в деятельность альянса [22]. При этом в 2018 г. Перу стала второй страной Латинской Америки, подписавшей с Австралией соглашение о свободной торговле, переговоры о котором велись несколько лет. Сейчас рано говорить о последствиях этого шага, однако стоит отметить, что за последние пять лет общий объем товарооборота между странами вырос в 1,8 раз. Как и в случае с Чили, Австралия имеет отрицательный торговый баланс с Перу: общая стоимость импорта в шесть раз больше стоимости экспорта.

Аналогичная ситуация складывается и в отношениях с Мексикой: в 2018 г. при объеме импорта в 2,4 млрд долл. Австралия поставила товаров в Мехико всего на 190 млн долл. Представляется, что в этих условиях именно Канберра заинтересована в более эффективной работе на латиноамериканских рынках, нежели латиноамериканские игроки — в расширении своего присутствия в Австралии. В 2015 г. в Канберре была создана специальная парламентская комиссия по анализу сотрудничества с Мексикой. Итогом ее работы стал ряд предложений, в том числе экономических, для правительства страны: регулирование структуры мексиканского импорта и снижение доли в нем сельскохозяйственной продукции с повышением приоритета трансфера технологий, установление прямого авиасообщения между Австралией и Мексикой, совместная работа в сфере стандартизации и сертификации товаров [23]. Официальный Мехико также неоднократно подчеркивал стратегическое значение экономических связей с Австралией [24], делая особый акцент на диалог в рамках новых форматов, в частности, проекта *MIKTA* (*Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, Australia*), созданного в 2013 г. Важность этого неформального объединения признается и правительством Австралии, которое отмечает схожие экономические показатели стран-участниц и видит существенные возможности формата для выработки и защиты единой позиции крупнейших развивающихся стран перед ведущими игроками [25], что оценивается экспертами в качестве элемента формирующейся многополярности [26].

Важно отметить, что несмотря на значительную роль Тихого океана как пространства сотрудничества между Австралией и Латинской Америкой, ведущими торговыми партнерами Канберры продолжают оставаться государства Атлантики — Аргентина и Бразилия, суммарный товарооборот с которыми составил в 2018 г. 2,5 млрд долл. В случае Аргентины необходимо сказать о существовании системы государственных и негосударственных институтов, связанных с развитием торговых и инвестиционных связей с Австралией: совместные торговые палаты двух стран, адресные программы *ALABC* и *COALAR*, отдельные проекты австралийских инвестиционных фондов и банков, постоянные консультации в рамках Форума по сотрудничеству Восточной Азии и Латинской Америки (*Forum of East Asia—Latin America Cooperation, FEALAC*). Для Аргентины характерен отказ от конкуренции между местными и австралийскими компаниями в пользу создания совместных предприятий, в которых аргентинские работники используют австралийские технологии и капиталы. В последние годы развивается экономический диалог в рамках форумов Австралия — *Mercosur* [27], в которых принимают участие руководители государств и представители ведущих компаний.

Главным потребителем австралийских товаров в Латинской Америке остается Бразилия. Объем экспорта из Австралии в 2018 г. составил 1 млрд долл. При этом, как и Буэнос-Айрес, Бразилия является заложником требования и правил *Mercosur*, которые ограничивают ее возможности заключения двусторонних торговых соглашений с Канберрой. В этом контексте особое значение приобретают переговоры между Австралией и Новой Зеландией (*Closer Economic Relations, CER*) с *Mercosur*, в которых заинтересована и латиноамериканская сторона [28].

В целом, говоря об экономических отношениях Австралии с Латинской Америкой, можно отметить несколько особенностей. Во-первых, Канберра имеет устойчивые торгово-экономические и инвестиционные связи лишь с некоторыми странами региона. Безусловно, существуют контакты с такими малыми игроками, как Парагвай, Уругвай, Боливия и т.п., однако их объем значительно меньше, чем с ведущими государствами. Например, товарооборот Австралии с Парагваем составил всего 2,8 млн долл. Анализ программ и документов правительства Австралии показывает, что у Канберры отсутствует план развития сотрудничества с новыми партнерами в регионе, а большая часть дипломатических усилий и деловых структур сосредоточена на преодолении препятствий для выхода на ведущие рынки латиноамериканского региона, решение тарифных и логистических проблем с основными партнерами.

Во-вторых, на развитие экономических связей Австралии с Латинской Америкой существенное значение оказывают интеграционные процессы в регионе, наличие у каждой страны обязательств, связанных с членством в таможенных союзах — *AP*, *Mercosur*, Центральноамериканской интеграционной системой (*Sistema de la Integración Centroamericana, SICA*) и т.д. Это обстоятельство вынуждает Австралию заменять двусторонний диалог многосторонним, развивать формы и механизмы взаимодействия с региональными структурами. При этом в условиях кризиса региональной интеграции [29], противоречий между странами — членами объединений, выработка четкой стратегии развития сотрудничества Канберрой представляется крайне сложной задачей. Основным форматом взаимодействия на сегодняшний день остаются проекты соглашений о зоне свободной торговли с *AP* и *Mercosur*, с отдельными странами региона, большинство из которых обсуждаются на высшем уровне уже много лет.

В-третьих, Латинская Америка до сегодняшнего дня остается для Австралии непонятным и неизвестным регионом, в котором существуют существенные экономические и политические риски. Для преодоления этой проблемы *ALABC* предлагает создать научный центр Австралийско-латиноамериканских отношений, который бы аккумулировал экспертные оценки и исследования региона и мог бы быть совещательным органом для правительства страны [30]. С другой стороны, необходимо отметить, что меняется сама парадигма отношений: от торгово-финансовых связей к социальным отношениям, гуманитарному сотрудничеству и расширению политического диалога.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ

До недавнего времени у Австралии и Латинской Америки не было крепких политических связей. Среди австралийцев долгое время преобла-

дало мнение, что Латинская Америка слишком далека, нестабильна и политически неактуальна, чтобы заслуживать серьезного внимания ученых и общественности. При этом и левые правительства латиноамериканских стран долгое время не воспринимали Австралию в качестве стратегического партнера и не стремились к развитию отношений с ней.

Правый поворот, произошедший в Латинской Америке в последние годы [31], оказал влияние на отношение региона с Австралией. В отличие от левых правительств, ориентировавшихся на создание и развитие региональных интеграционных проектов, правые силы Чили, Уругвая и Бразилии декларируют приверженность национальным интересам и готовность восстанавливать межрегиональные связи, если они будут эффективны для национального хозяйства.

В частности, за годы правления Широкого фронта (*Frente Amplio, FA*) в Уругвае (2005—2020) Австралия никогда не фигурировала во внешнеполитической стратегии коалиции и формируемого ей правительства. Однако пришедшая к власти Национальная партия (*Partido Nacional, PN*) уже в своей предвыборной агитации указывала на Австралию в качестве страны-образца для развития транспорта, дорожной инфраструктуры и технологий переработки леса. Австралия упоминается в контексте возможных инвесторов Уругвая и партнеров для трансфера технологий [32].

Политический диалог ведется прежде всего в рамках региональных и межрегиональных структур, не имея при этом существенной динамики. Развитие двусторонних отношений тормозится во многом из-за небольшого количества дипломатических представительств Австралии на латиноамериканском континенте. Канберра не имеет посольств в Боливии, Венесуэле, Эквадоре, Парагвае, где либо расположены консульские пункты, либо консульские обязанности вообще возложены на дипломатические учреждения иных стран, чаще всего Канады [33].

Правительство Австралии заявляет о необходимости сотрудничества с региональными организациями Латинской Америки, однако на сегодняшний день нельзя говорить о каких-либо значимых результатах. Канберра ведет непостоянные консультации с Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC*) и Союзом Южноамериканских Наций (*Unión de las Naciones del Sur, Unasur*), но отношения с ними до сих пор не имеют официального статуса. С 2011 г. Австралия является наблюдателем при *SICA*, но это взаимодействие носит торгово-экономический характер и необходимо, прежде всего, для выхода на рынки Центральной Америки и Карибского бассейна [34].

Важным инструментом сотрудничества является Большая двадцатка (G20), в которую входят и Австралия, и ведущие экономики Латинской Америки — Мексика, Аргентина и Бразилия. В рамках саммитов государства приняли решения о борьбе с коррупцией, повышении прозрачности экономики, а также декларировали отказ от использования военной интервенции для решения проблем Сирии и всего Ближнего Востока. Представляется, что именно этот формат на сегодняшний день является основой для выработки основных направлений и ценностной базы межрегиональных отношений.

В течение последних лет Австралия и страны Латинской Америки занимали разные позиции в ООН относительно наиболее острых вопросов глобальной повестки. В частности, значительная часть государств региона воздержалась при голосовании Генассамблеи ООН по резолюции о статусе Крыма в 2014 г., которая была разработана и принята при участии Австралии, являвшейся в 2013—2014 гг. непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Аналогичные расхождения были и в позиции Австралии и Латинской Америки при обсуждении положения в области прав человека в Крыму в 2017 г. При этом и Австралия, и Латинская Америка призывали к скорейшему прекращению военных действий на Ближнем Востоке, мирному преодолению кризиса в Венесуэле, решению конфликтов в Африке.

Важно отметить, что 28 января 2019 г. Канберра признала лидера венесуэльской оппозиции Хуана Гуайдо в качестве президента Венесуэлы, сославшись на Конституцию Венесуэлы, подчеркнув при этом, что в стране необходимо провести по-настоящему честные выборы. Австралийские эксперты связывали это не только с влиянием позиции традиционных партнеров Австралии — США и Евросоюза, — но, прежде всего, с интересами Канберры в регионе, а именно заинтересованностью в социально-экономической стабильности в северном субрегионе Южной Америки (Венесуэла, Колумбия) [35].

Несмотря на жесткую позицию по Венесуэле, в отношении Кубы Канберра занимает сдержанно-оптимистическую позицию. В частности, правительство Австралии отмечает, что страна не принимала решений о каких-либо санкциях в отношении Кубы, но санкции, введенные США, косвенно сказываются и на отношениях Канберры и Гаваны. При этом с 2017 г. отмечаются активизация дипломатических контактов, восстановление работы посольств, увеличение количества дипломатических консультаций [36].

Важной точкой соприкосновения интересов Австралии и Латинской Америки является Антарктика. Как и Аргентина и Чили, с момента подписания Договора об Антарктике в 1961 г. Австралия заявляет о своих территориальных претензиях на материке. В связи с этим именно Буэнос-Айрес и Сантьяго являются постоянными антарктическими партнерами Канберры, но при этом все три страны проводят собственную политику на материке и не формируют единой позиции [37, р. 234], используя материально-технические базы друг друга.

Существенным фактором остается высокий уровень миграции из латиноамериканских стран в Австралию. Эмигрантские группы, формировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, становятся элементом развития двусторонних отношений и используются Канберрой в качестве агентов для переговоров с латиноамериканскими партнерами. Австралия сознательно увеличивает количество квот на привлечение квалифицированной рабочей силы из стран Латинской Америки, облегчая процесс получения рабочих виз, что оказывает влияние не только на формирование эмигрантских групп, но и способствует культурному обмену, созданию латиноамериканских культурных центров в Австралии.

Миграционные потоки формируют запрос на изменение образовательной политики [38]. Австралия заинтересована в привлечении технических специалистов, инженеров, специалистов в области сельского хозяйства. Университеты Австралии систематически повышают квоты для латиноамериканских студен-

тов по программам подготовки специалистов в области инженерных и естественных наук. Так, например, в рамках реализации Меморандума о взаимопонимании в области образования с Бразилией, в 2009 г. 15 тыс. бразильских студентов были зачислены в австралийские вузы. Количество перуанских студентов выросло с 2006 по 2009 г. в четыре раза и составило 1200 человек [39]. В целом, на 2019 г. в Австралии учатся не менее 40 тыс. латиноамериканцев, что представляется существенным для 25 млн населения страны.

Усиление миграционных потоков, расширение образовательных программ влияет на культурный обмен, растущий интерес к латиноамериканской культуре в Австралии. Отмечается развитие культурно-просветительских центров, центров латиноамериканской кухни, танцев, библиотек с испаноязычной литературой [40].

В первой четверти XXI в. Австралия смогла изменить свое место и роль во внешней политике стран Латинской Америки. Во многом это стало возможно благодаря превращению Азиатско-Тихоокеанского региона в ведущий торговый и финансовый центр, имеющий существенный потенциал для развития. В этих условиях Австралия в теории становится связующим звеном между Латинской Америкой и Азией, логистическим центром, транспортным узлом.

Изменение системы международных отношений, формирование многополярности, смена стратегии США в Латинской Америке открыли новые возможности для межрегиональных отношений. Австралийские инвесторы начали вытеснять североамериканские капиталы, формировать совместные предприятия с латиноамериканскими партнерами.

Расширение форматов региональной интеграции в Латинской Америке изменило структуру отношений региона с Австралией. Канберра оказалась вынуждена ориентироваться не на двусторонние отношения, а на многосторонний диалог с региональными организациями — *AP*, *Mercosur*, *SICA*. Таможенные правила этих объединений оказались невыгодными для Австралии, что вынуждает ее к ведению постоянных, но безуспешных переговоров, так как государства Латинской Америки пока не готовы отказываться от региональных обязательств ради расширения внерегиональных связей.

Ключевыми партнерами Австралии в регионе становятся *AP* и *TPP*, в рамках которых Канберра может получить новые привилегии для предпринимателей, расширить товарооборот, снизить тарифные издержки. При этом политический диалог Австралии и Латинской Америки находится в состоянии стагнации: при декларации схожих принципов внешней политики и похожего отношения к решению глобальных проблем, позиции Канберры и латиноамериканских государств зачастую расходятся при вынесении оценок международных конфликтов и в ходе принятия конкретных мер. Позиция Австралии часто совпадает с точкой зрения «коллективного Запада», в то время как страны Латинской Америки разделяют более сдержанные позиции России и Китая.

Австралия, как и сообщество латиноамериканских государств, стремится стать одним из акторов формирующейся системы международных отношений. Обе стороны заинтересованы в создании новых механизмов сотрудничества и выработке совместных решений. В то же время совершенно очевидно, что в отношениях Австралии и стран Латинской Америки на данный момент преоб-

ладают экономические цели и задачи. Представляется, что в условиях кризиса региональной интеграции в Латинской Америке и пересмотра ее форм и механизмов Австралия может получить новые возможности для торгового и финансового сотрудничества со странами региона.

Пандемия, начавшаяся в 2020 г., безусловно, оказала существенное влияние на динамику межрегиональных связей, однако на сегодняшний день правительство Австралии не предоставляло ни официальных данных, ни оценок этого влияния, поэтому австралийско-латиноамериканские отношения в «ковидную» эпоху могут стать предметом будущих исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Robinson P. Symmetric versus asymmetric rule: Contrasting views of the international order, *Russia in Global Affairs*, Moscow, 2019, vol. 17, issue 2, pp. 41-59.
2. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI в. / отв. ред. В.Л. Хейфец. М., Политическая энциклопедия, 2019 [Ot bipoljarnogo k mnogopoljarnomu miru: latinoamerikanskii vektor mezhdunarodnyh otnoshenii v XXI veke / Jeifets V.L. (otv. red.) [From the bipolar to the multipolar world: the Latin American vector of international relations in the XXI century. / Jeifets V.L. (ed.)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019. (In Russ.).
3. Хейфец В.Л. Latin America in search of new formats of international cooperation. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, СПб, 2019, т. 12, № 2, сс. 130-138 [Jeifets V.L. Latin America in search of new formats of international cooperation, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, St. Petersburg, 2019, vol. 12, N 2, pp. 130-138 (In Russ.).
4. Анискевич Н.С. Латинская Америка между Меркосур и Тихоокеанским альянсом: политические риски и региональная стабильность. СПб, Клио, 2017, № 9 (129), сс. 136-145 [Aniskevich N.S. Latinskaya Amerika mezhd Merkosur i Tikhookeanskim alyansom: politicheskie riski i regional'naya stabil'nost' [Latin America between Mercosur and the Pacific Alliance: Political Risks and Regional Stability]. St. Petersburg, Klio. 2017. N 9 (129), pp. 136-145 (In Russ.).
5. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. М., ИЛА РАН, 2017, 208 с. [Latinskaya Amerika na perelome global'nykh i regional'nykh trendov [Latin America at the turn of global and regional trends]. Moscow, ILA RAN, 2017, 208 p. (In Russ.).
6. Australia's trade with Latin America - Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/trade-investment/business-embassy/Pages/march-2018/australias-trade-with-latin-america> (accessed 10.04.2021).
7. Van der Eng P., Kenyon D. Australia-Latin America Trade and Business Relations. *Australia And Latin America: Challenges And Opportunities In The New Millennium*, Canberra: Australian National University, 2014, pp. 111-140.
8. Архипов В.Я. Экономические отношения Австралии и Латинской Америки. *Латинская Америка*, М., 2008, № 4, сс. 65-75 [Arkhipov V.Ya. Ekonomicheskie otnosheniya Avstralii i Latinskoi Ameriki [Economic relations between Australia and Latin America]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2008, N 4, pp. 65-75 (In Russ.).
9. Australia and Latin America: Challenges and opportunities in the new millennium. Canberra, Australian National University, 2014, 256 p.
10. Abbott M., Esposto A. Australia's foreign policy links with Latin America: distant relations, *Australian Journal Of International Affairs*, 2016, vol. 70, issue 1, pp. 69-86.
11. Smithies A. Argentina and Australia, *The American Economic Review*, Pittsburgh, 1965, Vol. 55, N 1/2, pp. 17-30.
12. Diéguez H. L. Argentina y Australia: Algunos aspectos de su desarrollo económico comparado, *Desarrollo Económico*, 1969, Vol. 8, N 32, pp. 543-563.
13. Kite J. New Era for Australia in Latin America. 29.07.2018, *Australian Institute of International Affairs*. Available at: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/australia-peru-fta-new-era-for-australia-in-latin-america/> (accessed 09.04.2021).
14. Daly Hayes M. The U.S. and Latin America: A Lost Decade? *Foreign Affairs*, 1988, Vol. 68, N1, America and the World 1988/89 (1988/1989), pp. 180-198.

15. Kenyon D., Lee D. The Struggle for Trade Liberalization in Agriculture: Australia and the Cairns Group in the Uruguay Round. Canberra, Department of Foreign Affairs and Trade, 2006.
16. Australia - Latin America Relations. An overview. Committee of Foreign Affairs, Defense and Trade, Senate, Parliament of Australia. 1996. Available at: https://www.aph.gov.au/media/wopapub/senate/committee/fadt_ctte/completed_inquiries/pre1996/aust_latin_america/01chl_pdf (accessed 10.04.2021).
17. Australia-Chile Free Trade Agreement. World Bank, 2008. Available at: <https://wits.worldbank.org/GPTAD/PDF/archive/Australia-Chile.pdf> (accessed 10.04.2021).
18. Pacific Alliance Free Trade Agreement, Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/pacificalliancefta/Pages/pacific-alliance-free-trade-agreement> (accessed 10.04.2021).
19. Mandataria en foro con líderes de Australia: "Chile es y seguirá siendo un aliado confiable, seguro y estable". Gob.cl, 11.12.2014. Available at: <https://www.gob.cl/noticias/mandataria-en-foro-con-lideres-de-australia-chile-es-y-seguira-siendo-un-aliado-confiable-seguro-y-estable/> (accessed 10.04.2021).
20. Presidenta: "Esperamos que esta relación fructífera entre nuestras naciones siga creciendo". Gob.cl, 10.08.2016. Available at: <https://www.gob.cl/noticias/presidenta-esperamos-que-esta-relacion-fructifera-entre-nuestras-naciones-siga-creciendo/> (accessed 12.04.2021).
21. Jefe de Estado calificó de "Muy productiva" la reunión bilateral con Primer Ministro de Australia, Presidencia de la República del Perú, 18.11.2016. Available at: <https://www.gob.pe/institucion/presidencia/noticias/9383-jefe-de-estado-califico-de-muy-productiva-la-reunion-bilateral-con-primer-ministro-de-australia> (accessed 10.04.2021).
22. Presidente Vizcarra destacó la importancia de acercar los beneficios de la Alianza del Pacífico a los ciudadanos. Presidencia de la República del Perú, 24.07.2018. Available at: <https://www.gob.pe/institucion/presidencia/noticias/19393-presidente-vizcarra-destaco-la-importancia-de-acercar-los-beneficios-de-la-alianza-del-pacifico-a-los-ciudadanos> (accessed 11.04.2021).
23. Australian Government response to the Foreign Affairs, Defence and Trade References. Committee report: Australia's relationship with Mexico. Available at: <https://www.dfat.gov.au/geo/mexico/Pages/australias-relationship-with-mexico-committee-report> (accessed 10.04.2021).
24. Relación México – Australia. Presidencia de la República. Gobierno de Mexico, 01.08.2016. Available at: <https://www.gob.mx/epn/articulos/relacion-mexico-australia> (accessed 10.04.2021).
25. MIKTA – Mexico, Indonesia, the Republic of Korea, Turkey, Australia, Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/international-organisations/mikta/Pages/mikta> (accessed 10.04.2021).
26. Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА. *Сравнительная политика*. М., 2017, т.8, № 4, сс.127-144. [Shlykov P.V. Poisk transregional'nykh al'ternativ v Evrazii: fenomen MIKTA [Search for trans-regional alternatives in Eurasia: the MICTA phenomenon]. *Sravnitel'naya politika*. Moscow, 2017, vol. 8, N 4, pp. 127-144 (In Russ.).
27. Participamos en el Foro de Liderazgo Mercosur-Australia. Gobierno de la Argentina, 26.06.2019. Available at: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/participamos-en-el-foro-de-liderazgo-mercosur-australia> (accessed 10.04.2021).
28. Mercosur-CER (Australia and New Zealand) meeting. Ministry of Foreign Affairs. International Trade and Worship, 05.05.2017. Available at: <https://www.cancilleria.gob.ar/en/news/releases/mercosur-cer-australia-and-new-zealand-meeting> (accessed 10.04.2021).
29. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, М., 2017, №5, сс. 79-87 [Jeifets V.L., Khadorich L.V. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya [Venezuela crisis and regional integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2017, N5, pp.79-87 (In Russ.).
30. About the Australia-Latin America Business Council. Available at: <http://www.alabc.com.au/About-Us> (accessed 10.04.2021).
31. Jeifets V.L., Jeifets L.S. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del "fénix de la derecha" en América Latina. *Iberoamérica*, 2016, № 3, pp. 34-60.

32. Programa de Gobierno Partido Nacional, Programas de Gobierno. Partidos Políticos 2020 — 2025. Corte Electoral. República Oriental del Uruguay. Available at: https://www.corte-electoral.gub.uy/estadisticas/programas_gobierno_2015_2020 (accessed 10.04.2021).
33. Our embassies and consulates overseas. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/about-us/our-locations/mis-sions/Pages/our-embassies-and-consulates-overseas> (accessed 10.04.2021).
34. Latin American and Caribbean regional organisations, Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/Pages/latin-american-regional-organisation> (10.04.2021).
35. Urribarri R. S. Australia's Recognition of Juan Guaidó as Venezuela's Interim President. Australian Institute of International Affairs. 24.03.2019. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/australia-recognition-venezuela-interim-president-guaido/> (accessed 23.05.2020).
36. Cuba country brief, Department of Foreign Affairs and Trade. 2019. Available at: <https://www.dfat.gov.au/geo/cuba/Pages/cuba> (accessed 23.05.2020).
37. Dodds K., Hemmings A. D., Roberts P. Handbook on the Politics of Antarctica. Edward Elgar Publishing, 2017.
38. Rocha C., Coronado G. Imagining Latin America in Australia: Migration, Culture and Multiculturalism. *Journal of Intercultural Studies*, 2014, 35 (5), pp. 467–474.
39. Inquiry into Australia's Trade and Investment Relations with Asia, the Pacific and Latin America - Australian Parliament. Committee on Foreign Affairs. Defense and Trade, 2011. Available at: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Joint/Completed_Inquiries/jfadt/apla/report (accessed 10.04.2021)
40. Kath E. (Ed.) Australian-Latin American Relations. Palgrave Macmillan. New York, 2016, 254 p.

Anton S. Andreev (anton.andreev89@gmail.com)

Candidate of History, senior lecturer, Department of theory and history of international relations, St Petersburg University
Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Australia — Latin America: opportunities and challenges of cooperation in the 21st century

Abstract. In the first quarter of the XXI century there the system of international relations was changed. Bipolar and unipolar systems have been replaced by multipolarity - the coexistence of different centers of power, when developing countries and regions find their place in the global world. Under these conditions, interregional dialogue began to acquire special significance. Australia and Latin America are looking for the new political partners and new markets. This article shows the evolution of relations between regions in the 2000s and 2010s. Based on the analysis of official state documents, statistics, documents of non-profit organizations, expert assessments, the article considers new mechanisms of cooperation and identifies the main problems and challenges of interaction between the two regions.

Key words: multipolar world, foreign policy, Australia, Latin America, Pacific Alliance.

DOI: 10.31857/S0044748X0014776-2

Received 25.02.2021.

Л.С.Хейфецу — 75 лет

История — запутанная и сложная наука. Лишь немногие исследователи смогли познать ее суть, пролить свет на забытые эпизоды прошлого. Одним из них по праву является Лазарь Соломонович Хейфец, внесший неоценимый вклад в расширение знаний о политике Латинской Америки, развитии левого движения и деятельности Коммунистического Интернационала в регионе. 2 августа 2021 г. он отметил свой 75-летний юбилей.

С юности Лазарь Соломонович интересовался непростыми судьбами политических и общественных деятелей. Это увлечение переросло в профессию и призвание. После открытия архивов ему удалось воссоздать портреты своих героев. Были опубликованы почти 2 тыс. биографий, в научный оборот введены десятки тысяч документов. Исследованы эпизоды рабочего движения в Латинской Америке, ранее неизвестные даже деятелям компартий региона.

В сфере интересов Л.С.Хейфеца находятся и современные политические процессы. Ему неизменно удастся видеть особенности общественных тенденций, подчас предугадывать их. Лазарь Соломонович был одним из первых исследователей, предсказавших ослабление левой волны в Латинской Америке.

История — не только наука, но и творчество. Отличительной чертой работ Л.С.Хейфеца является легкий слог, умение «лихо закрутить» сюжет, увлечь читателя. Отдельных слов заслуживают заголовки его статей: «Последний бой подполковника Чавеса», «Обвиняется Хулио Антонио Мелья», «Красный карандаш судьбы. Две жизни Георгия Борисовича Скалова». Они создают необходимое настроение, надолго остаются в памяти.

Важной частью жизни Л.С.Хейфеца остается организаторская и педагогическая работа. Ему удалось возродить Санкт-Петербургскую школу латиноамериканистики, созданный «с нуля» Центр ибероамериканских исследований при СПбГУ сегодня широко известен как в нашей стране, так и за рубежом. По инициативе юбиляра каждые два года в СПбГУ проходит крупнейший в Восточной Европе форум по ибероамериканской проблематике, соорганизатором которого выступает ИЛА РАН.

Руководство и коллектив Института Латинской Америки РАН, редакция журнала «Латинская Америка» желают Лазарю Соломоновичу здоровья, неиссякаемой энергии и творческих успехов!

А.Л.Чернышев

Боливийская головоломка

Почему MAS снова победила на выборах через год после свержения?

Победа Луиса Арсе на выборах 2020 г. в Боливии, с одной стороны, воспринимается как неожиданная, если учесть крайне неблагоприятный для Движения к социализму (*Movimiento al Socialismo, MAS*) политический момент, однако с другой — она все же объяснима и обусловлена как рядом конъюнктурных обстоятельств, так и фундаментальными характеристиками боливийского общества особенностями его политической культуры, сложной социальной структурой и фактором индейского этнического голосования. Последний, очевидно, обретает все большую значимость в андском регионе, о чем свидетельствуют и электоральные процессы 2021 г. в Эквадоре и Перу. Кроме того, возвращение MAS во власть в Боливии следует рассматривать в рамках еще одного регионального феномена — усиления позиций левых сил, идущего вразрез с прогнозами о «правом повороте» в Латинской Америке, делавшимися с середины 2010-х годов.

Ключевые слова: выборы, этническое голосование, Движение к социализму, Луис Арсе, левый поворот.

DOI: 10.31857/S0044748X0014791-9

Статья поступила в редакцию 26.03.2021.

18 октября 2020 г. в Боливии состоялись всеобщие выборы, в ходе которых избирались президент и вице-президент, обновлялся состав двухпалатной Многонациональной законодательной ассамблеи. Этот электоральный процесс в силу ряда уникальных особенностей представляет несомненный интерес для исследования. В задачи данной статьи входит выявление ключевых факторов, оказавших влияние на результаты голосования. С этой целью и с учетом многосоставности боливийского общества проведен комплексный анализ на основании системного подхода, учитывающего многообразие факторов, потенциально влияющих на исход выборов. Признавая размытость этнических границ, а также неочевидную зависимость

Алексей Львович Чернышев — независимый исследователь (<https://orcid.org/0000-0002-4802-0233>, chernyshev.latam@gmail.com).

электоральных предпочтений от этнической принадлежности, мы все же отметим: важность этого типа самоидентификации в ходе принятия решения может усиливаться под воздействием тех или иных факторов. Применяя компаративный метод, проследим тенденцию голосования за *MAS* в департаментах Боливии с высоким процентом индейского населения, опираясь на классификацию авторитетных международных институтов [1, р. 2], а также в департаментах с преимущественно неиндейским населением.

С учетом актуальности дебатов о противостоянии в регионе левой и правой моделей развития целесообразно рассмотреть данный процесс сквозь призму региональной конъюнктуры. В этом смысле следует отметить, что возвращение к власти *MAS* в результате выборов, как и ряд других примеров, подтверждают верность прогнозов о том, что «правый поворот» в Латинской Америке не носил устойчивого характера [2, 3, с. 16]. Далеко не последнюю роль в обеспечении преемственности социально ориентированных курсов в регионе играют массовые организации гражданского общества, представляющие, в частности, некогда маргинальные, исключенные из процесса развития социальные и этнические группы [4, с. 80-81]. Феномен индейской мобилизации как отдельный аспект «левого поворота» и ее влияние на электоральные процессы были отмечены, в частности, российскими исследователями В.М.Давыдовым [5], З.В.Ивановским [6, с. 57] и аргентинским ученым П.Стефанони [7].

Тема индейского этнического голосования в Боливии затрагивалась и ранее [8], однако в данной статье она будет рассмотрена с точки зрения динамики тренда, а также триггеров, способствовавших консолидации этого феномена в рамках конкретного электорального цикла. Важно отметить, что этнический аспект электоральных процессов обретает все большую значимость в регионе, свидетельство чему — выборы 2021 г. в Перу и Эквадоре. Таким образом, результаты настоящего исследования будут иметь и прикладное значение, так как предоставят механизмы не только интерпретации ситуации, но и прогнозирования ее дальнейшего развития, что крайне важно с учетом российских интересов в регионе в целом и в Боливии, в частности.

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Уникальность избирательного процесса в Боливии состояла в том, что он был призван «повторить» процедуру после того, как правительство социалистов, находившееся у власти с 2006 г., было свергнуто в ходе постэлекторального кризиса [9], а итоги выборов октября 2019 г. отменены из-за подозрений в фальсификациях в пользу правившей *MAS*, по официальным данным набравшей тогда 47% [10]. Те события, в результате которых к власти на год пришло переходное правительство ультраконсервативного толка во главе с Жанин Аньес (2019—2020), расценены руководством *MAS* и рядом экспертов как госпереворот [11], так как происходили не только на фоне невиданных в стране с начала 2000-х годов уличных протестов, но и при поддержке силовых структур — вооруженных сил и полиции.

Еще одной особенностью выборов 2020 г. стал убедительный триумф кандидата от *MAS* уже в первом туре, причем с еще большим, чем в 2019 г., результатом. Министр экономики в правительстве Эво Моралеса (2006—2019 гг.) Луис Арсе Катакора, который шел в связке с кандидатом в вице-президенты Давидом Чокеуанкой, набрал 55,1% голосов [12], более чем на 26% обойдя занявшего второе место центриста Карлоса Месу из Гражданского сообщества (*Comunidad Ciudadana*, *CC*). Меса занимал пост президента Боливии с 2003 по 2005 г., а на выборах 2020 г. получил 28,8% голосов, что почти на 8% ниже его результата 2019 г. (36,5%). Согласно конституции, для победы в первом туре кандидат должен набрать более 50% голосов или, как минимум, 40% с отрывом не менее 10% от ближайшего соперника. Таким образом, *MAS* одержала уверенную победу с учетом обоих фильтров.

Несмотря на пандемию коронавируса, явка на выборах стала рекордной и превысила 88,4%. Хотя *MAS* не удалось, как в 2009 и 2014 гг., получить две трети мест в ассамблее, что является квалифицированным большинством, необходимым для принятия ключевых решений без обсуждения с оппозиционными фракциями, партия все же доминирует в обеих палатах парламента: в палате депутатов у *MAS* — 75 мест из 130, в сенате — 21 из 36.

С одной стороны, столь скорое возвращение *MAS* во власть, всего год спустя после свержения, опиравшегося на дискурс о «всемирном восстании» и закате эпохи *MAS*, воспринимается как сюрприз. С другой — это довольно закономерно и объясняется как конъюнктурными моментами, так и фундаментальными характеристиками боливийского общества с его особенностями политической культуры и партийной системы, сложной социальной структурой, факторами регионализма, этнического (индейского) голосования и др. Такая комбинация факторов не может не учитываться при анализе и прогнозировании развития ситуации и поистине заслуживает определения «головоломки». Впрочем, к Боливии эта метафора применяется довольно часто: в 2005 г. неожиданно неудачные результаты программ МВФ в социальной сфере в Боливии были расценены фондом именно как «боливийская головоломка» [13]. Ряд авторов используют применительно к многосоставности боливийского общества слово *ch'enko*, что в переводе с кечуа означает «беспорядочное смешение» [14, р. 82]; а выдающийся боливийский социолог Рене Савалета Меркадо писал о его «пестроте» [15].

Длительный электоральный цикл, в котором Боливия находилась с 2019 по 2021 гг. на фоне политического кризиса и пандемии, прежде всего отличался наличием интриги, которая фактически отсутствовала на протяжении более чем десяти лет. После победы на выборах 2005 г. с результатом в 53,7% и преодоления в 2008 г. конфронтации с оппозиционным «полумесяцем» — объединением неиндейских департаментов боливийского востока Санта-Крус, Бени, Пандо и Тариха — *MAS* доминировала в политической жизни страны. На выборах 2009 и 2014 г. социалисты получили 64% и 61% голосов, соответственно; при этом отрыв от ближайших конкурентов в обоих случаях составил более 37% [16; 17]. На референдуме 2008 г. о доверии президенту Эво Моралеса поддержали 67,4% избирателей; а конституционный референдум 2009 г. он выиграл с результатом в 61,4%.

ЭТНИЧЕСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОРЫ ПОДДЕРЖКИ MAS

Среди факторов столь широкой поддержки, в первую очередь, следует выделить структуру *MAS*, которая на контрасте с традиционными партиями является широким объединением, федерацией или «политическим инструментом» многотысячных крестьянских, рабочих и индейских общественных организаций [18, с. 26; 19] преимущественно индейского запада страны. Их формы самоорганизации, уходящие корнями в общинные традиции аймара и кечуа, исторически являются бастионами сопротивления колониализму и расизму государства и оспаривают его легитимность. Среди крупнейших организаций, являющихся союзниками и социальной базой *MAS*, выделим Боливийский рабочий центр (*Central Obrera Boliviana, COB*), Единую профсоюзную конфедерацию крестьян Боливии (*Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia, CSUTCB*), Национальный совет айлью и маркас Кольясуйю (*Consejo Nacional de Ayllus y Markas del Qullasuyu, CONAMAQ*), Национальную конфедерацию индейских крестьянских женщин Боливии им. Бартолины Сисы (*Confederación Nacional de Mujeres Campesinas Indígenas Originarias de Bolivia – Bartolina Sisa, CNMCIQB-S*).

РЕЗУЛЬТАТЫ КАНДИДАТОВ ОТ MAS НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2005—2020 гг.

Департамент Боливии	2005 г.	2009 г.	2014 г.	2019 г. (отменены)	2020 г.
Чукисака	54,2%	56%	63,4%	42,3%	49%
Ла-Пас	66,6%	80,3%	68,9%	53,2%	68,4%
Кочабамба	64,8%	68,8%	66,7%	57,5%	65,9%
Оруро	62,58%	79,4%	66,4%	48,1%	62,9%
Потоси	57,8%	78,3%	69,5%	49,3%	57,6%
Тариха	31,5%	51,1%	51,7%	40,2%	41,6%
Санта-Крус	33,2%	40,9%	49%	34,8%	36,2%
Бени	16,5%	37,6%	41,5%	34,9%	34,7%
Пандо	20,8%	44,5%	52,1%	44,3%	45,8%
Всего по стране	53,7%	64%	61%	47,08%	55,1%

Источники: Atlas Electoral. Elecciones Generales 2005. Available at: https://atlas electoral.oep.org.bo/#/sub_proceso/19/1/1/graficos; Acta de cómputo nacional. Elecciones generales 2009; Acta de cómputo nacional. Elecciones Generales 2014; Elecciones Generales 2019. Publicación de resultados nacionales. OEP; Elecciones generales 2020. Publicación de resultados. OEP. Available at: <https://www.oep.org.bo/>

Импульс формированию и усилению позиций *MAS* как политического крыла индейских и крестьянских организаций с середины 1990-х придали как новый виток сопротивления коренных народов Латинской Америки на фоне 500-летней годовщины начала конкисты, так и Закон № 1551 о

народном участии от 1994 г., который открыл новые возможности для политической партисипации низовых организаций гражданского общества. Несмотря на гигантский потенциал индейского голосования в Боливии — самой индейской страны региона, он не сразу принес электоральные дивиденды: на выборах 1997 г. *MAS* получила всего 3,7%; в 2002 г. — уже 20,9% [20]. Восстания аймара и кечуа начала 2000-х годов, вошедшие в историю как Война за воду 2000 г. и Война за газ 2003 г., с одной стороны, усугубили кризис легитимности традиционных партий, а с другой — стали катализаторами консолидации этнического электората в пользу *MAS*, что стало настоящим прорывом. Ранее индейские партии не преодолевали на выборах барьер в 5% голосов [21, р. 52]. Приход Э.Моралеса к власти в значительной степени стал возможен благодаря небывалому подъему национального духа коренного населения Боливии, а также тактическому и стратегическому задействованию фактора этничности в политических целях, которое, помимо прочего, выражалось в активном использовании флага *wiphala* (wiphala) андских народов аймара и кечуа как символа индейского сопротивления [22, р. 137]. Достаточно отметить, что в западных департаментах Ла-Пас, Оруро, Потоси и Кочабамба с высоким процентом индейского населения в период с 2005 по 2014 г. электоральная поддержка социалистов приближалась к 70-80% (см. таблицу). Ряд авторов справедливо отмечают, что появление индейских партий, а также феномен консолидации этнического голосования обусловлены и кризисом традиционных политических сил.

Впрочем, фактор исключительно этнического голосования не может в полной мере объяснить успех *MAS* на выборах. Признанные, в том числе и оппонентами, успехи в экономике, политическая и социальная стабильность, реализация крупных инфраструктурных проектов и другие достижения правительства Моралеса в период с 2005 по 2014 г. обеспечили ему существенное повышение рейтинга и в восточной части страны, являющейся традиционным бастионом консервативной оппозиции. Так, в департаменте Санта-Крус электоральная поддержка партии выросла с 33,2% в 2005 г. до 49% в 2014 г., в Бени — с 16,5% до 41,5%, в Пандо — с 20,8% до 52%, в Тарихе — с 31,5% до 51,7% (см. таблицу). Сегодня *MAS* является крупнейшей политической силой в стране, куда входят более 1 млн человек [23].

Спад электоральной поддержки *MAS*, зафиксированный по итогам президентских выборов 2019 г., вызван, помимо прочего, чередой просчетов, признанных и самим руководством партии [24]: результат Моралеса тогда впервые за 14 лет не достиг 50%, а отрыв от главного оппонента составил всего около 10%. Отставка ключевых руководителей в ноябре 2019 г. на фоне обвинений в фальсификациях и под давлением вооруженных сил дополнялась кажущимися сломом партийной структуры и деморализацией социальной базы *MAS*. Это происходило на фоне отмеченного боливийским журналистом Фернандо Молиной невиданного за последние годы морального подъема среднего класса и белых боливийцев [25, pp. 139-140], который отразился в коллективной риторике о всенародной «революции веревочек», названной так по аналогии с веревками, перекрывавшими улицы в ходе протестов октября — ноября 2019 г. С этой неблагоприятной для

MAS конъюнктурой соотносились данные соцопросов, на протяжении всей предвыборной кампании 2020 г. последовательно создававших ощущение неминуемости второго тура, в котором К.Меса неизбежно побеждал, аккумулировав голоса всего оппозиционного по отношению к *MAS* электората [26].

Ряд экспертов справедливо отмечали, что в случае проведения временным правительством новых выборов в максимально сжатые сроки шансы *MAS* на победу были бы незначительны. Моральное преимущество тогда было на стороне политиков-консерваторов, в период правления социалистов находившихся в тени политического процесса, а после отставки Моралеса сформировавших подобие коалиционного переходного правительства. Однако на деле их риторику об общей цели — не допустить «возвращения диктатуры» — перевесили партийные интересы и личные амбиции кандидатов. Обещания не выставлять свои кандидатуры на выборы нарушили и Ж.Аньес и Луис Фернандо Камачо из партии «Верим» (*Creemos, C*) — новый человек в боливийской политике, заработавший политический капитал как организатор и лидер уличных протестов конца 2019 г. и играющий на региональных настроениях департамента Санта-Крус [27]. Их дальнейшая предвыборная борьба развернулась не столько против *MAS* как общего соперника, сколько против союзников по правому лагерю и, в первую очередь, против К.Месы, целью которого было занять место единого кандидата на выборах от правых сил. Среди последствий — не только банальное растаскивание голосов, но, что еще важнее, разоблачение жажды власти и оппортунизма кандидатов, выглядевших еще более неуместно, если учесть, что речь шла о политических силах, долгое время не достигавших успеха на выборах и не имевших существенного представительства в парламенте.

Криминализация и кровавое подавление социальных протестов в ноябре 2019 г., как в Сенкате и Сакабе, сожженные полицией флаги уипала выявили антииндейский курс правительства Аньес, который контрастировал со статусом *MAS* как единственной крупной народной, антиолигархической партии на левом фланге, удерживающей монополию на индейскую риторику. В этом смысле показательно, что даже оппонент *MAS* из числа индейских активистов, легендарный крестьянский лидер Фелипе Киспе призвал голосовать на выборах «против расистов», за Л.Арсе [28]. К сентябрю 2020 г. поддержка Аньес в западных департаментах Боливии, по данным соцопросов, едва превышала 5%. Для сравнения: в Санта-Крусе ее были готовы поддержать 17,6%, а в ее родном департаменте Бени — 24,4%. Иронично, что, испытав удачу в ходе ожесточенного «внутрицехового» соперничества и на фоне вновь набиравшего силу *MAS*, правые политики вернулись к идее о едином кандидате, для чего в сентябре-октябре 2020 г. в пользу К.Месы сняли свои кандидатуры сначала Ж.Аньес, а затем Туто Кирога. Единственным из них, кто не поддержал стратегию «полезного голоса», стал Л.Ф.Камачо; в итоге он занял третье место с 14% голосов.

Рейтинги *MAS* росли и на фоне коррупции переходного правительства на закупках медоборудования для лечения коронавируса, манипулирования правосудием, ставки на силу и угрозы в адрес политических оппонен-

тов, нарушений прав человека [29], попыток ограничить свободу слова, непонимания временными властями боливийских реалий при реализации мер по противодействию пандемии. Боливия обладает одной из крупнейших в мире неформальных экономик; ее объем превышает 62% ВВП (в 1998—1999 г. этот показатель достигал 67% ВВП) [30, р. 23]. Это, а также наличие сильных профсоюзов стало фактором коллективного сопротивления спущенным сверху ограничительным мерам, которые включали в себя комендантский час, закрытие на карантин предприятий в сфере торговли, общественного питания, транспорта.

С учетом сырьевой экспортной специализации Боливии ударом по экономике стало сокращение с середины 2020 г. объемов поставок природного газа (под предлогом форс-мажора в связи с пандемией) на крупнейший рынок сбыта — в соседнюю Бразилию. В 2018 г. углеводороды занимали в структуре боливийского экспорта почти 34% [31]; на Бразилию в тот год приходилось более 50% от общих объемов экспорта газа. Хотя объемы поставок на этот рынок в последние годы последовательно сокращались, в том числе по причине спада добычи в Боливии, объявленное Бразильской нефтегазовой компанией *Petróleo Brasileiro S.A. (Petrobras)* в середине 2020 г. сокращение спроса со стороны Бразилии примерно на треть серьезно усугубило экономический кризис в Боливии.

Среди непопулярных мер правительства Аньес — и получение кредита от МВФ в размере 320 млн долл. вразрез с курсом *MAS* 2006—2019 г. на независимость государства от международных финансовых организаций, и попытки приватизации ряда госкомпаний, национализированных при Моралесе. В целом можно утверждать, что неудачи этой провальной, по общепринятым оценкам, «демоверсии» консервативного правительства экстраполировались на выборах на все правые силы: избиратели предпочли преемственность курса *MAS* с его стабильностью, которую олицетворяла удачная, во многом компромиссная кандидатура Л.Арсе. В этом смысле показательна и положительная реакция руководства МВФ на его победу [32].

Приведенные в таблице данные по выборам 2020 г. показывают, что *MAS* улучшила свои результаты по сравнению с 2019 г. в восьми из девяти департаментов. При этом, если в восточной части страны рейтинги партии выросли незначительно (на 1-1,5%), то в Кочабамбе и Потоси — более, чем на 8%; а в Ла-Пасе и Оруро — на 15%. Хотя победа Арсе в первом туре отчасти свидетельствует о преодолении острой стадии кризиса *MAS*, ситуация остается непростой: страна по-прежнему поляризована, что продемонстрировали преподнесенные оппозицией как «провал» партии власти результаты первого и второго туров региональных выборов губернаторов и мэров, состоявшихся в марте и апреле 2021 г. По их итогам *MAS* проиграла мэрии крупнейших городов — Ла-Паса, Санта-Круса и Кочабамбы, а также традиционного бастиона — г. Эль-Альто. Что касается выборов властей департаментов, то тут *MAS* победила всего в трех из девяти: в Кочабамбе, Оруро и Потоси.

Впрочем, детальный анализ позволяет сделать вывод о том, что результаты региональных выборов не вполне свидетельствуют о спаде поддержки партии: *MAS* доминирует в большинстве законодательных ассамблей де-

партаментов [33]; кандидаты от партии пришли к власти в 240 из 336 мэрий страны (около 70% от общего числа), что на 13 больше, чем на прошлых выборах в 2015 г. Оппозиционные партии, завоевавшие департаменты и мэрии, являются преимущественно локальными силами, не представленными в масштабах всей страны. Налицо и некоторые просчеты в выборе кандидатов от *MAS*: победа в ряде случаев досталась оппозиционным кандидатам, изначально планировавшим участвовать в выборах от партии власти или входившим в нее в прошлом. Самый наглядный пример — экс-сенатор от *MAS* Эва Копа, вышедшая из партии после того, как ее кандидатура на пост мэра г. Эль-Альто не была утверждена высшим руководством. С новой партией *Jallala* («Да здравствует» в переводе с аймара) она победила с результатом в 69%. Бывший член *MAS* Дамиан Кондори избран губернатором Чукисаки. С одной стороны, особенностью прошедших региональных выборов стало появление на политической арене новых организаций и лидеров, конъюнктурно составивших конкуренцию партии власти на левом фланге и оспаривавших монополию *MAS* на индейскую проблематику. С другой — *MAS* продемонстрировала, что отличается — вопреки обвинениям в каудильизме — гибкой структурой и остается крупнейшей политической силой общенационального масштаба, опирающейся на многочисленные общественные организации. Президентский мандат Л.Арсе должен подтвердить статус *MAS* как партии, у которой есть эффективный проект развития страны, а политические вызовы, вероятно, придется решать, опираясь на традиционных союзников из числа институтов гражданского общества.

Результаты выборов 2020 г. в Боливии продемонстрировали, что «левый поворот» в стране является сложным процессом, ведущая роль в котором принадлежит не столько политическим партиям, сколько общественным организациям. При этом ключевым тут является этнорасовый фактор. Интересно, что данный фактор в той или иной степени проявился и в ходе президентских выборов 2021 г. в Эквадоре и Перу, что свидетельствует о важности этнорасового феномена для исследования электоральных процессов и прогнозирования результатов голосования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pueblos indígenas, democracia y representación: los casos de Bolivia y Guatemala. Boletín PNUD & Instituto de Iberoamérica. 2011. Available at: <https://www.vanderbilt.edu/lapop/insights/050211.PELAbulletin-es.pdf> (accessed: 20.06.2021)
2. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? *Латинская Америка*, М., 2010, № 6. сс. 8-20 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. «Pravyy povorot» v Latinskoj Amerike: sluchajnost' ili tendencija?]. [“Right turn” in the Latin America: occasionality or a tendency?]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2010, N 6, pp. 8-20.
3. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, М., 2015, № 4, сс. 45-55 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika: pravyy shtorm dlia “levogo povorota”]. [Latina America: right storm for the “left turn”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seria: Mezhdunarodnye otnoshenia*, Moscow, 2015, N 4, p. 45-55.
4. Красильщиков В. Латинская Америка: прощание с зависимостью. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 2, сс. 85-94. [Krasil'shnikov V. Latinskaja Amerika: proshhanie s zavisimost'ju.] [Latin America: farewell to dependency]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2015, N 2, pp. 85-94.

5. Davydov V.M. La agenda de desarrollo de los países latinoamericanos, hoy y de cara al futuro. Imperativos del orden nacional, regional y global. *Iberoamérica*, 2016, № 3, pp. 7-33.
6. Iwanowski Z. América Latina a comienzos del siglo XXI: procesos electorales y sus consecuencias políticas. *Iberoamérica*, Moscow, 2015, N 2, pp. 47-66.
7. Stefanoni P. El nacionalismo indígena en el poder. *Observatorio Social de América Latina*, 2006, № 19, pp. 37-44.
8. Боливия – время левоиндихенистского эксперимента. Отв. ред. Давыдов В.М. М.: ИЛА РАН, 2009. Available at: http://www.ilaran.ru/pdf/2009/Libros/2009_Summit_Bolivia.pdf (accessed: 24.07.2021).
9. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур. *Латинская Америка*, М., 2020, № 1. [Chernyshev A.L. Postjelerktoral'nyj krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nyj faktor i rol' silovyh struktur] [2019 post-electoral crisis in Bolivia: the regional factor and the role of law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2020, № 1, pp. 22-32.
10. Elecciones generales 2019. Publicación de resultados nacionales. OEP. Available at: <https://www.oep.org.bo/> (accessed: 11.03.2021).
11. Moldiz H. Golpe de Estado en Bolivia. La soledad de Evo Morales. Ed. Ocean Sur, 2020, 135 p.
12. Elecciones generales 2020. Sistema de consolidación oficial de resultados de cómputo finalizado. Available at: <https://computo.oep.org.bo/> (accessed: 05.04.2021).
13. Bolivia: Ex Post Assessment of Longer-Term Program Engagement – Staff Report and Public Information Notice on the Executive Board Discussion. IMF Country Report No. 05/139. Washington, 2005. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2005/cr05139.pdf> (accessed: 21.02.2021).
14. Laserna R. La democracia en el ch'enko. La Paz, Fundación Milenio, 2004, 151 p.
15. Zavaleta Mercado R. La autodeterminación de las masas. México, 2015, 392 p.
16. Acta de cómputo nacional. Elecciones generales 2009. Available at: <https://www.oep.org.bo/> (accessed: 21.01.2021).
17. Acta de cómputo nacional. Elecciones Generales 2014. Available at: <https://www.oep.org.bo/> (accessed: 21.01.2021).
18. Do Alto H. El MAS-IPSP boliviano, entre movimiento social y partido político. *Análisis Político*, Bogotá, 2008, N 62.
19. Воротникова Т.А. Движение к социализму в Боливии: траектория, архитектура, мировоззрение. *Латинская Америка*, М., 2021, № 3, сс.6-19 [Vorotnikova T.A. Dvizhenie k socializmu v Bolivii: traektoriya, arhitektura, mirovozzrenie] [Movement towards the Socialism in Bolivia: trajectory, composition, ideology]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, № 3, pp. 6-19.
20. Resultados Electorales. Referéndum Revocatorio 2008. Vicepresidencia de la República – Unidad de Información para la Participación Ciudadana. Available at: (accessed: 23.01.2021).
21. Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz, 2009, 346 p.
22. Limber F. Wiphala: historia real de un símbolo de lucha. El Alto, 2020, 268 p.
23. Siete partidos entregan al TSE libros de militantes con vista a las primarias de enero. *La Razón*, 25.X.2018. Available at: <https://www.la-razon.com/lr-article/siete-partidos-entregan-al-tse-libros-de-militantes-con-vista-a-las-primarias-de-enero-2/> (accessed: 26.01.2021).
24. Evo Morales: «Fue un error volver a presentarme». *DW*, 17.I.2020. Available at: <https://www.dw.com/es/evo-morales-fue-un-error-volver-a-presentarme/a-52044828> (accessed: 26.01.2021).
25. Molina F. Racismo y poder en Bolivia. La Paz, 2021, 152 p.
26. Encuesta de Ciesmori perfila segunda vuelta entre Arce y Mesa. Página Siete, 30.IX.2020. Available at: <https://www.paginasiete.bo/nacional/2020/9/30/encuesta-de-ciesmori-perfila-segunda-vuelta-entre-arce-mesa-269921.html> (accessed: 02.01.2021).
27. Santa Cruz y sus 200 años de Independencia. Santa Cruz, Ed. El País, 2012, 445 p.
28. El Mallku anuncia que votará por el MAS para apoyar a Choquehuanca. *Oxígeno*, 15.X.2020. Available at: <http://www.oxigeno.bo/pol%C3%ADtica/45056> (accessed: 26.01.2021).
29. La justicia como arma. Persecución política en Bolivia. Human Rights Watch, 2020, 53 p.
30. Medina L., Schneider F. Shadow Economies around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? *IMF*, Working Paper No. 18/17, Washington, 2018. Available at:

Алексей Чернышев

<https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/01/25/Shadow-Economies-Around-the-World-What-Did-We-Learn-Over-the-Last-20-Years-45583> (accessed: 26.01.2020).

31. IBCE. Cifras del comercio exterior boliviano 2018. Boletín Electrónico Bisemanal № 793, 03.06.19. Available at: <https://ibce.org.bo/publicaciones-ibcecifras-pdf.php?id=740> (accessed: 25.01.2021).

32. FMI aplaude victoria de Arce en Bolivia y su “excelente” labor económica. *Clarín*, 22.X.2020.

33. En seis asambleas departamentales el MAS tiene mayoría, en una empata. *Página Siete*, 13.IV.2021. Available at: <https://www.paginasiete.bo/nacional/2021/4/13/en-seis-asambleas-departamentales-el-mas-tiene-mayoria-en-una-empata-290627.html> (accessed: 14.04.2021).

Alexei L.Chernyshev (chernyshev.latam@gmail.com)
Independent researcher

The Bolivian puzzle. Why did MAS win the elections again one year after the overthrow?

Abstract. The Luis Arce’s victory in the elections of the 2020 in Bolivia, on one hand, could be perceived as an unexpected one due to an extremely adverse political situation for the Movement toward the Socialism (*Movimiento al Socialismo, MAS*), but on the other hand it’s still understandable and attributable to some circumstances of the moment, as well as to some fundamental characteristics of the Bolivian society with its political culture peculiarities, complex social structure and the factor of the indigenous ethnic voting. The indigenous ethnic voting factor seems to gain more importance in the Andean region, if we consider the recent elections in Ecuador and Peru in the 2021. Moreover, the return of the *MAS* to power in Bolivia shall be analysed within the other regional phenomenon which is the strengthening of the left forces positions, contrary to the mid-2010s forecasts about the “right turn” in the Latin America.

Keywords: elections, ethnic voting, Movement towards the Socialism, Luis Arce, left turn.

DOI: 10.31857/S0044748X0014791-9

Received 26.03.2021.

Я.Г.Шемякин

«Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности

**Исторический опыт индейских культур Латинской
Америки в универсальном контексте**

В статье обосновывается тезис, согласно которому в современных индейских культурах Латинской Америки обнаруживаются все основные черты «пограничности» как особого состояния социокультурной системы (доминанта многообразия при сохранении единства *sui generis*, воплощенного в самом процессе взаимодействия разнородных традиций, структурирование лингвистической реальности в соответствии с этой доминантой, преобладание локализма в рамках взаимосвязи универсального и локального измерений жизни латиноамериканских обществ, ключевая роль архаики в системе взаимодействия с наследием первого «осевого времени», прежде всего с христианством, и с реалиями «второго осевого времени» — эпохи модернизации). Автор делает вывод, что современные индейские культуры изоморфны по своей структуре «пограничной» латиноамериканской цивилизации, рассматриваемой как «коалиция культур» (К.Леви-Стросс), существенно отличающихся друг от друга, но объединенных на самом глубинном уровне крайне противоречивой взаимосвязью ее участников.

Ключевые слова: «пограничность», индейские культуры, латиноамериканская цивилизация, локальное, три парадигмы универсального, «языковой союз», «языковое варьирование».

DOI: 10.31857/S0044748X0016136-8

Статья поступила в редакцию 21.02.2021.

В одной из наиболее интересных работ, посвященных, пожалуй, самой известной, знаковой фигуре «индейского ренессанса» конца XX — начала XXI вв. — Ригоберте Менчу, Дебора Сингер Гонсалес очень точно

Яков Георгиевич Шемякин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21, <https://orcid.org/0000-0003-2382-0864>, shemyakinx3@gmail.com).

определила ее место в духовном космосе региона. Р.Менчу охарактеризована как личность, находящаяся в «пограничной зоне» между индейским миром и западным обществом, как воплощение особой, пограничной субъектности, носители которой являются посредниками в процессе взаимодействия различных традиций. При этом вся Латинская Америка в целом определяется как «большая пограничная зона», из чего следует, что Р.Менчу являет собой персонификацию латиноамериканской цивилизационной идентичности [1, с. 73, 79, 82]. В результате своих исследований мы пришли к выводу, что в индейских культурах, выживших после конкисты, несмотря на мощное многовековое давление европейской цивилизации, обнаруживаются все основные черты «пограничности» как особого состояния человека и общества.

Определяющий признак, свойственный всем разновидностям «пограничности», — это доминанта многообразия, обусловленная крайне противоречивым сосуществованием разнородных социокультурных пластов. Однако наличие такого рода доминанты не означает полного отсутствия единства: всегда есть нечто, что объединяет все проявления «пограничной» реальности. Граница — это всегда особый мир, самый сложный узел разнообразных типов взаимодействия и взаимосвязи качественно различных традиций. Социокультурное качество «пограничности» может отличаться различной степенью зрелости и исторической устойчивости. Критерий зрелости — такая степень проявления начала единства, которая обуславливает возникновение особой, «пограничной» системности, качественно иной по сравнению с великими социокультурными системами Востока и Запада [2].

Огромное разнообразие современных индейских культур, существенно увеличившееся в условиях «индейского ренессанса» конца XX — начала XXI вв., — очевидный факт. Наиболее ярко доминанта многообразия проявляется в лингвистической сфере [3]. Причем обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство индейских народов региона живет на территориях, отличительной чертой которых является наиболее высокий уровень как биологического, так и социокультурного, в первую очередь языкового многообразия [4, р. 37].

Ярким примером здесь может служить языковое семейство майя, не только не исчезнувшее, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки стереть их идентичность, растворив ее в «воображаемом сообществе» (Б.Андерсон) нации, конструируемой по европейским лекалам, но сохранившееся и даже расширившееся. По свидетельству М.Галича, «в течение столетий древний майяский лингвистический ствол пышно разветвился, и в настоящее время многочисленные ветви этого древа являются живыми языками, на которых говорят миллионы индейцев» [5, с. 131].

Следует упомянуть, что большую роль в сохранении языков народов майя в эпоху конкисты сыграли католические монахи, убежденные в том, что индейцы способны воспринять слово Божье. При этом они опирались на то восприятие жителей открытого Колумбом континента, которое нашло отражение в булле папы Александра VI, основывавшегося в своих оценках главным образом на дневнике Колумба, в трактовке которого индейцы выступали как «носители почти что христианских добродетелей: им недостает только имени Христа на устах» [6, с. 20]. Как справедливо под-

черкивал российский ученый А.Ф.Кофман, в упомянутой папской булле была «ясно указана главная цель свершенных и еще грядущих открытий — христианизация. Де-факто индейцы были признаны людьми и получили право спасти свои души в лоне христианства...» [6, с. 20].

Разумеется, как отмечал известный исследователь М.У.Рус, «несомненно, католические монахи намеревались этим облегчить свою работу по введению новой религии... Но как бы то ни было благодаря деятельности монашеских орденов, в особенности францисканцев и доминиканцев, у нас сейчас имеются великолепные лингвистические работы. Монахи в определенной мере помогли сохранить около трех десятков языков семьи майя; право индейцев использовать свои родные языки защищали многие священники... Монахи научили покоренные народы пользоваться латинским шрифтом, вложив в их руки, вопреки своему желанию, еще одно оружие сопротивления. Благодаря письменности обрели плоть те традиции, которые прежде принадлежали к сфере устного народного творчества, и те знания, которые, будучи записаны иероглифами, непонятными для непосвященных, находились в исключительном ведении правящих классов. Так, перейдя из звуков в чернила, возникли книги «Чилам-Балам», «Песнопения из Цитбальче», «Ритуал Бакабов», «Пополь-Вух», «Мемориал из Сололы, или Анналы какчикелей», «Родословная владык Тотоникапана», «Титулы Дома Ишкин Нехаиб», «Рабиналь Ачи» и другие памятники доиспанской и колониальной литературы и истории» [7, с. 84-85]. Аналогичные суждения высказывал и Ю.В.Кнорозов — самый знаменитый из российских ученых-латиноамериканистов, которому мы обязаны расшифровкой древней письменности майя [8, с. 24-26].

Сохранение индейских языков, — тем более возрождение некоторых из них в последние десятилетия — несомненное свидетельство того, что автохтонные культуры, несмотря на все многообразие, сохранили единую основу. В результате конкисты они были стерты до матрицы, но сама матрица сохранилась. Причем эта матрица являет собой то общее начало, которое пронизывает духовный космос всех аборигенных культур региона к югу от Рио-Гранде-дель-Норте. Свидетельством существования подобного начала является констатируемая специалистами общность мифологии. Так, по словам Р.В.Кинжалова, «несмотря на различие языков и исторических судеб отдельных лингвистических групп, мифология индейцев Месоамерики была единой, но претерпевала стадиальные изменения» [9, с. 516]. Такой же вывод сделал в отношении мифологии индейцев Южной Америки Ю.К.Березкин: объединяя «мифологии нескольких десятков индейских народов ... она выступает как единое целое не только по географическому признаку, но и в силу ее внутреннего единства, т.е. большого количества особенностей, общих для мифов всего коренного населения континента» [10, с. 522]. На наш взгляд, эти выводы говорят в пользу сформулированной Джозефом Гринбергом в 1987 г., а затем обоснованной Мерритом Руленом не только лингвистическими, но также антропологическими и генетическими данными гипотезы о глубинной общности индейских языков, что дало основание объединить всех их (за исключением языков семьи надене) в единую макросемью — «американдскую» (*Amerindian languages*) [11, 12]. Не будучи профессиональным лингвистом и не претендуя в связи с этим на какие-либо однозначные суждения по поводу данной гипотезы

тезы, автор этих строк как исследователь, много лет посвятивший изучению (в том числе сравнительному) «пограничных» цивилизаций, не могу не отметить: весьма распространенный среди специалистов скепсис в отношении концепции Гринберга — Рулена основан на вполне определенной логике, согласно которой многообразие исключает единство. По моему глубокому убеждению, результаты изучения «пограничной» социокультурной реальности опровергают эту логику.

Единство матрицы обеспечивалось (и обеспечивается) общностью подхода представителей индейских культур к решению ключевых проблем человеческого существования: вопросов о месте человека в мироздании и о соотношении его с остальным миром. Не претендуя на исчерпывающее решение этого вопроса, попытаюсь определить основные содержательные характеристики данной матрицы, которая является зримым воплощением архаической парадигмы мировосприятия и миропонимания. Указанная парадигма отличается преобладанием телесного кода в культуре. Тело предстает как форма, структурирующая хаос. По словам В.Н.Топорова, именно по модели человеческого тела, тела первочеловека «мифопоэтическое сознание первоначально строило описание Вселенной» [13, с. 330]. Это утверждение относится, в первую очередь, к индоевропейской и китайской традиции. Тольтекская богиня земли Тлальтекутли, в образе которой обнаруживаются несомненные параллели и с ведийским Пурушей, и со скандинавским Имиром, и с китайским Пань-гу, тем не менее занимает в мифологической системе индейцев Центральной Америки существенно меньшее место, чем названные образы, соответственно, в ведийской, германоскандинавской и китайской мифологиях [9, с. 519]. Однако телесный код как таковой характерен и для индейских культур.

По-видимому, именно на представлении о человеческом теле как структурной модели, определяющей устройство мироздания, основывается способность архаического сознания воспринимать мир как целостность. Человек рассматривается как микрокосм, неразрывная составляющая и отражение Космоса, неотделимое от природного мира. Налицо сакрализация природных сущностей и явлений, мир ощущается как живое целое. Человеческое поведение внутренне ориентировано на приспособление к окружающей среде, на включение в космические ритмы. Другие черты:

— ось мира — Мировое Древо (или его аналог — Мировая гора и др.), центр Вселенной, вокруг которого организуется пространство и по горизонтали, и по вертикали;

— отсутствие непроходимой грани между миром богов и духов и миром людей. И тот, и другой являются взаимосвязанными частями единой реальности мироздания, связанные системой постоянной коммуникации и взаимодействия, причем оно не одностороннее: люди также могут воздействовать на богов и духов, применяя приемы магии. Существующее мироустройство возникло в «сакральное время» и пребывает неизменным;

— ориентация на сохранение традиции без изменений, тотальная власть ритуала, от неукоснительного исполнения которого людьми зависит сохранение космического равновесия. В связи с этим — безусловное преобладание социального над индивидуальным, подчинение личности общности;

— господство циклического способа моделирования времени.

Историческое содержание индейских культур отнюдь не сводилось к матрице. Когда речь заходит об «индейском ренессансе» последних десятилетий XX — начала XXI вв., как правило, вполне справедливо констатируется очевидный факт сохранения и/или возрождения идентичности автохтонных народов. Но в ходе изучения проблемы идентичности мы пришли к выводу, что феномен (как и обозначающее его понятие) идентичности имеет сложную структуру. Необходимо различать *образ идентичности*, в котором фиксируются представления той или иной общности о самой себе и своем месте в мире, и *идентификационный стержень-инвариант*. Образы идентичности могут меняться (они напрямую зависят от конкретно-исторической ситуации, в том числе — от политической конъюнктуры, как правило, они конструируются властью преобладающими на идеологическом уровне) при неизменном сохранении идентификационного стержня [14]. В ходе исследования современных индейских культур перед автором этих строк встал вопрос: можно ли говорить о тождественности матрицы и идентификационного стержня-инварианта этих культур? Индейские культуры на протяжении истории не раз меняли образ своей идентичности. Особенно ярко это проявилось в тех случаях реэтнизации, которые наблюдались в процессе индейского возрождения рубежа прошлого — начала нынешнего веков. Приведем в качестве иллюстрации только один из примеров, о которых упоминает в своей книге Н.В.Ракуц. Речь идет об общине Оливенсы близ города Ильеус, штат Баия. Жители этой общины «давно и прочно оставаясь в сознании соседей не более чем кабокло («метисами»), ... добились от властей признания (с возвращением этнонима) их как тупинамба, т.е. коренного населения бразильского побережья» [15, с. 178]. Итак, можно ли выделить в духовном космосе индейских культур нечто неизменное, помимо их матрицы?

В одной из работ последних лет, анализируя специфику идентификационной сферы формирующейся латиноамериканской цивилизации, автор данной статьи поставил вопрос: с чем, собственно, идентифицировали себя основные участники начавшегося с конкистой интенсивного процесса взаимодействия качественно различных, первоначально чрезвычайно далеких друг от друга культурных традиций: испанские конкистадоры и монахи и покоренные индейцы? Когда испанцы (конкистадоры и наследовавшие им энкомендеро) посещали церковь и общались друг с другом, они «являли вполне определенный образ идентичности, сознательно формируемый в рамках той идентификационной стратегии, которая была избрана пиренейской монархией и в основе которой лежала идея исторического призвания Испании — привести автохтонное население к свету христианской истины... Но что происходило, когда испанский конкистадор, а впоследствии энкомендеро или владелец эстансии возвращался в собственный дом и вступал в общение со своими индейскими слугами и наложницами? ... Испанцы усваивали местные обычаи в сфере быта, соответствующие природно-климатическим условиям Нового Света, индейское влияние сначала подспудно, а затем во все большей мере проявлялось в усвоении европейцами автохтонных традиций в приготовлении пищи, в одежде» [16, с. 25] — процесс, ярко и подробно описанный в серии прекрасных книг А.Ф.Кофмана [6, 17-20].

«Так с чем же реально отождествлял себя конкистадор на уровне повседневной жизненной практики? Из сказанного следует, что на этом уровне укоренившиеся в Новом Свете испанцы идентифицировали себя не с одной иберокатолической традицией, а с процессом ее взаимодействия с автохтонным началом...» [16, с. 25]. Взаимодействия, в ходе которого сразу же зазвучала «бурная симфония крови» (Э.Агости), в результате чего на свет появилась и стала быстро расти новая группа населения — метисы, ставшие той основной средой, в которой начался процесс зарождения новой культуры — «симфония духа», постепенно рождавшаяся из первоначальной какофонии совершенно разных звуков и тем.

Но то же самое можно сказать и о втором главном участнике контакта. Когда обращенные индейцы участвовали в организованных католическими монахами массовых шествиях во время различных праздников христианского календаря, при подготовке к которым активно использовался опыт организации языческих празднеств, в том числе образы местной мифологии, коим давалась христианская интерпретация, когда местные мастера вносили элементы автохтонной эстетики при оформлении внешнего облика католических храмов (черты персонажей местной мифологии, в том числе и языческих божеств в скульптурах христианских святых, цветовая гамма росписей и т.д.) индейцы на уровне сознания, по-видимому, в большинстве случаев были уже искренне верующими католиками (хотя имели место и случаи «симуляции» сознания, сохранения языческих верований и ритуалов при формальном обращении в христианство). Но эта вера проявлялась в доступных индейцам формах мировосприятия, в которых скрыто, на уровне «культурного бессознательного» присутствовала автохтонная матрица [21].

Итак, как испанцы, так и индейцы отождествляли себя не с какой-либо одной из взаимодействующих традиций (прежде всего своей собственной), а с самим процессом их взаимодействия, который и выполнял роль идентификационного стержня-инварианта. Разумеется, матрица автохтонных культур являлась неотъемлемой составной частью этого стержня, но единственно возможной формой ее существования стало ее пребывание в истории в качестве участника поликультурного контакта.

По-моему, наиболее убедительные иллюстрации, подтверждающие этот вывод, можно обнаружить в лингвистической сфере. Напомню прежде всего приведенную выше обширную цитату из текста М.У.Руса. Из его слов следует, что майя смогли превратить активное восприятие испанского языка и, соответственно, активный межъязыковой контакт в фактор защиты и сохранения собственной идентичности. Тот же вывод можно сделать и из высказываний Ю.В.Кнорозова [8, с. 26]. Помимо фактов, приведенных М.У.Русом, он отметил еще одно важное обстоятельство: хотя в основу разработанных миссионерами XVI в. алфавитов для обращенных в христианство индейцев «был положен латинский алфавит, многие буквы производились и не по латыни, и не по-испански, а приспособлялись к фонетическому строю индейских языков» [8, с. 26].

Как было установлено в результате исследований, двумя основными формами проявления в языковом космосе социокультурного «пограничья» его определяющей характеристики — доминанты многообразия — являются языковое варьирование (по Г.В.Степанову) и языковой союз [22, 23, 24].

Языковое варьирование — изменение лингвистической реальности, не затрагивающее главную структурную основу языка как системы. Варьирование может быть различным по уровню глубины — от наиболее глубокого (на этом уровне складываются различные варианты языка, формирующие собственные языковые нормы — «нормы второго порядка», согласно формуле Г.В.Степанова) до появления региональных диалектов и местных говоров [22, с. 8, 13-14; 23, с. 113]. На основании результатов исследования Г.В.Степанова можно сделать вывод, что языковое варьирование является основной формой проявления принципа доминанты многообразия в мире испанского языка Латинской Америки. Причем в целом ряде случаев индейские языки стали фактором дифференциации испанской речи, способствовав тем самым возникновению особых вариантов испанского языка, отличных от пиренейской нормы, ставших реальностью в результате формирования собственных норм «второго порядка». Самые яркие примеры — науатль в Мексике и гуарани в Парагвае [6, с. 209; 22, с. 33-35].

С другой стороны, испанский язык оказал несомненное влияние на индейские языки, причем «следует подчеркнуть, что условия культурного, социального характера, сложившиеся в Америке, больше благоприятствовали влиянию испанского языка на туземные, чем наоборот» [22, с. 39]. Подобное воздействие не могло, по-видимому, не привести к превращению этого языка в значимый фактор дифференциации индейской речи — в соответствии с различными вариантами контакта между иберийской и автохтонной языковыми реальностями в разных регионах континента. Разветвившийся в ходе исторического процесса «майяский лингвистический ствол» (М.Галич) может служить едва ли не самым ярким примером. Иными словами, языковое варьирование — отличительная особенность не только испанского, но и индейского языкового космоса.

«Языковой союз» — термин, впервые употребленный Н.С.Трубецким для обозначения лингвистической реальности, которая возникает в том случае, когда «несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это обусловлено не общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [25, с. 333]. Помимо анализа чисто фонологических признаков, выдающийся русский лингвист рассматривал тему «языковых союзов» в самом широком культурологическом контексте, как проблему по сути своей междисциплинарную [25, с. 198; 26, с. 497]. Развивая его мысль, я попытался выделить черты «языкового союза» не только как фонологического, но и как социокультурного феномена. Мне уже не раз приходилось высказывать свои соображения на этот счет. Чтобы не нарушать цельность изложения, предельно кратко повторю их.

Итак, обобщая как выводы коллег, так и собственные наблюдения, автор этих строк выделил следующие характеристики «языкового союза».

— Общий для представителей той или иной культуры характер отношения к языку, которое является, как правило, пристрастным, «горячим». Подобную человеческую среду отличает «особая напряженность слова» (К.Кавафис), прямо обусловленная тем, что проблема языка неизменно оказывается в центре (и в основе) всей проблематики самоидентификации представителей тех или иных традиций.

— Общее понимание специфики соотношения языка с другими сферами реальности, утверждение его ключевой роли в системе культуры.

— Очень высокая интенсивность межъязыковых контактов, чрезвычайно большая «сила общения» (Ф. де Соссюр) взаимодействующих в рамках союза языков.

— Отражение в языке ряда общих черт цивилизационного «пограничья» (амбивалентность, взаимообусловленность сторон острейших противоречий, преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры, сочетание различных разновидностей межкультурного контакта) [27, с. 25-107]; [28, с. 67-68, 93-95, 99, 150]; [29, с. 125, 212, 223, 242]; [30, с. 218-221], а также такое соотношение общего и индивидуального, при котором «общее ... не только не подавляет индивидуальное, но и существует благодаря ему, им поддерживается и подчеркивается» [28, с. 58].

Все перечисленные признаки в полной мере характерны для языкового космоса Латинской Америки, в первую очередь для сферы взаимодействия испанского (в различных вариантах) и индейских языков. В силу той специфики идентификационной сферы, о которой шла речь выше, а именно, характера идентификационного стержня как процесса взаимодействия автохтонной матрицы и европейского начала, взаимосвязь индейских и испанского языков приобрела в значительном числе случаев (не во всех, конечно) именно характер языкового союза. Разумеется, следует иметь в виду условность термина «союз», который с содержательной точки зрения фиксирует главным образом степень прочности взаимосвязи контактирующих языков, не обусловленную генетически. Характер же их взаимоотношений может быть самым различным, в том числе конфликтным — вплоть до угрозы поглощения одного языка другим [28, с. 95]. В том, что касается Латинской Америки, достаточно вспомнить упомянутые в работе М.У.Руса попытки королевской администрации заставить всех майя говорить исключительно по-испански [7, с. 84], а в дальнейшем — связанное со стремлением правящих европеизированных элит «стереть» идентичность автохтонных народов разрушение в том числе и их языкового космоса, с особой силой проявившееся в последней трети XIX — первых десятилетиях XX вв.

К числу самых ярких примеров, иллюстрирующих только что сформулированные тезисы, можно отнести следующие:

— взаимоотношения науатль и испанского языка Мексики, особый характер которого, по словам Г.В.Степанова, «в значительной степени можно объяснить влиянием языка науатль» [22, с. 35]. Сила воздействия последнего на характер протекания процесса межъязыкового общения проявилась с самого начала существования испанской колонии, когда не кто иной, как Э.Кортес, признал науатль вторым «официальным» языком Мексики [6, с. 209];

— очевидные черты языкового союза обнаруживает сфера межъязыковой коммуникации, субъектами которой являлись на юге Южной Америки испанцы, португальцы, различные индейские общины (в основном гуарани) и которая определялась так называемым общим языком (*lingua geral*). Последний оказал, по-видимому, решающее влияние на складывание языкового союза в Бразилии в XVI в. [22, с. 32-33]; [31, с. 37];

— попытки обобщить результаты исследований коллег привели меня к выводу, «что в зоне майя сложился языковой союз испанского не только с отдельными индейскими языками, но и с целым, весьма многочисленным языковым семейством — при всей сложности и неоднозначности отношений между участниками этого союза, которые, наряду с элементами взаимной поддержки, включали и элементы многовекового противостояния...» [24, с. 125].

Как следует из вышеизложенного, языковое варьирование и языковой союз как формы проявления общецивилизационной доминанты многообразия при сохранении единства *sui generis* в рамках процесса взаимодействия разнородных традиций определяют лингвистическую реальность как Латинской Америки в целом, так и индейских культур, являющихся ее неотъемлемой составляющей. В этой связи следует особо отметить, что языковое варьирование и языковой союз как формы бытования языкового космоса отнюдь не исключают друг друга, а соотносятся по принципу дополнительности, выполняя одну и ту же функцию обеспечения целостности социокультурного организма (хотя и разными путями).

В условиях конкисты, а впоследствии — эпохи испанского колониального господства индейские культуры могли сохранить свою матрицу лишь потому, что им удалось установить такую связь с господствующей культурой, которая предполагала признание полноценности человечности и, следовательно, разумности индейцев. Только в этом случае имело смысл говорить об обращении их в христианскую веру. Именно такое признание нашло отражение в упоминавшейся булле Александра VI: «Объявив туземцев людьми, способными принять Слово Божье, а христианизацию — главной целью и оправданием испанской власти, папа настроил испанских монархов на всесторонний контакт с индейцами... что в конечном счете и привело к формированию метисных латиноамериканских этносов. И от такой линии поведения Испания уже не отступала никогда» [6, с. 20-21]. Разумеется, ценой включения индейцев в христианскую ойкумену являлся в рамках иберийского «колонизаторского проекта» (J.I.Cea) отказ от языческих верований, что неизбежно предполагало разрушение индейских культур. Тем не менее, обусловленная стремлением к цели евангелизации автохтонного населения готовность к различным формам контакта с аборигенной реальностью, усиленная к тому же положительным эстетическим восприятием индейцев и их мира испанскими конкистадорами и первооткрывателями [6, с. 19, 946 и др.], создавала такую социально-психологическую атмосферу, в которой оказалось возможно сохранение матрицы индейских культур в рамках сложнейшей системы взаимодействий с иберокатолическим началом. Развертывание же этой системы привело в конечном счете к генезису на территории будущей Латинской Америки совершенно новой, не похожей ни на что существовавшее ранее культурно-исторической общности, в которой социокультурное качество «пограничности» достигло максимальной степени зрелости, воплотившись в цивилизации «пограничного» типа, где, наряду с общей для всех «пограничных» ситуаций доминантой многообразия, отчетливо проявилось и начало единства.

Поэтому главной экзистенциальной основой не только латиноамериканской цивилизации в целом, но и индейских культур стала не их собственная изначальная традиция как таковая, а (подчеркнем это еще раз) процесс взаимодействия этой традиции с иными участниками межкультурного контакта.

В основе всей «диалогической ткани» (М.М.Бахтин) человеческой жизни лежит взаимодействие универсального и локального измерений на всех уровнях, начиная с индивидуального. В одной своей ипостаси индеец (как и любой другой человек) — индивидуальное воплощение человечества, *homo sapiens*, в другой — представитель той конкретной социокультурной общности, к которой он принадлежит. При сравнении различных цивилизационных типов было установлено, что цивилизационное «пограничье» отличается значительно большей по сравнению с «непограничными» цивилизациями ролью локального измерения. В латиноамериканском контексте в наибольшей мере это относится к индейским культурам, где доминанта локализма проявляется наиболее отчетливо [4, р. 37-43].

Универсальное измерение имеет сложную структуру. В работах последних лет [32] я пришел к выводу, что неразрывной и важнейшей составляющей духовной основы всех цивилизаций и культур является напряженный диалог-спор трех парадигм универсального, трех совершенно различных способов обретения смысла существования — наследия архаики, первого «осевого времени» (по К.Ясперсу) и второго «осевого времени» — эпохи модернизации (по Ш.Н.Айзенштадту и др.). Их соотношение существенно отличается в великих цивилизациях Востока и Запада («субэкменах» по Г.С.Померанцу), и в цивилизационном «пограничье». Если для субэкмен характерно преобладание «осевых» парадигм (как правило, образующих в современном мире единую, крайне противоречивую систему взаимодействий), то для цивилизаций «пограничного» типа — значительная роль архаики как активного участника диалога различных трактовок универсального. В регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте эта черта в максимальной степени проявляется именно в индейских культурах. Те характеристики автохтонной матрицы, которые были рассмотрены выше — не что иное, как основные параметры архаики именно как парадигмы универсального, в глобальном плане не менее значимой, чем обе «осевые» парадигмы, прежде всего в силу того, что (по крайней мере в наше время) только в рамках архаического мироощущения возможно в полной мере ощущать и воспринимать мир как целостность [13, с. 274-275]; [33, с. 382-383]. Тем не менее, все существующие индейские культуры (возможно, за единственным исключением изолятов, хотя и среди них мы вряд ли найдем общины, которые были бы полностью изолированы от окружающего мира) также являются полем крайне напряженного взаимодействия всех трех парадигм универсального (при явном преобладании архаической, подчеркну это еще раз) на всем протяжении истории, начиная с эпохи испанской колонии до нашего времени. Этот тезис можно было бы проиллюстрировать серией ярких примеров, в особенности — из исторической практики народов языковой семьи майя [34], [35], [13], [36], [37], [38], но жесткое ограничение объема статьи не позволяет это сделать.

Итак, определяющим фактором существования индейских культур от конкисты до наших дней является доминанта многообразия при сохранении единства *sui generis*; это единство воплощено в процессе взаимодействия автохтонных и европейских традиций*, который выступает в роли идентификационного стержня-инварианта; лингвистическая реальность индейского мира определяется двумя формами организации языкового космоса, в которых проявляет себя принцип доминанты многообразия, — языковым варьированием и языковым союзом; в рамках взаимосвязи универсального и локального измерений для всех индейских культур характерно очевидное преобладание последнего; важнейшим фактором, определяющим характер этой взаимосвязи и неразрывной составляющей духовной основы мира автохтонных народов, является диалог-спор трех парадигм универсального, отличающийся безусловным преобладанием архаической парадигмы. Как было установлено в ходе и в результате предыдущих исследований [2], [14], [16], [24], [30], [32] и неоднократно отмечалось в данном тексте, все эти черты типичны для латиноамериканского цивилизационного «пограничья» в целом. Это дает основания сделать вывод о том, что индейские культуры изоморфны по своей структуре латиноамериканской «пограничной» цивилизации как макрообщности, представляющей собой «коалицию» культур (К.Леви-Стросс), одним из участников которой являются индейские культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Singer González, D. El testimonio de Rigoberta Menchú: estrategias discursivas de una subjetividad fronteriza // *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2012, Vol. 21(1), p. 73-88.
2. Шемякин Я.Г. Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт. *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*. М.: ИЛА РАН, 2019, сс. 34-66. [Shemyakin Ya.G. Identichnost' kak sposob bytiya kul'tury: latinoamerikanskii opyt [Identity as a Way of Being a Culture: the Latin American Experience]. *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii*. Moscow, 2019, ILA RAN, pp. 34-66 (In Russ.).]
3. Atlas sociolingüístico de los pueblos indígenas en América Latina. (coord. Sichra J.) UNISEF y FUNPROEIB Andes. Cochabamba, 2009.
4. Alimonda, Héctor. Anotaciones sobre la historia ambiental, ecología política y agroecología en una perspectiva latinoamericana. *Nueva sociedad*, 2004, N 189, pp. 31-44.
5. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990, 408 с. [Galich M. Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsii. [History of pre-Columbian civilizations] Moscow, 1990, Mysl', 408 p. (In Russ.).]
6. Кофман А.Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Издательство «Крига», 2017, 1032 с. [Kofman A.F. Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenitykh konkistadorov. [Under the patronage of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of the famous conquistadors.] SPb.: Izdatel'stvo «Kriga», 2017, 1032 p. (In Russ.).]
7. Рус М.У. Народы майя: пятьсот лет сопротивления. *Американские индейцы: новые факты и интерпретации*. М.: Наука, 1996, сс. 69-93. [Rus M.U. Narody maiya: pyat'sot let soprotivleniya [Maya Peoples: Five hundred years of Resistance]. *Amerikanskie indeitsy: novye fakty i interpretatsii*. Moscow, 1996, Nauka, pp. 69-93. (In Russ.).]

* Здесь следует оговориться, что составляющими этого процесса являлись и другие участники исторической драмы Латинской Америки, прежде всего носители традиций африканского происхождения, но определяющим фактором его развертывания являлись и являются многообразные контакты европейского, прежде всего иберокатолического, и индейского миров.

8. Кнорозов Ю.В. Мануэль Галич и его книга. *Галич М. История доколумбовых цивилизаций*. М.: Мысль, 1990, сс. 24-26. [Knorozov Yu.V. Manuel' Galich i ego kniga [Manuel Galich and his book]. *Galich M. Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsii*. Moscow, 1990, Mysl', pp. 24-26 (In Russ.).]
9. Кинжалов Р.В. Индейцев Центральной Америки мифология. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1991, сс. 516-522. [Kinzhalov R.V. Indeitsev Tsentral'noi Ameriki mifologiya [Central American Indians mythology]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. T.1. Moscow, 1991, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 516-522. (In Russ.).]
10. Березкин Ю.К. Индейцев Южной Америки мифология. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1991, сс. 522-525. [Berezkin Yu.K. Indeitsev Yuzhnoi Ameriki mifologiya [South American Indians mythology]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. T.1. Moscow, 1991, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 522-525. (In Russ.).]
11. Grinberg J.H. Language in the Americas. Stanford, Stanford University Press, 1987, 456 p.
12. Ruhlen, Merrit. Evolution of Language. *MACEY, Sam, Encyclopedia of Time*. New York: Garland Science, 1994.
13. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т.1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010, 448 с. [Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы [The World Tree: Universal sign complexes.] Т.1. Moscow, 2010, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 448 p. (In Russ.).]
14. Шемякин Я.Г. Образ реальности и реальность образа: проблема цивилизационной идентичности в свете опыта социокультурного «пограничья». *Przegląd Wschodnioeuropejski. East European Review*, 2020 XI/1, сс. 219-229. [Shemyakin Ya.G. Obraz real'nosti i real'nost' obraza: problema tsivilizatsionnoi identichnosti v svete opyta sotsiokul'turnogo «pogranich'ya» [The Image of reality and the reality of the image: the problem of civilizational identity in the light of the experience of the socio-cultural «borderland»]. *Przegląd Wschodnioeuropejski. East European Review*, 2020 XI/1, pp. 219-229. (In Russ.).]
15. Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии). Шемякин Я.Г. (отв. ред.) М.: ИЛА РАН, 2018, 264 с. [Rakuts N.V. Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskіe realii) [Native American Culture and State Politics (South American Realities)]. Moscow, 2018, ILA RAN, 264 p. (In Russ.).]
16. Шемякин Я.Г. Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия – Латинская Америка – Запад). «Миры миров»: в поисках идентичности. *Россия и Латинская Америка в сравнительно-исторической перспективе*. Ред. Бондарева Е.А. М.: Фонд исторической перспективы, 2016, сс. 3-43. [Shemyakin Ya.G. Identichnost' i tip tsivilizatsii: osobennosti sootnosheniya (Rossiya – Latinskaya Amerika – Zapad) [Identity and the type of civilization: features of the relationship (Russia-Latin America-West)]. «Miry mirov»: v poiskakh identichnosti. *Rossiya i Latinskaya Amerika v sravnitel'no-istoricheskoi perspective*. Moscow, 2016, Fond istoricheskoi perspektivy, pp. 3-43. (In Russ.).]
17. Кофман А.Ф. Рыцари Нового Света. М.: Издательство ПАН ПРЕСС, 2006, 261 с. [Kofman A.F. Rytsari Novogo Sveta. [Knights of the New World.] Moscow, Izdatel'stvo PAN PRESS, 2006, 261 p. (In Russ.).]
18. Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ РАН, 2012, 304 с. [Kofman A.F. Ispanskii konkistator. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti. [Spanish conquistador. From the text to the reconstruction of the personality type.] Moscow, 2012, IMLI RAN, 304 p. (In Russ.).]
19. Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. М.: Эрвез; СПб.: Симпозиум, 2009, 606 с. [Kofman A.F. Konkistadory. Tri khroniki zavoevaniya Ameriki. [Conquistadors. Three chronicles of the Conquest of America.] Moscow, Ervez; SPb.: Simpozium, 2009, 606 p. (In Russ.).]
20. Кофман А.Ф. Кортес и его капитаны. М.: Пан Пресс, 2007, 352 с. [Kofman A.F. Kortes i ego kapitany. [Cortes and his Captains]. Moscow, 2007, Pan Press, 352 p. (In Russ.).]
21. Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. Отв. ред. Земсков В.Б. М.: ИМЛИ РАН, 2002, 400 с. [Iberica Americans. Prazdnik v iberoamerikanskoi kul'ture. [Iberica Americans. Celebration in Iberoamerican culture]. Moscow, 2002, IMLI RAN, 400 p. (In Russ.).]

22. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963, 202 с. [Stepanov G.V. Ispanskii yazyk v stranakh Latinskoi Ameriki. [Spanish language in Latin America.]. Moscow, 1963, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 202 p. (In Russ.).]
23. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. М.: УРСС, 2004, 325 с. [Stepanov G.V. K probleme yazykovogo var'irovaniya [On the problem of language variation.]. Moscow, 2004, URSS, 325 p. (In Russ.).]
24. Шемякин Я.Г. Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт ибероамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте. Оболенская Ю.Л. (ред.) *Вопросы Иbero-романистики*. Вып.17. М., 2019, сс. 114-128. [Shemyakin Ya.G. Yazyk kak faktor obespecheniya tselostnosti tsivilizatsionnoi sistemy. Opyt iberoamerikanskogo sotsiokul'turnogo «pogranich'ya» v sravnitel'no-istoricheskom kontekste [Language as a factor of ensuring the integrity of the civilizational system. The experience of the Ibero-American socio-cultural "frontier" in a comparative historical context]. *Voprosy Ibero-romanistiki*. Vyp.17. Moscow, 2019, pp.114-128. (In Russ.).]
25. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков. Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык*. М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1995, сс. 327-338. [Trubetskoi N.S. Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov [The Tower of Babel and the Confusion of languages]. Trubetskoi N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*. Moscow, 1995, Izdatel'skaya gruppya «Progress-Univers», pp. 327-338 (In Russ.).]
26. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., Толстой Н.И. Послесловие. Трубецкой Н.С. *Избранные труды по фонологии*. М.: Прогресс, 1987, 556 с. [Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs., Tolstoi N.I. Posleslovie [Afterword]. Trubetskoi N.S. *Izbrannye trudy po fonologii*. Moscow, 1987, Progress, 556 p. (In Russ.).]
27. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997, 320 с. [Kofman A.F. Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira. [Latin American artistic image of the World]. Moscow, 1997, Nasledie, 320 p. (In Russ.).]
28. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990, 203 с. [Tsiv'yan T.V. Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira [Linguistic foundations of the Balkan model of the world]. Moscow, 1990, Nauka, 203 p. (In Russ.).]
29. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009, 280 с. [Tsiv'yan T.V. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy [The world model and its linguistic foundations]. Moscow, 2009, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 280 p. (In Russ.).]
30. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001, 391 с. [Shemyakin Ya.G. Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vsemirnoi istorii [Europe and Latin America: Interaction of civilizations in the context of world history]. Moscow, 2001, Nauka, 391 p. (In Russ.).]
31. Сапрыкина О.А. На пути к современной Бразилии: языковая ситуация в Бразилии в XVI в. в документах и свидетельствах. *Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен*. М.: ИНИОН РАН, 2016, 116 с. [Saprykina O.A. Na puti k sovremennoi Brazilii: yazykovaya situatsiya v Brazilii v XVI v. v dokumentakh i svi-detel'stvakh [On the way to Modern Brazil: the linguistic situation in Brazil in the XVI century. in documents and testimonies]. *Yazyk v global'nom kontekste: Latinskaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoi fenomen*. Moscow, 2016, INION RAN, 116 p. (In Russ.).]
32. Шемякин Я.Г. Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры. Константинова Н.С. (отв.ред.) *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*. М.: ИЛА РАН, 2019, сс. 71-103 [Shemyakin Ya.G. Kul'tura v kontekste globalizatsii i globalizatsiya v kontekste kul'tury [Culture in the context of globalization and globalization in the context of culture.]. Konstantinova N.S. (ed.) *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii*. Moscow, 2019, ILA RAN, pp. 71-103 (In Russ.).]
33. Арсеньев В.Р. Архаика как дефиниция и реальность. *Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики (1996-2012)»*. СПб.: МАЭ РАН, 2014, сс. 13-17. [Arsen'ev V.R. Arkhaika kak definitsiya i real'nost' [Archaic as a definition and reality.]. *Aktual'nye problemy izucheni-*

ya arkhaiki: Materialy teoreticheskogo seminara «Teoriya i metodologiya arkhaiki» (1996-2012). SPb.: MAE RAN, 2014, pp. 13-17 (In Russ.).

34. Quiroa, Néstor J. Revisiting the Highland Guatemala Títulos: How the Maya-Ki'che' Lived and Outlived the Colonial Experience. *Ethnohistory*, 2011. Vol. 58 (2), pp. 253-321.

35. Шемякин Ф.Я. Крушение цивилизации майя классического периода: загадка или проявление закономерности? *Исторический журнал: научные исследования*, 2013, № 1 (13), сс. 80-91 [Shemyakin F.Ya. Krushenie tsivilizatsii maiya klassicheskogo perioda: zagadka ili proyavlenie zakonornosti? [The collapse of the Mayan civilization of the Classical period: a mystery or a manifestation of a pattern?]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2013, № 1 (13), pp. 80-91. (In Russ.).

36. Termez F. Zur Ethnologie und Ethnographie des nördlichen Mittelamerika. *Iberoamerikanisches Archiv*. Bd. 4, 1930, pp. 303-492.

37. Кинжалов Р.В. Культура древних майя. М.: Наука, 1971, 368 с. [Kinzhlov R.V. Kul'tura drevnikh maiya [The culture of the ancient Maya.]. Mosocw, 1971, Nauka, 368 p. (In Russ.).

38. Vega García, H. Identidad cultural y patrimonio ambiental: resistencia, reivindicación, apropiación e innovación de las mujeres en la Reserva de la Biosfera Maya. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 2014, vol. 25 (2), pp. 45-78.

Yakov G.Shemiakin (shemyakin3@gmail.com)

Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Latin America of RAS

B.Ordynka Str., 21, 115034 Moscow, Russian Federation

"Borderland" as a way of preserving and asserting identity. The historical experience of the Native American cultures of Latin America in a universal context

Abstract. The article substantiates the thesis that modern Native American cultures of Latin America reveal all the main features of "borderland" as a special state of the socio-cultural system (the dominant of diversity while preserving the unity sui generis, embodied in the very process of interaction of heterogeneous traditions, structuring linguistic reality in accordance with this dominant, the predominance of localism in the framework of the relationship between the universal and local dimensions of the life of Latin American societies, the key role of archaism in the system of interaction with the heritage of the 1st "axial time", first of all, with Christianity, and with the realities of the "second axial time" - the era of modernization. The author concludes that modern Indian cultures are isomorphic in their structure to the "borderline" Latin American civilization, considered as a "coalition of cultures" (K. Levi-Strauss), which differ significantly from each other, but are united at the deepest level by an extremely contradictory relationship of its participants.

Key words: "borderland", Native American cultures, Latin American civilization, local, three paradigms of the universal, "language union", "language variation".

DOI: 10.31857/S0044748X0016136-8

Received 21.02.2021.

Б.Ф.Мартынов

Бразильская историография об участии Советского Союза во Второй мировой войне

В статье рассмотрена эволюция взглядов бразильских историков на роль Советского Союза во Второй мировой войне и его вклад в победу антигитлеровской коалиции. В тексте представлен историографический обзор работ бразильских авторов о Второй мировой войне, начиная с 2004 г. Прослеживается нарастание их интереса к освещению подлинной роли СССР в войне по мере повышения международного авторитета Бразилии и развития российско-бразильских связей. Раскрывается отношение современных бразильских авторов к таким неоднозначным или малоизвестным темам, как Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 1939 г., сражения за Смоленск и подо Ржевом, тактика городских боев в Сталинграде, освобождение Прибалтики, война с Японией и пр. Автор делает вывод, что несмотря на усилия Запада по внедрению в общественное сознание элементов «постправды» о Второй мировой войне, истинная трактовка этих событий становится приоритетной даже в такой далекой от России стране, как Бразилия.

Ключевые слова: Вторая мировая война, бразильская историография, фальсификация истории.

DOI: 10.31857/S0044748X0016137-9

Статья поступила в редакцию 22.02.2021.

В последние годы в отечественной исторической науке появился целый ряд серьезных исследований, посвященных участию латиноамериканских стран во Второй мировой войне [1; 2; 3]; свой скромный вклад в это внес и автор данной статьи [4]. Из научных работ мы узнали о подробностях отправки на итальянский и тихоокеанский театры военных действий контингентов вооруженных сил Бразилии и Мексики [5], о вкладе латиноамериканцев в проводку атлантических конвоев [6; 7], о поставках ими важных стратегических материалов для нужд антигитлеровской

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ (РФ, 119454 Москва, Пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-8459-2466>, bfmartynoff@gmail.com).

коалиции, о действиях правительств стран этого региона по обезвреживанию работавшей там разветвленной шпионской сети стран «оси» и так далее [8]. Поэтому рефрен о «забытости» вклада наших латиноамериканских союзников в общую победу, который нет-нет да и вменялся в вину отечественной исторической науке все предшествующие годы [9; 10; 11; 12; 13], сегодня в значительной степени потерял актуальность.

Бразилия, отправившая свой экспедиционный корпус на итальянский фронт, долгое время незаслуженно пользовалась репутацией «забытого союзника», в том числе, к сожалению, и в нашей стране. Сегодня мы успешно преодолеваем эту несправедливость. Но ирония истории состоит в том, что в настоящее время «забытым союзником» Запад во главе с США пытается сделать нас*. Этой вопиющей несправедливости необходимо давать коллективный отпор, опираясь, в том числе, и на труды тех честных бразильских историков, которые не сгибаются под воздействием злонамеренной «постправды».

Долгое время события, связанные с войной в Европе и отправкой на итальянский фронт бразильского экспедиционного корпуса (*Força Expedicionária Brasileira, FEB*), рассматривались в Бразилии лишь как один из «проходных» эпизодов ее истории. Он явно уступал по значению Войне Тройственного союза (1864—1870 гг.) или гражданской войне в штате Сан-Паулу (1932 г.). Однако, начиная с 2004 г., ситуация постепенно стала меняться к лучшему. Этому есть объяснение. XXI в. поставил в повестку дня бразильской дипломатии вопрос об активном подключении своей страны — восьмой экономики мира — к глобальному измерению мировой политики. Более широкий взгляд на мир обусловил собой и более широкий подход к истории. Параллельно нарастал интерес бразильских историков и к роли Советского Союза в победе над странами «оси». Начало же «коренного перелома» в осмыслении бразильцами правды о Второй мировой в немалой степени связано с вхождением этой страны в состав *BRICS*.

Летом 2004 г. на прилавках книжных магазинов Бразилиа, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Порту-Алегри появилась книга бразильского разведчика и дипломата Сержиу Коррейя да Коста «Хроника секретной войны». Ее интригующий подзаголовок «Нацизм в Америке. Аргентинский след» [14] не оставлял сомнения в том, что книга вскоре станет бестселлером.

Подход автора к проблематике Второй мировой в целом не выбивался из привычного регионального контекста. В его книге довольно остро ощущался дух традиционного аргентинско-бразильского соперничества и взаимного недоверия, который в основном был преодолен после образования *Mercosur* (1991 г.). Решение автора, проработавшего долгое время представителем Бразилии при ООН, сосредоточиться на пронацистских симпатиях президента Аргентины Хуана Доминго Перона (1946—1955 гг., 1973—1974 гг.), вряд ли можно было считать оригинальным. В этом плане вызывали интерес лишь некоторые ранее малоизвестные факты, наподобие передачи военным атташе Аргентины в руки рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера

* Американский журналист Филипп Дэвид Зеликов в статье «Уроки Второй мировой войны» отметил: «Вспоминая День Победы 8 мая 2020 г., Белый дом Дональда Трампа, демонстрируя свойственную ему «мудрость», написал в «Твиттере», что скоро будет праздноваться годовщина «победы Америки и Великобритании над нацистами!». Кремль отреагировал: никого не забыли?» (Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/uroki-vtoroj-mirovoj-vojny/> (accessed 17.02.2021).)

незадолго до конца войны 10 тыс. (!) незаполненных аргентинских паспортов для безопасной переправки в Южную Америку видных деятелей нацистской партии.

Относительно новой можно было считать доселе редко встречавшуюся в бразильской исторической литературе попытку С. Коррейи встроить свое повествование в глобальный контекст. Он детально изложил планы Адольфа Гитлера в отношении стран Латинской Америки и США после победы над Великобританией и Советским Союзом. Латинская Америка, перекроенная и «перелицованная» согласно планам фюрера [14, р. 33], должна была стать трамплином для атаки на Соединенные Штаты из их «мягкого подбрюшья», ради чего нацисты намеревались перейти к строительству колоссального военно-морского флота, включавшего авианосцы, линкоры и тяжелые крейсера. Но опять-таки после достижения ими вожаемой победы.

В том, что победить нацистам не удалось, бразильский дипломат усматривает заслугу двух стран — Великобритании и Советского Союза. При этом он отстаивает довольно распространенную в Латинской Америке точку зрения о том, что без «массивной материальной поддержки» этих стран Соединенными Штатами, Гитлер «мог одержать победу уже в 1942 году» [14, р. 209]. Сознательно или нет, но Коррейя упустил из вида тот факт, что первые поставки в СССР по ленд-лизу начались лишь в декабре 1941 г., а их пик пришелся на 1944 г. Поэтому ни до 1942 г., ни, кстати, и в более поздний период войны, эти поставки, при всей их важности, не могли играть решающей роли.

Подлинный интерес читателя вызывают те фрагменты книги, где ее автор подробно останавливается на покровительственном отношении США к переходившим к ним на службу бывшим нацистам. «Поделив мир на два полюса, Соединенные Штаты осознали, что имеют слишком мало информации об СССР. Воевавшие с Советским Союзом знали о нем гораздо больше и одинаково боялись, что он закрепится его в центре Европы. В результате в борьбе с СССР Вашингтон сделал ставку на бывших нацистов, сорвав программу денацификации послевоенной Европы [14, р. 470].

Книга Коррейи да Коста приблизила латиноамериканскую общественность к пониманию истинных масштабов событий, происходивших в 1935—1945 гг. Однако обилие интересной и малоизвестной для нас фактуры, к сожалению, не смогло компенсировать некоторой объективно присущей ей «местечковости». Судьбы мира и всего Западного полушария в тот период зависели, конечно же, не от состояния аргентинско-бразильских отношений, а от усилий СССР в борьбе с фашизмом.

В год открытия первого саммита *BRICS* в Екатеринбурге в Рио-де-Жанейро под редакцией проф. Александра Жебита был издан сборник «Бразилия — Россия: история, политика, культура», авторами которого были российские и бразильские ученые [15].

Рассуждая о событиях начала холодной войны, проф. Сидней Муньоз (Федеральный университет Параны (*Universidade Federal do Paraná, UFPR*)) сосредоточился на изучении фундаментальных различий во внешнеполитических установках СССР и США на послевоенном этапе. «Главная забота советского государства в тот период заключалась в восстановлении разрушенной войной экономики и сохранении своего присутствия в странах Восточной Европы, которое было санкционировано соглашениями, заключенными в Ялте и Потсдаме. Советский Союз потерял в войне от 20 до 25 миллионов своих граждан, в основном мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Последствия войны продолжали сказываться на советской экономике в течение еще 20 последующих лет. Представляется, что СССР не собирался ввязываться в ненужные споры с США в столь далеком от него уголке земного шара» (Латинской Америке. — *Б.М.*). «Советский Союз в 1946 году уже

отошел от своих прежних революционных стереотипов и хотел сотрудничать с ведущими капиталистическими державами в целях восстановления своей экономики» [15, р. 55]. Однако Соединенные Штаты, исходя из своих внутренних потребностей, сознательно преувеличивали «советскую угрозу» для того, чтобы добиться выгодных для себя решений в Латинской Америке (принятие Межамериканского договора о взаимной помощи (1947 г.), подписание Устава ОАГ (1948 г.) и в странах Западной Европы (Североатлантический договор, 1949 г.). С помощью доктрин Монро и Трумэна США, по мнению С.Муньоза, «стремились к изоляции военной и экономической державы, которая была способна конкурировать с ними в мировом масштабе» [15, р. 50]. Это мнение бразильского историка, на наш взгляд, вполне может быть применено и к текущему положению вещей.

Однако подлинным «открытием» для бразильцев той роли, которую Советский Союз сыграл во Второй мировой войне, стала изданная в 2019 г. в Рио-де-Жанейро книга «Великая Отечественная война советского народа». Составители работы — профессора и преподаватели Государственного университета Рио-де-Жанейро (*Universidade do Estado do Rio de Janeiro, UERJ*) Франсиско Карлос Тершейра да Силва, Жоао Клаудио Платеник Питильо и Рикардо Кирога Виньяс — предприняли в ней прорывную попытку изменить традиционное представление о роли СССР во Второй мировой войне, которое десятилетиями формировалось в Бразилии.

Разборка завалов из исторических недомолвок и лжи начинается уже с предисловия, где его автор, Лукас Рубио, жалуется о том, что в большинстве бразильских публикаций о войне подчеркивается «ведущая» роль Соединенных Штатов в победе над нацизмом, в то время как роль Советского Союза оттесняется на второй и даже на третий план. «Когда речь заходит о вкладе СССР в дело победы, то в ход идут разговоры об «удаче», муссируется тема о суровой русской зиме, о неоправданных жертвах, «на которые не скупился Сталин», о «случайных ошибках нацистских генералов» и т.п. «Сколько генералов Красной армии мы знаем по именам? — ставит вопрос ребром бразильский ученый. — Вряд ли кто-то у нас сможет назвать хотя бы одного, зато имена двух-трех американских кто-нибудь обязательно да вспомнит. А если спросят: «Какие выдающиеся битвы Второй мировой вам известны?», то нам наверняка расскажут про «День D» — высадку в Нормандии, которая, якобы, и стала причиной падения Третьего рейха. Да, наверное, кто-нибудь вспомнит и про Сталинград, но исключительно как о сражении, где погибло больше всего людей. Детали Сталинградской битвы отданы на откуп «специалистам», которые сводят ее к битве самодлюбивых двух диктаторов — Гитлера и Сталина... А сколько написано книг и снято фильмов о том, что они были союзниками по пакту Молотова — Риббентропа! Кому выгодна такая постановка вопроса?» [16, pp. 13-14].

Говоря об участии советского народа в Великой Отечественной войне, об усилиях фронта и тыла, которые помогли переломить неудачи ее начального периода, об освобождении Красной армией нацистских концлагерей и территорий стран Восточной Европы, Л.Рубио подчеркивает, что «советские люди никогда не отделяли свою победу над наци-фашизмом от общих усилий стран антигитлеровской коалиции». «Кажется, однако, что усилия западной пропаганды, которые повлияли и на отношение к этому вопросу в Бразилии, сводились к тому, чтобы всячески приуменьшить роль советского народа в победе над врагом и демонизировать СССР» [16, р. 19]. «Эта книга, — считает необходимым отметить Л.Рубио в своем предисловии, — отнюдь не «кре-

стовый поход» против западной историографии. Это — инициатива, предпринятая с целью увековечить память советского народа, который отдал все ради победы. Это — знак восхищения его незабываемым подвигом и дань уважения к памяти его более чем 30 миллионов погибших» [16, р. 21].

Из всех глав этой во многом революционной для Бразилии книги наибольшего внимания заслуживает, пожалуй, глава «Советско-германский пакт о ненападении: ключ к победе Советского Союза в войне», написанная профессором *UERJ* Луисом Эдуардо Мергульао. В самом названии главы автор недвусмысленно расставляет все точки над «*i*» в исключительно сложной и подверженной порой полярным политическим трактовкам теме. В начало своего повествования Л.Э.Мергульао выносит слова, сказанные Гитлером: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп, чтобы понять это, мне придется вступить в соглашение с русскими и выиграть войну на Западе, чтобы потом всей мощью обрушиться на Советский Союз». Увы, но Запад, ослепленный антикоммунизмом и русофобией, не смог или не захотел понять этой нехитрой тактики фюрера.

Бразильский историк последовательно и подробно приводит данные о вскармливании Гитлера и его партии западными демократиями, об их попустительстве нацистским захватам в Европе, кульминацией которого стало Мюнхенское соглашение 1938 г. и оккупация Германией оставшейся части Чехословакии в 1939 г. «Советский Союз, — пишет проф. Мергульао, — опасался войны на два фронта: против «коллективного Запада» в Европе* и против Японии в Азии, стараясь договориться с западными демократиями в лице Великобритании и Франции, чтобы дать коллективный отпор Гитлеру». «Заключение коллективного договора изначально имело для СССР приоритетный характер», однако, «разочаровавшись в способности Запада договариваться даже перед лицом неминуемой угрозы, И.В.Сталин пошел на заключение пакта с Германией. В результате он «ликвидировал угрозу объединения на антисоветской основе демократических и фашистских государств Европы», чем «выиграл время для подготовки своей страны к обороне» [16, р. 73]. О существовании такой угрозы даже после начала Второй мировой свидетельствует один приводимый бразильским историком малоизвестный факт: в ходе «Странной войны» на Западе были зафиксированы примерно 160 случаев секретных переговоров, проходивших между представителями воюющих сторон — Англии, Франции и Германии. Советско-германский пакт о ненападении, особо подчеркивает Л.Э.Мергульао, стал отнюдь не первым в цепи аналогичных договоров, которые были заключены Гитлером перед Второй мировой войной, поскольку первым стало англо-германское военно-морское соглашение 1935 г.

Особый интерес представляет та часть главы бразильского автора, которая озаглавлена «Мир, приведший к Победе». На вопрос, почему советско-германский пакт о ненападении стал залогом победы советского народа в Великой Отечественной войне, он отвечает по пунктам.

1. Без него СССР вступил бы в войну гораздо менее подготовленным в военном и материально-техническом отношении, поскольку за период 1940—1941 гг. про-

* По данным британского историка Макса Хастингса, зимой и весной 1941 гг. Иосиф Виссарионович Сталин регулярно получал информацию ГРУ и НКВД о том, что британские ВВС готовятся совершить налет на нефтепромыслы Баку, откуда нефть шла на экспорт в Германию [17, р. 129].

изводство военной продукции в Советском Союзе возросло на треть, а его армия была увеличена до 5 млн человек.

2. Без «секретных протоколов» к советско-германскому пакту Советский Союз не имел бы тех включенных в его состав новых территорий, которые не только усилили его экономически, но и отдалили его столицу от наступающих гитлеровских полчищ в 1941 г.

3. Советско-германский пакт дал возможность заключить в апреле 1941 г. аналогичный советско-японский договор, который устранил для Москвы опасность войны на два фронта.

4. Советско-финская война 1939 г., ставшая следствием пакта, выявила многочисленные недостатки в структуре, материально-техническом обеспечении и тактических действиях Красной армии. Несмотря на короткий период времени, оставшийся до начала Великой Отечественной войны, советскому командованию, отмечает бразильский историк, удалось оперативно проанализировать и во многом исправить эти недостатки. Однако наиболее убедительным аргументом в пользу советско-германского соглашения автор считает то, что в преддверии неизбежной войны любые соображения морально-этического, идеологического и прочего порядка неизбежно должны были уступить дорогу реализму и прагматически понимаемым интересам безопасности Советского Союза как государства.

Работа Л.Э.Мергуляо, разумеется, не свободна от недостатков. Одним из них, на наш взгляд, является безусловное принятие им широко распространенной версии о том, что сталинские «чистки» в Красной армии накануне войны стали чуть ли не решающей причиной ее поражений в 1941 г. Так это или нет, но случаи перехода на сторону врага некоторых представителей высшего командного состава (например, генерала Власова) заставляют задуматься о бесспорности этого тезиса. Представляется также несколько искусственной попытка Л.Э.Мергуляо связать нападение на Перл-Харбор в декабре 1941 г. с заключением советско-японского договора о ненападении [16, р. 87]. С другой стороны, нельзя не согласиться с бразильским историком в том, что, зная уже в марте 1941 г. о неизбежности войны с Германией, Сталин неоправданно долго приказывал «не поддаваться на провокации», чем лишал войска возможности оперативно реагировать на постоянно осложнявшуюся ситуацию.

Центральная мысль Л.Э.Мергуляо о том, что советско-германский пакт стал, если уж не «ключом» к победе, то хотя бы одной из ее фундаментальных основ, заслуживает, на наш взгляд, уважения и признания. В контексте не утихающих споров по поводу «аморальности» этого пакта, глава, написанная Л.Э.Мергуляо, заставляет нас проникнуться суровой правдой исторического момента и, может быть, все же согласиться с тем, что «большое видится на расстоянии». При этом в случае с бразильским профессором, похоже, что чем это расстояние больше, тем даже лучше.

В контексте все той же щекотливой темы Иван Кавалканти Проэнса считает «полностью фальшивыми» слова Уинстона Черчилля о том, что поводом к войне стал «четвертый раздел Польши» между Германией и Советским Союзом. После отказа Польши пропустить через свою территорию части Красной армии для оказания помощи Чехословакии, считает он, Франция, Великобритания и Польша «оставили СССР один на один с Германией» [16, р. 47], а Алессандра Сангарелли Бритас, автор материала об отношениях Советского Союза с США и Великобританией в 1941—1945 гг., с изрядной долей реализма считает, что в 30-е годы финансово-промышленные круги США и Англии «остро желали» войны между СССР и Германи-

ей, и это диктовало им политику «умиротворения» Гитлера. Ответом Советского Союза стал Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 1939 г., который не только дал ему драгоценное время для подготовки к отражению агрессии, но и обратил эту агрессию к ее же истокам — на Запад, позволив Сталину на короткое время использовать территориальные приобретения в Восточной Европе в целях укрепления обороны страны [16, p. 177].

Алессандра Сангарелли опровергает миф о решающем вкладе поставок по ленд-лизу в победу Красной армии, «которые составляли примерно 7% от того, что было произведено советской военной промышленностью», хотя по разным видам вооружений, отмечает автор, цифра варьировалась. Помощь США была важной, но она не имела того решающего значения, какое имели предвоенные сталинские пятилетки [16, p. 187]. К тому же, отмечает А. Сангарелли, «многие западные авторы, склонные переоценивать помощь, поступавшую в СССР из-за океана, редко упоминают о многочисленных ошибках в составе и охране полярных конвоев, в результате чего было потеряно много ценных грузов. Они постоянно игнорируют факты задержки с открытием второго фронта в Европе, на чем настаивал Сталин» [16, p. 188]. Советский Союз, по мнению бразильской исследовательницы, был готов поддерживать дружеские отношения со своими союзниками по антигитлеровской коалиции и в будущем. «Такое сотрудничество, — отмечает она, — могло бы лечь в основу нового послевоенного мирового порядка» [16, p. 187]. К сожалению, история пошла по другому пути.

Самая большая глава монографии, автором которой является Рикардо Кирога Виньяс (*UERJ*), называется «Битва за Атлантику и конец «Черной Эскадры»». Она посвящена теме, крайне мало изученной в западной историографии, где под «битвой за Атлантику» подразумеваются почти исключительно англо-германские столкновения на море. Глава начинается с героической обороны Мурманска и границы на Кольском полуострове, вглубь которой, несмотря на все титанические усилия в начале войны, гитлеровцам не удалось вклиниться больше чем на 30 км. При этом, как отмечает автор, нацисты имели двукратное, а на ряде направлений — пятикратное превосходство в живой силе и трехкратное — в авиации [16, pp. 234, 236]. Удержание Мурманска и Архангельска стало решающим фактором для обеспечения полярных конвоев, доставлявших грузы по ленд-лизу. «В конце 1941 г. Советский Союз сумел сохранить свои двери на Север открытыми, имея при этом боеспособный Северный флот. Это факт долгое время оставался в тени тех впечатляющих битв, которые происходили в Белоруссии, на Балтике и на Украине». Однако он имел долговременное значение для войны в Европе: «В 1941 г. наступил момент, когда советские арктические порты стали играть важную роль в глобальной военной стратегии» [16, p. 245].

31 августа в Архангельск прибыл первый арктический конвой под названием *Dervish*, который сопровождал английский авианосец *HMS Argus* с 48 истребителями *Sea Hurricane* на палубе. Истребители усилили ВВС советского Северного флота, причем английские летчики, как сообщает нам автор, перед тем как покинуть пределы СССР, сами участвовали в боях, сбив 15 вражеских самолетов и потеряв один свой [16, p. 250]. Для противодействия северным конвоям Гитлер сформировал в конце 1942 г. так называемую Черную эскадру из надводных и подводных кораблей Кригсмарине. С ней-то и предстояло отныне воевать советскому Северному флоту во главе с вице-адмиралом Арсением Григорьевичем Головкин.

Большой раздел главы посвящен трагедии каравана PQ 17. В этой хорошо известной в нашей стране — как по научным, так и по художественным произведениям — драме, Р. Кирога предстает беспощадным критиком Британского адмирал-

тейства. «Избиение конвоя PQ 17 легло несмываемым пятном на репутацию британского флота», — пишет он. «...Позднее стало известно, что конвой должен был служить приманкой для того, чтобы подвести *Tirpitz** под орудия британских линкоров, которые собирались атаковать его с тыла. Но в какой-то момент адмиралтейство заколебалось и отказалось от этого плана, предоставив конвой самому себе» [16, р. 267]. Здесь же Р.Кирога рассказывает о подвиге капитана советской подводной лодки К-21 Николая Александровича Лунина, который, выпустив по *Tirpitz* четыре торпеды, заставил его отказаться от начатой операции по перехвату конвоя.

Следующего каравана — PQ 18 — Москве пришлось ждать довольно долго: в то время Англия стремилась во что бы то ни стало удержать остров Мальта. В это время от лондонского польского правительства в изгнании в Британское адмиралтейство пришло письмо весьма характерного содержания: «...Между августом и сентябрем сего года наступит взаимная нейтрализация советской и гитлеровской армий. Когда они уничтожат друг друга, наступит время для действий англосаксов» [16, р. 269]. Приводя выдержку из этого письма, бразильский историк подчеркивает особую аморальность игры в политику в то время, когда сотни тысяч людей ежедневно погибали на фронтах Второй мировой.

Дальше Р.Кирога описывает подвиг ледокольного парохода «Александр Сибиряков», погибшего, но не спустившего флаг перед немецким тяжелым крейсером *Admiral Scheer* (ответ капитана ледокола на требование сдаться звучал, как сообщает нам этот бразильский историк, «коротко и грубо»), и подвиг защитников острова Диксон, сумевших отразить атаку крейсера и тем самым сорвать операцию германского флота по захвату Северного морского пути.

«Черная эскадра» перестала существовать 26 декабря 1943 г. после потопления британскими крейсерами другого фашистского рейдера — линкора *Scharnhorst*. Крейсера вышли из советского порта в Кольском заливе, где они проходили обслуживание и ремонт. Однако полный конец операциям гитлеровцев в Заполярье был положен советским наступлением осенью 1944 г.

Возвращаясь к избитой, но все еще актуальной теме поставок по ленд-лизу, Р.Кирога приводит следующие цифры: согласно британским данным, в СССР через северные конвои союзники должны были быть доставлены 20 тыс. самолетов, 12 тыс. танков, 375 тыс. грузовиков и пр. Однако далеко не все из этих вооружений дошло до пункта назначения, поскольку немцам удалось потопить 99 (около половины) из участвовавших в конвоях судов. «Так позволяет ли это считать, что Советский Союз не смог бы победить без этих поставок?» — спрашивает автор. Цифры, — по его мнению, — говорят сами за себя. «За последние три года войны советская промышленность выпустила 100 тыс. танков, 120 тыс. самолетов, 360 тыс. орудий, 300 тыс. минометов и пр., при том, что большая часть этой страны оказалась захвачена врагом или разрушена». Р. Кирога приводит цифру в 4% — ровно столько, по его мнению, занимали поставки союзников в общей доле советского военного производства [16, р. 308]. Завершая изложение, автор отмечает, что его целью было «познакомить бразильских читателей и представителей экспертного сообщества с существованием неизвестного для них, важного фронта Второй мировой. Как и в битвах под Москвой, Сталинградом, Севастополем и Курском, советские люди продемонстрировали свой героизм и высокий профессионализм — на мо-

* Один из двух самых мощных линкоров Кригсмарине водоизмещением в 53 тыс. т, длиной в 250 м и вооруженный восьмью дальнбойными орудиями калибра 380 мм.

ре, на суше и в суровых условиях Арктики. Их героизм и умение были широко признаны, во всяком случае, в то время и в те годы, их западными союзниками» [16, р. 309].

Некоторые главы книги содержат подробную информацию о передвижениях частей и соединений советских и немецких войск, которая дает возможность составить более предметную картину борьбы на фронтах. Винисиус да Силва Рамос в главе «Битва за Смоленск» стремится в то же время показать принципиальную разницу, которая существовала между войной, которую нацистская Германия и ее союзники вели на Западе и той, которая шла на Востоке Европы. «Показателен случай с Францией», — пишет он. «Национальное правительство этой страны оказалось заменено прогерманским маршалом Петеном. Однако, вынужденный выполнять все требования нацистов, его административный аппарат оставался при этом нетронутым». «В случае же с Советским Союзом, согласно планам нацистов, все должно было быть иначе. После уничтожения тех его жителей, кто так или иначе разделял коммунистические идеалы, остальных Гитлер намеревался обратить в рабство, а СССР разделить на четыре части с «германизацией» примерно 80% его территории». «Война против Советского Союза, — заключает автор, — носила, таким образом, принципиально иной характер, и, соответственно, оборонные усилия его населения были совершенно иными» [16, р. 210]. Расчет немецких руководителей на быструю победу на Востоке, «содержал в себе опасный элемент самообольщения» [16, р. 213]. Как сообщает нам бразильский ученый, некая германо-датская кинокомпания за большие деньги купила право на съемку фильма о параде гитлеровцев на Красной площади 7 ноября, а министр пропаганды Йозеф Геббельс распорядился оставить для информации об этом событии свободное место во всех газетах и журналах рейха, которые должны были выйти 5 ноября. Все-му этому, к счастью, не суждено было сбыться.

Смоленское сражение, как считает В. да Силва Рамос, несмотря на большие жертвы и потерю самого Смоленска, имело беспрецедентное значение для обороны Москвы. Именно под Смоленском, по его мнению, начал рушиться миф о блицкриге, именно там Красной армии впервые удалось замедлить гитлеровское наступление. В ходе этой битвы вермахт понес наибольшие потери в живой силе и технике с начала Второй мировой войны — не менее 250 тыс. солдат и офицеров.

Логическим следствием смоленского сражения стало поражение немцев под Москвой — прелюдия битвы за Ржев. Ей посвящена глава бразильского историка Эдена Перейры Лопеса да Силвы «У ворот Москвы. Кровавая Ржевская битва (январь 1942 — март 1943 гг.)». Надо отдать должное автору, который смело взялся за эту тему. Дело в том, что в силу колоссальных потерь, понесенных Красной армией, и неоднозначности итогов этой битвы, ее долгое время обходили вниманием в СССР. Подробно разбирая дислокацию войск накануне ржевской эпопеи и их передвижения в ходе этого масштабного сражения, которое длилось с перерывами больше года, Э.Перейра Лопес да Силва приходит к следующему выводу: «Ржевское сражение стало еще одной, достигнутой ценой колоссальных жертв, стратегической победой. Оно позволило окончательно снять угрозу, нависавшую над Москвой, облегчить положение советских войск на Кавказе и обеспечить молниеносное наступление Юго-Западного фронта под командованием Ватутина на Харьков и Белгород».

Связь, установленная Э. Перейрой Лопесом да Силвой между двумя сражениями — подо Ржевом и, практически одновременно, под Сталинградом — в чем-то подтверждает оригинальное сравнение методов ведения войны, сделанное американским журналистом, участником боев во Франции, Ральфом Ингерсоллом. По

его мнению, США, СССР и Великобритания вели войну сообразуясь с правилами... национальных видов спорта: Советский Союз руководствовался правилами шахмат, жертвуя фигурой в одном месте, чтобы обеспечивать многократное превосходство в другом*. Поэтому отнюдь не случайно, что Ржев, этот «Русский Верден», в исследовании бразильского историка предстает перед нами не «бессмысленной мясорубкой», как это нередко пытаются представить, а «стратегической победой», которая подготовила последующие победы Красной армии, включая и Сталинградскую битву. К сожалению, в изложении автора вкралась неточность: Тула, в отличие от Ржева, Калинина и Калуги, никогда не была захвачена врагом.

Сталинград обозначил коренной перелом в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне в целом. Однако за этим определением часто забывается конкретный вклад в военную науку, который внесла Красная армия в ходе Сталинградской эпопеи. Бразильский историк Жоао Клаудио Платеник Питильо в главе «Советская доктрина городской войны в Сталинграде» концентрирует внимание читателя именно на этом вопросе. Он решительно опровергает мнение тех, кто считает, что победа в Сталинграде была достигнута исключительно за счет «колоссальных жертв» со стороны Красной армии.

В начале своего повествования К. Платеник Питильо приводит слова командующего защищавшей Сталинград 62-й армии генерала Василия Ивановича Чуйкова о том, что наступление на город войск Паулюса можно отразить только с помощью новых, нетривиальных методов обороны. Такими методами стали: использование хорошо вооруженных подвижных тактических групп (от трех до пяти человек), вооруженных «коктейлями Молотова»; предварительная глубокая разведка вражеских позиций; оборудование защищенных огневых точек в разрушенных домах (знаменитый «дом Павлова») и активное использование снайперов. Все эти методы стали называться общим термином «активная оборона» и впоследствии превратились в свод правил ведения войны в городских условиях. Нацисты, полагавшиеся на активное использование авиации и танков, привыкшие к молниеносным охватам и ударам в тыл противника, не были готовы к таким полупартизанским методам ведения войны. «Победа советского народа под Сталинградом, — завершает свое исследование автор, — стала не только одной из важнейших страниц в истории Второй мировой войны, но и одновременно значимым вкладом в развитие военной науки» [16, р. 41].

«От Ленинграда до Калининграда: освободительный марш советских войск вдоль Балтийского побережья» — так называется глава Эдена Перейры Лопеса да Силвы, где повествуется о событиях, которые также вызывают много споров. Глава охватывает широкий временной отрезок от снятия блокады Ленинграда до капитуляции Курляндской группировки немцев, которая состоялась уже после подписания Акта о капитуляции Германии, 12 мая 1945 г. Автор скрупулезно изучает передвижения войск на всем побережье Прибалтики за этот период, приводит в тексте штабные документы и приказы и ссылается на свидетельства очевидцев. Для российского читателя в контексте современ-

* У Великобритании таким национальным спортом оказался гольф («англичане воевали долго, терпеливо и с перерывами на чай»), для американцев — американский футбол (полное превосходство тактики над стратегией), а немцы проиграли войну, потому что... «относились к ней слишком серьезно». (Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., Изд-во иностранной литературы, 1947. Available at: <http://militera.lib.ru/memo/usa/ingersoll/index.html> (accessed 05.03.2021).)

ного отношения к войне в странах Балтии особый интерес, наверное, могут представлять данные о борьбе Красной армии с эстонскими и латвийскими приспешниками Гитлера. Вот цитаты из текста главы: «...Наступление на Таллин было быстрым. Марионеточное правительство Юри Уллотса прикрывали немногочисленные оставшиеся отряды (коллаборационистов. — Б.М.), готовые помочь этому ставленнику Гитлера поменять свою нацистскую протекцию на шведскую...» [17, р. 159]. «22 сентября 1944 г. войска Ленинградского фронта в течение четырех дней освободили Ригу. Марионеточное правительство Латвии бежало в Швецию, а остатки немецких войск — на расположенные к западу эстонские острова, где продолжали оказывать сопротивление до ноября» [16, р. 160].

Показательна общая характеристика боев на северо-западном направлении, представленная Э. Перейрой Лопесом да Силвой: «Стратегия нацистов не предполагала упорного сопротивления англосаксам, их даже намеревались пустить в Берлин, чтобы добиться «почетного» окончания войны на Западе и продолжения ее на Востоке. Для этого нацистам нужно было всеми силами удерживать территории Восточной Пруссии, Чехословакии и Курляндии, максимально удалить Красную армию от территории собственно Германии и укрепить войска на Востоке силами, перебрасываемыми с Запада» [16, р. 166]. Резюме автора таково: «Освобождение советского побережья Балтики заняло примерно полгода и привлекло силы двух фронтов в составе почти двух миллионов бойцов. Оно привело к полному уничтожению немецкой Группы армий «Север» и к безоговорочной капитуляции группировки войск, окруженной в Курляндии. Полное снятие блокады Ленинграда и освобождение территорий трех балтийских республик не только помогло эстонскому, латвийскому и литовскому народу вновь вернуться в состав Советского Союза (курсив мой. — Б.М.), но и получить выход к Балтийскому морю Польше [16, р. 167].

Заключительная глава книги посвящена победе на Дальнем Востоке: «Красная буря в августе. Решающая битва между СССР и Японией на территории Манчжурии». Автор главы — Марина Магальяэс Баррето Лейти да Силва — пишет о том, как много известно миру о войне США с Японией и как мало — о вкладе Советского Союза в победу над японским милитаризмом. Она отмечает гораздо меньшее внимание бразильских историков («в силу их культурной близости к Европе») к восточному флангу Второй мировой вообще, на фоне чего информация об участии СССР в войне с Японией является в Бразилии *terra incognita* [16, р. 313]. Возможно, именно поэтому М.Магальяэс сочла необходимым предпослать своей основной теме краткую историю японских захватов в Азии, включая русско-японскую войну и события 1931—1941 гг. При этом автор допускает досадную неточность, полагая, что Монголия (МНР) «была одной из советских республик» [16, р. 322].

Весьма уместными с точки зрения раскрытия темы стала информация М.Магальяэс о том, что после того, как США произвели успешное испытание атомной бомбы, Гарри Трумэн «высказал сомнения» по поводу целесообразности вступления СССР в войну с Японией. Эту информацию можно найти также в работах современных американских историков Джона Пэка и Майкла Бешлосса [18]; [19]. Сталин же, продолжает М.Магальяэс, «не доверяя союзу с англо-американцами, хотел закрепить территорию Манчжурии за Советским Союзом до капитуляции Японии. Он считал, что контроль над ней повлияет на всю схему послевоенной оккупации японских островов и на формирование союзного оккупационного командования» [16, р. 324].

М.Магальяэс отмечает дипломатическое искусство советского вождя, который вплоть до разрыва дипломатических отношений поддерживал у посла Японии иллюзию того, что СССР останется нейтральным, а также мастерство советских

генштабистов, сумевших в короткие сроки организовать переброску на Дальний Восток из Европы более миллиона офицеров и солдат и большое количество военной техники. При этом «японцы даже не заподозрили, что Советский Союз готовит масштабное наступление» [16, р. 326]. Ход военных действий доказал полное превосходство советских сухопутных и морских сил, которые за 25 дней боев нанесли поражение Квантунской армии Японии — «стремительность и эмоциональный накал этой операции были впечатляющими». Однако западные историки, пишет дальше М.Магальяэс, «стремятся принизить значение этой победы, ссылаясь на численное превосходство советских войск». К чести бразильской исследовательницы, она не разделяет это мнение. К дополнительным факторам, которые отчасти сводили на нет наше численное превосходство, она относит: лучшее знание японцами театра военных действий, его труднодоступность (пустыни, горы), а главное — наличие долговременных оборонительных сооружений. Как известно, наступающая сторона всегда несет большие потери, чем сумевшая хорошо закрепиться на местности. Данные о потерях, приводимые М.Магальяэс — 12301 — с советской стороны, более 60 тыс. — с японской, — говорят о том, что главным фактором победы СССР в той войне было все же не число, а умение.

Краткое заключение к своему труду бразильские историки завершают словами: «Со смертью Рузвельта и с приходом в Белый дом Трумэна отношение США к Советскому Союзу резко изменилось, первым свидетельством чего стала атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. На советских людей сразу стали смотреть как на новых врагов». «Человечество, — резюмируют исследователи, — вышедшее из самой кровавой войны, которая была отмечена массовым истреблением гражданских лиц, Холокостом, атомными бомбардировками мирных городов и десятками миллионов погибших в Советском Союзе и Китае, сразу после этого погрузилось в омут холодной войны с ее региональными войнами, «равновесием страха», террором и массовыми убийствами».

Несмотря на столь пессимистический финальный аккорд, соответствующий, впрочем, послевоенной реальности, книга бразильских историков в целом внушает оптимизм. Само ее появление свидетельствует о том, что, несмотря на злонамеренную «постправду», истинная роль, сыгранная Советским Союзом во Второй мировой войне, встречает признание даже в очень отдаленных от России уголках планеты.

К рассмотренной нами книге, как и к любому научному труду, можно было бы предъявить несколько претензий. Об отдельных досадных «ляпах» было сказано выше. При этом, к чести авторского коллектива, следует заметить, что количество таковых в англо-американской литературе о России временами «зашкаливает». Кто-нибудь мог бы упрекнуть бразильских ученых в отсутствии анализа таких эпохальных событий, как, например, Курская битва или Берлинская наступательная операция. На это можно было бы возразить, что авторы книги не претендовали на энциклопедичность своей работы. Мне кажется, что они могли бы быть более последовательными в изложении событий, в частности, начать изложение не со Сталинградской битвы, а, например, с анализа Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Но все эти критические замечания — объективные или субъективные — меркнут на фоне огромного желания бразильских исследователей донести до читателя правду о роли Советского народа во Второй мировой войне. Этот труд, написанный на документальной основе, является поистине уникальным для страны, где до сих пор господствовали западные трактовки Второй мировой. Перевод книги на русский язык мог бы стать

новым шагом не только на пути более глубокого понимания друг друга нашими странами — участниками *BRICS*, но и в деле укрепления исторической памяти и политического сознания российской молодежи, став еще одним доказательством того, что Россия не одинока в отстаивании исторической правды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Давыдов В.М. Латинская Америка 70 лет назад и семь десятилетий спустя. *Латинская Америка*. М., 2015, № 11, сс. 5-12. [Davydov V.M. Latinskaya Amerika 70 let nazad i sem' desiyatiletii spustia [Latin America 70 years ago and 70 years since]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 11, pp.5-12. (In Russ.).]
2. Строганова Е.Д. Влияние двух мировых войн XX века на латиноамериканское общество. М., Весь Мир, 2019, 120 с. [Stroganova E.D. Vliyanie dvukh mirovykh voyn XX veka na latinoamerikanskoye obshestvo [The Influence of the Two World Wars on the Latin American Society]. Moscow, Ves Mir, 2019, 120 p. (In Russ.).]
3. Строганова Е.Д. Влияние Второй мировой войны на страны Латинской Америки. *Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола* (Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016, сс. 212-224. [Stroganova E.D. Vliyanie Vtoroi mirovoi voyny na strany Latinskoi Ameriki. *Aktyual'nye problem Vtoroi mirovoi y Velikoi Otechestvennoi voyn: po materialam raboty kruglogo stola* [The Influence of the Second World War on the Countries of Latin America]. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2016, pp.212 – 224. (In Russ.).]
4. Мартынов Б.Ф. Судьба крейсера «Баия». Некоторые мысли о союзнничестве в годы Второй мировой. *Латинская Америка*. М., 2010, № 5, сс.32-46. [Martynov B.F. Sud'ba kreisera “Bahia”. Nekotorye mysli o soyuznichestve v gody Vtoroi mirovoi [The Destiny of “Bahia”. Some thoughts on the politics of alliances during the second world war]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2010, N 5, pp.32-46. (In Russ.).]
5. Окунева Л.С. «И кобра закурила» или «Забытый союзник». Военные действия Бразильского экспедиционного корпуса в Италии. *Латинская Америка*. М., 2010, № 5, сс. 23-32. [Okuneva L.S. “Y kobra zakurila” ili “Zabytyi soyuznik”. Voennye deistvia Brazil'skogo ekspeditzionnogo korpusa v Italii [“And the Snake started smoking” or a “Forgotten Ally”. Military actions of the Brazilian Expeditionary Force in Italy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2010, N 5, pp. 23-32. (In Russ.).]
6. Брилёв С.Б. Забытые союзники во Второй мировой. М., ОЛМА-Пресс, 2012, 712 с. [Brilyov S.B. Zabytye soyuzniki vo Vtoroi mirovoi [Forgotten Allies in the Second world war]. Moscow, OLMA – Press, 2012, 712 p. (In Russ.).]
7. Брилёв С.Б. Советский фактор в политике малых стран Латинской Америки в канун и во время Второй мировой войны: дисс. канд. ист. наук. М., 2016, 345 с. [Brilyov S.B. Zabytye soyuzniki vo Vtoroi mirovoi. [Forgotten Allies in the Second world war]. Moscow, 2016, 345 p. (In Russ.).]
8. Строганова Е.Д. Гитлеровская агентура в Латинской Америке. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, Издательско-полиграфический центр «Научная книга», сс.243-252. [Stroganova E.D. Gitlerovskaya agentura v Latinskoi Amerike. V sbornike: *Aktyual'nye problem Vtoroi mirovoi y Velikoi Otechestvennoi voyn: po materialam raboty kruglogo stola* [Agents of Hitler in Latin America]. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2016, p. 243 – 252. (In Russ.).]
9. Григорьян Ю.М. Германский империализм в Латинской Америке. М., Наука, 1974, 207 с. [Grigorian Yu.M. Germanskii imperialism v Latinskoi Amerike [German Imperialism in Latin America]. Moscow, Nauka, 1974, 207 p. (In Russ.).]
10. Гришин Ю.М. Крах гитлеровских планов в отношении Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 1975. № 5, сс.76-84. [Grishin Yu.M. Krakh gitlerovskikh planov v otnoshenii Latinskoi Ameriki [Collapse of the plans of Hitler towards Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 1975, N 5, pp.76-84. (In Russ.).]
11. Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М., Дрофа, 2008, 416 с. [Stroganov A.I. Latinskaya Amerika v XX veke [Latin America in the XXth century]. Moscow. Drofa, 2008, 416 p. (In Russ.).]

Борис Мартынов

12. Калмыков Н.П. (ред.). История Латинской Америки. 1918–1945. М., Наука, 1999, 485 с. [Kalmykov N.P. Istoria Latinskoi Ameriki [History of Latin America]. Moscow, Nauka, 1999, 485 p. (In Russ.).]
13. Ларин Е.А. Латиноамериканская цивилизация. М., Высшая школа, 2007, 494 с. [Larin E.A. Wseobshaya historia. Latinoamerikanskaya tsivilizatsia [Universal History. The Latin American civilization]. Moscow. Vyshaya shkola, 2007, 494 p.]
14. Sergio Corrêa da Costa. Crônica de uma Guerra Secreta. Nazismo na América: A conexão argentina. Rio de Janeiro, Editora Record, 2004, 530 p.
15. Zhebit A. (ed.). Brasil – Rússia: história, política, cultura. Rio de Janeiro, Gramma, 2009, 214 p.
16. “A Grande Guerra Patriótica dos Soviéticos” Rio de Janeiro, Multifoco, 2019, 340 p.
17. Hastings M. The Secret War. London, William Collins, 2016, 612 p.
18. Pack J. The Soviet Manchurian Campaign: Decisive victory over a desperate enemy. Core Course II Essay. Washington, National War College, 1995, 122 p.
19. Beshloss M. The Conquerors. NY., Simon & Shuster, 2002, 377 p.

Boris F. Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Dr. of Political sciences, professor, Chief of Cathedra of International Relations and Foreign Policy of Russia MGIMO MID RF

Prospect Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Brazilian historiography on the participation of the USSR in the Second World War

Abstract. The article deals with the evolution of views of the Brazilian authors on the role, played by the Soviet Union in the WWII and its contribution to the victory of the anti-Hitlerian coalition. It contains a historiographical review of the works, written by the Brazilian authors on the theme, beginning from 2004. One follows the process of their growing interest towards clarifying the real contribution of the Soviet part to the common victory, along with the rise of the international authority of Brazil and strengthening of the Russo – Brazilian ties. One reveals the modern attitude of Brazilian authors towards such dubious or scarcely known themes as the Molotov – Ribbentrop pact, the battles for Smolensk and Rzhev, town-bound fights in Stalingrad, liberation of the Baltic republics, the Soviet war with Japan, etc. The author comes to conclusion, that in spite of the Western efforts to infuse the people’s conscience with the elements of the “post – truth” in this respect, the correct treatment of those events acquires priority even in such a far off from Russia state, as Brazil.

Key words: Second World War, Brazilian historiography, falsification of history.

DOI: 10.31857/S0044748X0016137-9

Received 22.02.2021.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Бобровников А.В. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. Яковлев П.П.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. Мартынов Б.Ф.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. Давыдов В.М.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru